

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№11 НОЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2018

О жизни и творчестве художника Эдуарда Мане читайте на странице 65.

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Император на один день**..... 4

Рассказ

Святослав Тараховский **Призвание**..... 26

Неизвестное об известном

Алла Зубкова **Гектор Берлиоз. Рожденный под взбесившейся звездой**..... 34

Евгения Гордиенко **Чехов, которого мы не знаем**..... 57

Юрий Осипов **Константин Бальмонт. Будем как солнце!**..... 106

Замечательные современники

Альберт Лиханов **Свой среди своих** 44

Иван Переверзин **Мой Глазунов**..... 87

Шедевры

Ирина Опимах **Эдуард Мане. «Расстрел императора Максимилиана»** 65

Эссе

Виктор Ом **С.А. Лучишкин. «Шар улетел»** 75

Поэзия

Елена Данченко **Стихи** 83

Детектив

Андрей Дышев **Одноклассники**..... 124

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Илья Глазунов. «Автопортрет»

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 7800

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 23.10.2018

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

«*Современным людям вряд ли будет трудно ответить на вопрос, кто такой Борис Годунов. Как, кто? Узурпатор и детоубийца, хитростью пробравшийся на трон, но продержавшийся на нем лишь семь лет. Ну и, разумеется, «мальчики кровавые в глазах». Все? А вот и не все. Слишком уж одиозен этот царь, слишком выбивается из ряда правивших до и после него. Увы, не Рюрикович, в отличие от большинства своих недоброжелателей, зато прекрасно образованный, пытавшийся проводить политическую линию, которая на сто лет предварила реформы Петра I. Человек, в царствование которого Русь одержала немало громких военных побед — кстати, тоже быстро и надежно забытых. Так кто все-таки он — Борис Федорович Годунов?..*

Светлана **Бестужева-Лада** «Непризнанный реформатор»

«*Погибшей в страшной автокатастрофе народной любимице Марине Голуб 8 декабря исполнился бы 61 год. Она жила, как говорится, «на полную катушку». Успевала все: играла в родном МХТ имени Чехова и антрепризах, снималась в кино, вела телевизионные шоу, искала себя в режиссуре... Женщина-праздник, вся солнечная, открытая, как распахнутое настежь окно. Именно поэтому ее нелепая гибель в расцвете лет и на пике карьеры до сих пор никого не оставляет равнодушным.*

Андрей **Колобаев** «Дочь полковника ГРУ и правнучка Льва Толстого»

«*Михаилу Врубелю были подвластны все жанры изобразительного искусства, его работы настолько оригинальны, что их всегда можно узнать. Но один портрет в его творчестве стоит особняком — он был написан в короткий период безоблачного счастья. Это — «Портрет артистки Н.А. Забелы-Врубель, жены художника, в летнем туалете Empire, исполненном по замыслу художника».*

Виктор **Ом** «Портрет в тональности ля мажор»

«*Детектив Александра Аннина «Жестокий пасьянс»*

Светлана Бестужева-Лада

ИМПЕРАТОР

на один день

Последним российским императором традиционно и постоянно называют Николая II. Фактически это так, но следует добавлять: последний царствовавший император. Потому что после отречения Николая от престола его сутки занимал младший брат и многолетний наследник цесаревич Михаил. Император Михаил II. Формально именно он был последним российским императором, и только сложное семейное положение (да и склад характера) помешали ему стать императором по-настоящему, а России — гипотетически избежать революционного кошмара.

Не сложилось...

Великий князь Михаил Александрович был четвертым и самым младшим сыном императора Александра III.

Он родился в Аничковом дворце Санкт-Петербурга 4 декабря (22 ноября) 1878 года и был третьим по преемственности престола Государства Российского после своих августейших братьев — великих князей Николая и Георгия.

По воспоминаниям знавших его людей из ближайшего окружения, Михаил рос умным и энергичным юношей, он был высокого роста, крепкого телосложения и приятной наружности. С самых ранних лет увлекался верховой ездой, охотой, спортом и театром, а позднее — вождением автомобиля и авиацией.

Многие царедворцы также отмечали его воспитанность, скромность и даже застенчивость. В общении с людьми, независимо от их общественного положения, Михаил Александрович отличался своеобразным «демократизмом».

Полковник А.А. Мордвинов, состоявший до 1912 года в должности адъютанта при великом князе, впоследствии вспоминал:

«Многим Михаил Александрович казался безвольным, легко поддающим под чужое влияние. По натуре он действительно был очень мягок, хотя и вспыльчив, но умел сдерживаться и быстро остывать. Он действительно не любил (главным образом, из деликатности) настаивать на своем мнении, которое у него всегда все же было, и из этого же чувства такта стеснялся и противоречить. Но в тех поступках, которые он считал — правильно или нет — исполнение своего нравственного долга, он проявлял обычно настойчивость, меня поражавшую».

Наряду с этим, Михаил Александрович считался самым богатым среди великих князей Дома Романовых, но, при этом, совершенно неприязнительным.

Тот же А.А. Мордвинов писал: *«Деньгам для себя лично он не при-*

давал никакого значения, совсем плохо разбирался в относительной стоимости различных вещей и оставался совершенно безучастным ко всем докладам, говорившим об увеличении его материальных средств».

18 июня 1899 года от приступа чахотки скоропостижно скончался великий князь Георгий Александрович, признанный наследником престола после Николая. Посему, уже 7 июля 1899 года своим именованным Указом государь повелел:

«Доколе Господь Бог не благословит Нас рождением сына, впредь именовать Великого Князя Михаила Александровича «Государем Наследником и Великим Князем».

Вместе с означенным титулом великий князь Михаил Александрович унаследовал также немалую долю имущества своего покойного брата, а также обширное имение Брасово, расположенное в Брянской губернии.

Путь служения Отечеству у великого князя, как и у всех членов императорского дома Романовых, был один — служба в армии. Поэтому, начиная с рождения, Михаил Александрович был записан в целый ряд самых элитных подразделений Императорской русской армии.

Вступив в службу в апреле 1900 года, он был приписан к расквартированному в Гатчине Лейб-гвардии кирасирскому Е.В. государыни императрицы Марии Федоровны полку, а через шесть лет был назначен командиром Первого эскадрона полка «Синих кирасир».

Вдовствующая императрица Мария Федоровна уже «раскладывала пасьянс невест», перебирая всех европейских принцесс, которые могли бы стать достойной парой ее любимцу.

Но тут в игру волшебного геральдического фонаря вмешалась никому не ведомая женщина, хуже того — «полковая дама». Наталья Сергеевна, в девичестве Шереметьевская, была дочерью адвоката (даже не дворянкой!), уже успела побывать замужем за С.И. Мамонтовым (племянником мецената Саввы Мамонтова) и родить ему дочь Наташу (Тату). А оформив развод с С.И. Мамонтовым, сразу же вышла замуж за Владимира Владимировича Вульфферта, который служил в полку «Синих кирасир».

Наталья Сергеевна была женщиной красивой и образованной, к тому же обладала каким-то особенным, присущим только ей шармом.

Великий князь Михаил Александрович познакомился с Натальей Сергеевной на праздничном фуршете, организованном в здании полкового манежа «Синих кирасир». С самого первого дня их знакомства сердце Михаила было пленено, поэтому нет ничего удивительного в том, что их роман развивался слишком бурно на глазах всего полка, вызывая восхищение, смешанное с завистью...

Муж взирал на знаки внимания, оказываемые его жене, с удивительным благодушием и даже находился

с великим князем в почти дружеских отношениях.

К весне 1909 года стало понятно, что симпатии и потребность в общении Михаила и Натальи приобретают непреодолимый характер, и что эти чувства становятся взаимными. Однако Наталья Сергеевна все это долгое время неукоснительно выдерживала положенную замужней женщине «дистанцию» и не позволяла себе даже в мыслях разрушить священные узы брака.

Когда же наступил момент, что противиться чувствам обоих более не стало сил, она прямо заявила об этом мужу и на некоторое время уехала в Европу.

Оправившись от потрясения, поручик В.В. Вульфферт повел себя достойно и при встрече один на один с великим князем потребовал от него либо дать слово жениться на Наталье после получения ею развода, либо оставить ее в покое, либо... стреляться.

Естественно, что в данных условиях ни один из «мирных вариантов» был неприемлем. Посему оставалась только дуэль... И вот, когда уже были выбраны секунданты и приготовлена дуэльная пара пистолетов, неожиданно последовал вызов к государю...

На этой встрече августей брат выразил свое крайнее недовольство и повелел великому князю немедленно сдать командование эскадроном и убыть в Орел, где принять командование Черниговским гусарским полком.

Незадачливый муж все-таки развелся с прелестной Натали, но из армии ему пришлось уволиться, а из Петербурга перебраться в Москву. Для августейшего семейства дважды разведенная женщина с ребенком перестала казаться опасной, и снова заговорили об иностранных принцессах и о браке Михаила с одной из них.

Но Михаил Александрович даже и не думал прекращать свои тайные встречи с возлюбленной — теперь уже свободной и потому еще более близкой.

Тем не менее, ситуация была безвыходной. Ибо статьи Свода законов Российской империи прямо регламентировали: *«...никто из Великих Князей и Великих Княжон не может вступить в брак с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому».*

Влюбленным все-таки пришлось разлучиться, но они испытывали ужасную тоску друг без друга.

«Мой нежный друг сердечный, — писал в своем письме великий князь Наталья Сергеевне. — Боже мой, как я страдаю без тебя, не могу и выразить тебе того полного чувства ужасной, страшной тоски, которое переполняет мою душу и сердце. Сердце мое прямо разрывается от мысли, что я тебя долго не увижу. Я чувствую к тебе такую огромную любовь, такую привязанность, которую еще никогда не чувствовал, и ни разу не тосковал по тебе до такой степени, как теперь, это просто что-то ужасное...»

Тут подошло время очередного отпуска, и император просто не мог его не дать, хотя бы на двенадцать дней, которые любящие сердца провели вместе, путешествуя между Санкт-Петербургом и Москвой, после чего великий князь вновь убыл в Орел. А вскоре стало известно, что Наталья Сергеевна в положении.

Но даже и в такой ситуации ничего нельзя было сделать, так как она формально оставалась замужней женщиной, сочетавшейся церковным браком.

И только за месяц до рождения ребенка дело, наконец-то, сдвинулось с мертвой точки, и документы о разводе были переданы на рассмотрение в Священный синод. Великий князь заплатил «законному мужу» 200 тысяч отступных, но сына

Георгия Наталья Сергеевна родила 6 августа 1910 года, а развод удалось окончательно оформить только после его рождения.

Своим Указом государь вынужден был предписать Сенату: *«Сына состоявшей в разводе Натальи Сергеевны Вульферт, Георгия, родившегося 9 августа 1910 года, Всемилоостивейше возводим в Потомственное Дворянское Российской Империи Достоинство, с предоставлени-*

дарыни императрицы Марии Федоровны полка. Своим местом жительства Михаил Александрович избрал принадлежавший ему особняк, расположенный на Английской набережной.

Но Свод законов Российской империи не был единственным препятствием на пути к вступлению в законный брак, так как великий князь незадолго до рождения сына был вынужден дать государю слово ни-

Михаил, четвертый и самый младший сын императора Александра III, был умным и энергичным юношей высокого роста, крепкого телосложения и приятной наружности. С самых ранних лет его увлечениями были верховая езда, охота, спорт и театр, а позднее — вождение автомобиля и авиация. Многие отмечали его воспитанность, скромность и даже застенчивость. В общении с людьми, независимо от их социального положения, он отличался своеобразным «демократизмом», предпочитая подчас общество своих наставников, а не царственных родственников

ем ему фамилии Брасов и отчества Михайлович».

А спустя год он согласился на предоставление Наталье Сергеевне Вульферт фамилии Брасова, а также разрешил последней проживание в имении брата — Брасово, где она, наконец-то, смогла почувствовать себя полноценной хозяйкой.

3 апреля 1911 года великий князь был переведен в Санкт-Петербург и назначен на должность командира Кавалергардского Е.В. госу-

огда не предпринимать попыток к женитьбе на Наталье Сергеевне. Посему проживание Натальи Сергеевны вместе с Михаилом Александровичем на положении «не жены и не вдовы» только лишь ухудшило ее положение в обществе, став одной из излюбленных тем для всевозможных сплетен...

В первых числах сентября 1912 года оба брата Романовы вместе со своими семьями убыли в осенние отпуски. Великий князь Михаил Алек-

*Великий князь Михаил
Александрович Романов*

сандрович и Наталья Сергеевна выехали за пределы России, предполагая провести отпуск по маршруту: Германия — Австрия — Италия — Франция. Отправляясь в это путешествие, Михаил Александрович поставил в известность всех сопровождавших его лиц, что в Канны они придут к концу ноября, и что он вместе с Натальей Сергеевной будет добираться туда самостоятельно на своем автомобиле.

Предвидя возможные последствия, связанные с закреплением брачных уз между Михаилом Александровичем и Натальей, император предпринял меры особой предосторожности. Однако обладавший

Наталья Сергеевна Вульферт

незаурядными способностями конспиратора Михаил Александрович нашел выход.

Находясь в Вене, он за 1000 австрийских крон, пожертвованных им на сербский храм Святого Саввы, уговорил его настоятеля Мисича совершить между ним и Натальей Сергеевной обряд венчания. Что, собственно говоря, и произошло 16 октября 1912 года в присутствии свидетелей — церковного сторожа и супруги самого Мисича. А так как обряд венчания, сотворенный в любом из православных храмов, находящемся под юрисдикцией одного из славянских государств, не мог быть расторгнут Святейшим сино-

дом, то дело это было «беспротычным»...

Телеграмма с известием о венчании вызвала крайнее возмущение царя. В письме своей матери он писал:

«Между мною и им сейчас все кончено. Ему нет дела до нашего горя, ни до скандала, который это событие произведет в России. И в такое время, когда все говорят о войне, за несколько месяцев до юбилея Дома Романовых!»

Михаилу Александровичу вместе с супругой и детьми пришлось переехать в Великобританию, где они поселились в ранее приобретенном им замке Небворт, близ Лондона.

Именно там Михаил и Наталья провели немногим более полутора лет счастливой семейной жизни. Предоставленные самим себе, они были счастливы. Говорят, что противоположности притягиваются. Так было и у них: своенравная и немного капризная Брасова и мягкий, застенчивый, с радостью подчиняющийся ей великий князь прекрасно уживались друг с другом.

В своем замке они часто принимали гостей из России, в числе которых были Ф.И. Шаляпин и балерина Т.П. Карсавина. Время от времени супруги совершали путешествия во Францию и в Италию.

Тоскуя по России, великий князь, как-то поднявшись в Париже на Эйфелеву башню, написал на купленной там открытке:

«С этой высоты можно увидеть Гатчину...»

А 1 августа 1914 года Россия вступила в Первую мировую войну. Михаил Александрович незамедлительно написал письмо государю с просьбой разрешить ему вернуться на Родину.

«Меня можно в наказание лишить прав и имущества, связанных с моим рождением, — писал он в этом письме, — но никто не может лишить меня права пролить кровь за Родину!»

И Николай II, не задумываясь, дал свое высочайшее соизволение, разрешив брату вернуться в Россию, где он был назначен командиром вновь образуемой из кавказских горцев конной «Дикой дивизии», которая вскоре покрыла себя неувядаемой славой.

По воспоминаниям современников, Михаил Александрович всегда с изумительным спокойствием и полным хладнокровием, не обращая внимания на пролетающие пули и разрывы снарядов, смело смотрел в глаза смертельной опасности. Находясь почти всегда в самой гуще боя, он был бодр, весел и отважен, за что горцы полюбили его всем сердцем и даже боготворили своего командира.

А вот в своих письмах Наталье Сергеевне, которая в то время жила в Гатчине вместе с детьми, он всячески скрывал от нее подстерегавшую его на каждом шагу смерть.

«Я больше сижу дома и страшно тоскую. Быть на войне и так мало пользоваться свежим воздухом даже глупо».

На самом же деле, «свежего воздуха» было хоть отбавляй! Равно как и отсутствия неведомой ему скуки. Находясь постоянно на передовой, он зачастую лично водил свои войска в атаки, чуть ли не ежедневно рискуя собственной жизнью.

В представлении о награждении великого князя Михаила Александровича орденом Святого Георгия 4-й степени за отличие в боях за Карпатские перевалы в январе 1915 года говорилось, что он «подвергал свою жизнь большой опасности, вдохновляя и подбадривая своих солдат и офицеров примером личной храбрости и мужества под непрерывным вражеским огнем во время атак

Михаила Александровича титул графа Брасова.

Великий князь понял, что за свой проступок может быть прощен, и обратился к нему с просьбой узаконить их брак с Натальей Сергеевной.

Сменив гнев на милость, государь, наконец, официально признал брак великого князя и даровал его супруге титул графини Брасовой. Кроме того, этим же указом позволил ему со всей его семьей теперь уже на вполне законных основаниях перебраться на жительство во дворец на Английской набережной.

Михаил Александрович предоставил свой дворец под лазарет, носящий его имя, в котором прохо-

Великий князь впервые познакомился с Натальей Сергеевной Вульферт на праздничном фуршете, организованном в здании полкового манежа «Синих кирасир». С самого первого дня их знакомства сердце Михаила было пленено, поэтому не удивительно, что их роман развивался слишком бурно на глазах всего полка, вызывая восхищение, смешанное с завистью...

превосходящих сил противника, и, при переходе Русской Армии в наступление своими активными действиями способствовал успешному развертыванию маневров остальных войск».

Желая сделать своему брату приятное, государь своим Указом от 26 марта 1915 года даровал сыну Ми-

хила лечение раненые на фронтах войны. В свою очередь, Наталья Сергеевна включилась в реализацию этого проекта со всей присущей ей энергией. Она закупила все необходимое для госпиталя оснащение: от больничных коек до медицинского оборудования, а также нанимала персонал — врачей и сестер мило-

сердия. В результате уже довольно скоро госпиталь мог принять 100 раненых нижних чинов и 25 офицеров. Небольшой филиал этого госпиталя на 30 раненых был также организован Натальей Сергеевной в Гатчине на Багговутовской улице.

Последние годы перед революцией имение Брасово стало излюблен-

ным местом отдыха для Натальи Сергеевны, где она по-настоящему чувствовала себя хозяйкой. Но особыми праздниками для нее были те дни, когда в имение Брасово приезжал с фронта Михаил Александрович, который всякий раз непременно принимал крестьян, по возможности удовлетворяя все их просьбы. Кро-

ме этого, на средства от имения содержался местный детский приют и богодельня для калек или немощных, а из личных средств великого князя учителя местных школ получали приличную прибавку к жалованию, а сами школы — бесплатные дрова.

Следует также отметить, что после событий Февральской смуты Михаил Александрович официально передал свой брасовский дворец со всеми своими коллекциями серебра, фарфора и живописи, а также со всем богатейшим имением местным крестьянам, которые по-прежнему относились к нему с теплотой и преданностью, и поэтому имение не было разграблено или, того хуже, сожжено.

Начиная с весны 1915 года, Наталья Сергеевна вместе с детьми жила в Гатчине на Николаевской улице, в небольшом домике, похожем на английский коттедж, куда иногда Михаил Александрович приезжал, чтобы провести краткосрочный отпуск в кругу семьи.

За успешное командование корпусом в ходе летних боев 1916 года великий князь высочайшим повелением от 2 июля был произведен в чин генерал-лейтенанта, а 1 сентября 1916 года — в генерал-адъютанты при государе.

По сей день многие исследователи, придерживающиеся советской историографии, считают великого князя Михаила Александровича «калифом на час, восседавшим на российском престоле всего один день»

и отрекшимся на следующие сутки после отречения императора Николая II.

Но существует и другое мнение, согласно которому, провозглашенный императором Михаилом II Александровичем, великий князь де-юре был таковым. И это справедливо, так как на тот момент Николай II обладал высшей законодательной властью, и принятые им решения не мог отменить никто.

А о том, что отрекшийся государь считал младшего брата законным преемником, гласит отправленная им телеграмма, в которой великий князь именован уже Его Императорским Величеством Михаилом II.

Передача ему Российского престола стала для Михаила Александровича полной неожиданностью. С одной стороны, нельзя было нарушать легитимную преемственность престолонаследия династии Романовых, а с другой — принять на себя всю полноту власти не позволял, как говорится, текущий момент, а также сложившаяся в стране политическая ситуация.

Большинство граждан России требовали созыва Учредительного собрания, которое должно было избрать окончательную форму политического правления в России. Поэтому новоявленный император Михаил II, как человек чести и верный сын Отечества, долго колебался: принять престол или же все-таки подождать намечавшегося Учредительного собрания. Останется ли Россия, как и прежде, монархией

или же станет республикой с выборной формой правления?

Наконец он принял решение: не отрекаясь от престола Государства Российского, просто не воспринял на время верховную власть, продолжая, тем не менее, оставаться императором, вплоть до разгона Учредительного собрания большевиками и прочими экстремистами левого толка...

Тексты Акта об отречении императора Николая II и Манифеста им-

емые на многочисленных митингах и собраниях требования, вынес постановление об аресте царской семьи. Наряду с этим, в нем же особо регламентировалось:

«По отношению к Михаилу произвести фактический арест, но формально объявить его лишь подвергнутым фактическому надзору революционной армии».

С весны 1917 года великий князь Михаил Александрович, не прини-

Ж

елая сделать брату приятное, государь своим указом даровал сыну Михаила Александровича титул графа Брасова. Великий князь понял, что за свой проступок может быть прощен, и обратился к государю с просьбой узаконить их брак с Натальей Сергеевной. Сменив гнев на милость, император официально признал брак великого князя и даровал его супруге титул графини Брасовой. Кроме того, этим же указом позволил всей семье теперь уже на вполне законных основаниях перебраться на жительство во дворец на Английской набережной

ператора Михаила II были обнародованы одновременно 5 марта 1917 года в «Вестнике Временного Правительства» и стали, фактически, теми основополагающими документами, которые предрешили исторический выбор России в пользу парламентской республики.

Уже на второй день после отречения Николая II от престола Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, учитывая выдвига-

мавший никакого дальнейшего участия в политической жизни страны, продолжал жить на своей даче под Гатчиной.

1 августа 1917 года он, с разрешения А.Ф. Керенского, прибыл в Царское Село, чтобы попрощаться со своим братом, высылаемым в далекий Тобольск. И, конечно же, еще не знал, что всего через каких-то восемь месяцев он сам отправится в не намного более близкий

город Пермь, который станет последним местом его земного пристанища.

Пришедшие к власти большевики не забыли о великом князе. Почти сразу после Октябрьского переворота Петроградский военно-революционный комитет на своем заседании от 13 ноября 1917 года рассматривал вопрос о переводе Михаила Александровича из Петрограда (точнее, из его пригорода), непосредственно в саму Гатчину или Финляндию.

Известно также, что в ноябре 1917 года великий князь Михаил Александрович, добровольно явившийся в Смольный, имел встречу с управляющим делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичем, к которому обратился с просьбой каким-либо образом узаконить его положение в Советской Республике, чтобы заранее исключить какие-либо возможные инциденты.

Идя навстречу «добровольно отрекшемуся» великому князю, В.Д. Бонч-Бруевич выдал ему документ на официальном бланке, дающий рядовому гражданину Советской Республики Михаилу Александровичу Романову разрешение на «свободное проживание».

Германские войска стояли уже в непосредственной близости от Петрограда и 25 февраля заняли Псков. Опасаясь их прорыва к «колыбели революции», большевики сочли за благо перебраться в Москву, что и было сделано в строжайшей тайне поздним вечером 10 марта 1918 года.

В связи с этими чрезвычайными обстоятельствами, 7 марта 1918 года Михаил Александрович, его секретарь Н.Н. Джонсон, а также некоторые лица из его ближайшего окружения были арестованы по постановлению гатчинского Совдепа и доставлены в ЧК. А уже через два дня на заседании Малого Совнаркома было заслушано предложение председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого о высылке «бывшего великого князя Михаила Александровича» и других лиц в пределы Пермской губернии, что соответствующим образом нашло свое отражение в протоколе.

И, как говорится, «не откладывая в долгий ящик», на этом же заседании было принято решение, подписанное лично В.И. Ульяновым-Лениным:

«Бывшего великого князя Михаила Александровича Романова, его секретаря Николая Николаевича Джонсона выслать в Пермскую губернию, впредь до особого распоряжения. Местожителство в пределах Пермской губернии определяется Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Собираясь в пермскую ссылку, которая, как полагал великий князь, могла продлиться довольно долго, помимо личного багажа, он взял с собой достаточное количество денег, много книг, аптечку и даже один из принадлежавших ему автомобилей — «роллс-ройс». А на все просьбы супруги, желавшей разделить его участь, Михаил Александрович отвечал категорическим отказом,

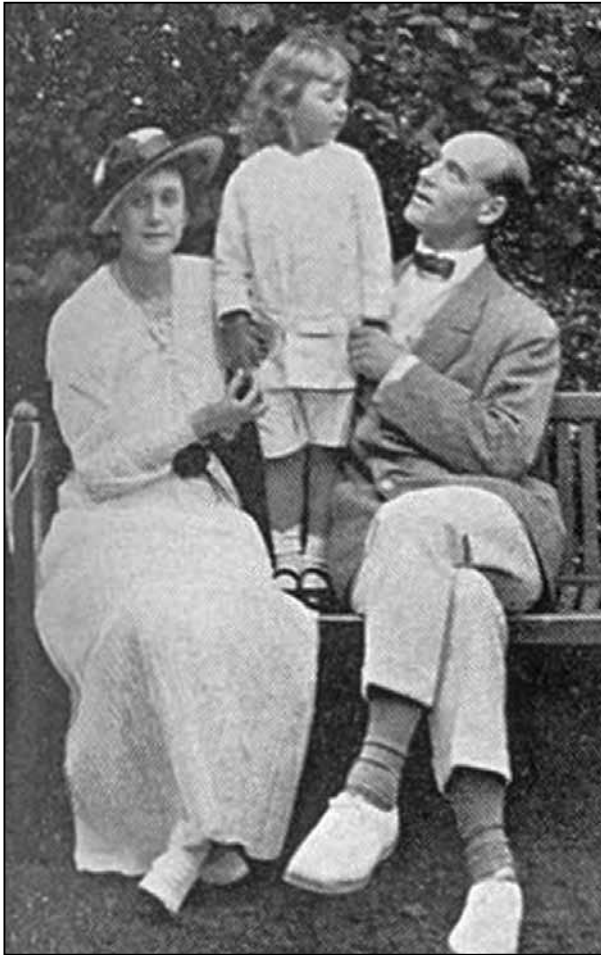

ссылаясь на то, что сейчас их дети, как никогда, нуждаются в ее опеке. И посему ей лучше всего оставаться в Гатчине и ждать исхода дальнейших событий.

В качестве конвоиров высылаемых были назначены латышские стрелки из состава комендантского взвода Петроградской ЧК: Квятковский, Менгель, Эглита, Лейнгарт, Эликс, Гинберг и Шварц.

Первое время великий князь проживал в номерах гостиницы бывше-

го Благородного собрания, где в то же самое время проживали местные советские и партийные работники. Приняв к руководству указания центральной власти, Пермский совет, в свою очередь, предупредил великого князя, что снимает с себя какую-либо ответственность за его личную безопасность. Проживая в Перми, Михаил Александрович, зачастую сопровождаемый кучкой зевак, свободно гулял по городу, посещал театр, заводил новые знакомства.

*Михаил Александрович Романов
и Наталья Сергеевна Брасова
с сыном Георгием Брасовым*

Прожив совсем незначительное время в гостинице Благородного собрания, он перебрался в «Королевские номера», располагавшиеся в самом центре города на Сибирской улице. Жил более чем скромно, занимая вместе с Н.Н. Джонсоном на третьем этаже здания две небольших комнаты. На вопрос одного из любопытствующих, почему же он, пользуясь свободой, не предпринимает попыток к побегу, Михаил Александрович ответил: *«Куда я денусь со своим огромным ростом? Меня немедленно же обнаружат».*

Безусловно, пользуясь относительной свободой, он мог скрыться в любое время, однако прекрасно осознавал, что его побег сильно осложнит положение всех его родственников, находящихся во власти большевиков. И, в первую очередь, — царской семьи.

Находясь под надзором, Михаил Александрович, тем не менее, вел активную переписку со своими друзьями и близкими. И, в первую очередь, с Натальей Сергеевной, которая в первых числах мая приезжала к нему в Пермь, где они вместе провели несколько дней.

Во время ее пребывания в Перми супруги много гуляли, принимали визитеров и навещали новых знакомых великого князя. Так прошло несколько последних дней их совместной жизни, ибо свидание это было последним. 18 мая Наталья Сергеевна уехала, чтобы уже больше никогда не увидеться с любимым человеком...

О том, что в Перми проживает высланный из Петрограда великий князь Михаил Александрович, причем не только не содержится в тюрьме, а свободно разгуливает по городу без всякой охраны, один из руководителей пермских большевиков Г.И. Мясников узнал случайно. Новость эта поразила его: как так, ему — члену ВЦИК, и не сообщили об этом! Но, поразмыслив, он понял, что от него сознательно скрывали этот факт, опасаясь каких-либо инициатив с его стороны.

Однако чем дольше он обдумывал сложившуюся ситуацию, тем все

яснее понимал, что, если местные по собственному почину расправятся с великим князем, центральная власть, по всей видимости, посмотрит на это обстоятельство сквозь пальцы. Придя к такому выводу, он решил действовать.

Вероятнее всего, осуществление задуманного им убийства он начал с того, что стал исподволь распространять слухи о «вольной жизни» Михаила Романова в Перми. Рабочие начали роптать и даже собирать по этому поводу митинги. Так, одна из резолюций такого митинга, попавшая в Пермский совдеп, гласила:

«Если органы власти не посадят Романова-младшего под замок, рабочие сами с ним разделаются».

Мясников решил организовать похищение великого князя под видом, якобы, действующей в Перми подпольной офицерской организации. Самим же «похищаемым» следовало сказать о том, что их переведут в глубь России, в связи с выступлением чехословаков. А вывезя намеченные жертвы в хорошо известные ему окрестности города, покончить с ними одним махом, после чего объявить о побеге великого князя и произвести аресты всех лиц из его ближайшего окружения, после чего — расстрелять уже, так сказать, в официальном порядке...

«Если не поторопимся, Михаила выкрадут, и он станет знаменем контрреволюции», — объяснял своим единомышленникам Гавриил Ильич. И далее указал на то, что все это дело следует обустроить таким

Георгий Брасов

образом, чтобы у всех сложилось впечатление, что Михаилу Романову помогли бежать «свои» офицеры, для чего всем участникам надо принять соответствующий вид.

Задуманное заговорщики скрупулезно претворили в жизнь. Накануне преступления из заводской конюшни по распоряжению Г.И. Мясникова ими были взяты две лошади, запряженные в крытые фаэтоны, рассчитанные на двух седоков и кучера.

Вечером 12 июня 1918 года подъехали к «Королевским номерам». Н.В. Жужгов и И.Ф. Колпащиков вош-

ли в фойе гостиницы. Н.В. Жужгов проследовал в номер к великому князю, а И.Ф. Колпащиков остался внизу, заняв позицию рядом со швейцаром, в непосредственной близости от которого имелся телефон.

В описываемые дни Михаил Александрович невыносимо страдал от застарелой болезни — язвы желудка и уже собирался ложиться спать, как вдруг в дверь его номера раздался стук. Представившись и предъявив «мандат», Н.В. Жужгов, тоном, не требующим возражений,

мер великого князя. Без каких-либо увещаний А.В. Марков сразу же пригрозил Михаилу Александровичу револьвером и гранатой, после чего тот стал одеваться. Его последним условием было желание проследовать вместе с верным Н.Н. Джонсоном, на что, конечно же, было получено согласие.

Выйдя из гостиницы, «похитители» и «похищаемые» расселись по пролеткам. В одну из них был посажен великий князь вместе с В.А. Иванченко, а место кучера занял

Передача Российского престола великому князю Михаилу Александровичу стала для последнего полной неожиданностью. Ибо, с одной стороны, нельзя было нарушать легитимную преемственность престолонаследия династии Романовых, а с другой — принять на себя всю полноту власти не позволял текущий момент и сложившаяся в стране политическая ситуация

предложил ему собираться и пройти вместе с ним.

В свою очередь, Михаил Александрович категорически отказывался куда-либо следовать, ссылаясь на недомогание, а также требовал вызвать «товарища Малькова». Н.В. Жужгов настаивал. Начавшийся разговор происходил на повышенных тонах, что привлекло внимание постояльцев соседних номеров.

Тогда В.А. Колпащиков вызвал «подкрепление» в лице А.В. Маркова и вместе с ним проследовал в но-

Н.В. Жужгов. Во вторую усадили Н.Н. Джонсона, место рядом с которым занял А.В. Марков, а за кучера — И.Ф. Колпащиков. Он вспоминал:

«Сначала похищенные вели себя спокойно и, когда приехали в Мотовилиху, стали спрашивать, куда их везут. Мы объяснили, что на поезд, что стоит на разъезде, там в особом вагоне их отправим дальше, причем я, например, заявил, что буду отвечать только на прямые вопросы, от остальных отказался. Жужгов кри-

чит: "Приехали — вылезай!" Я быстро выскочил и потребовал, чтобы и мой седок то же самое сделал. И только он стал выходить из фаэтона — я выстрелил ему в висок, он, качаясь, пал. Зарыть труп нам нельзя было, так как светало быстро, и было недалеко от дороги. Мы только стащили их вместе, в сторону от дороги, завалили прутьями и уехали в Мотовилиху. Зарывать ездил на другую ночь тов. Жужгов с одним надежным милиционером».

13 июня 1918 года из Перми в Петроград полетела телеграмма нижеследующего содержания:

Москва. Совнарком. Чрезком. Петроградская коммуна Зиновьеву. Копия Екатеринбург Облсовдеп. Чрезком.

Сегодня ночью неизвестными [в] солдатской форме похищены Михаил Романов и Джонсон. Розыски пока не дали результатов, приняты самые энергичные меры.

Пермский Округ Чрезком.

В этот же день Пермской губернской ЧК было возбуждено следственное дело «О похищении бывшего великого князя Михаила Александровича Романова из гостиницы «Королевские номера», на основании которого были арестованы верные слуги великого князя — В.Ф. Челышев и П.Я. Борунов, а также и.о. управляющего «Королевскими номерами» И.Н. Сапожников и бывший жандарм П.Л. Знамеровский. (Все эти люди, вместе с другими лицами, взятыми позднее в заложники, были расстреляны.)

А еще через день 15 июня 1918 года в местной газете появилась статья «Похищение Михаила Романова», рассказывающая о похищении великого князя неизвестными лицами.

Так, газета «Свободный путь» от 2 июля 1918 года, под заголовком «Михаил Романов» сообщала:

«Москва. 21 июня. "Нашей Родине" сообщают из Вятки: здесь распространились слухи, что Михаил Романов находится в Омске и принял главенство сибирскими повстанцами. Им якобы издан манифест к народу с призывом к свержению Советской власти и обещанием созвать Земские соборы для решения вопроса, какая власть необходима России».

Договорились даже до того, что великий князь, якобы, проживает в Сиаме.

Как известно, слухами земля полнится, посему вера в чудесное спасение «Царя Михаила II» еще много лет жила в народе, дав тем самым повод всякого рода авантюристам и самозванцам, выдававшим себя за великого князя Михаила Александровича.

Когда Наталья Сергеевна уже собрала чемодан, чтобы вновь ехать к мужу в Пермь, ей принесли телеграмму от верных людей из Перми: «30 мая великий князь и его секретарь Джонсон бесследно исчезли». Она тут же выехала в Петроград, где сумела добиться приема к М.С. Урицкому, в кабинете которого закатила истерику, требуя сведений о муже.

Ей объявили, что в Петроградской ЧК никто не знает ничего определенного. Но, на всякий случай, слишком экспансивную посетительницу все же решили арестовать, так как ей сразу же вменили в вину собственное участие в исчезновении великого князя.

В тюрьме на Шпалерной улице ее продержали девять месяцев, пока она не добилась перевода в тюремную больницу. А из больницы она однажды ночью смогла вырваться на волю. В одежде сестры милосердия Н.С. Брасова пробралась в Киев, затем в Одессу, откуда на английском судне «Нереида» вместе с дочерью отплыла в Константинополь, где в то время находилось множество беженцев из России. И почти каждого встречного Наталья Сергеевна расспрашивала о судьбе своего мужа. Но добрых вестей никто сообщить ей не мог, а плохим она не верила.

Переехав на жительство в Англию, Наталья Сергеевна и приехавший к ней из Датского королевства сын Георгий каждый день ждали известия о том, что великий князь жив. Но оно все не шло и не шло... А с выходом на Урале книги «Пролетарская революция на Урале», в которой сообщалось о гибели царской семьи и убийстве великого князя Михаила Александровича, последние иллюзии были утрачены навсегда.

С 1926 года Наталья Сергеевна обосновалась во Франции, жизнь в которой была дешевле. Ибо имев-

шихся средств оставалось все меньше, в силу чего пришлось расстаться с домом в Англии, а также с частью драгоценностей.

Выйдя замуж за небогатого англичанина вопреки воле матери, дочь Тата навсегда прервала с ней отношения. А обучение сына Георгия в закрытой школе для английской элиты Хэр-Роу отбирало у Натальи Сергеевны последние средства к существованию. Но, тем не менее, она требовала от всех окружающих, чтобы те называли его не графом, а князем.

В свою очередь, Георгий характером пошел в отца, ему были противны какие-либо почести и церемонии. Больше всего на свете он любил быструю езду на автомобиле. А когда в Датском королевстве умерла вдовствующая императрица Мария Федоровна, она завещала своему внуку некоторую сумму денег, которой, тем не менее, хватило, чтобы осуществить свою давнюю мечту — купить спортивный автомобиль «Крайслер» последней модели.

К тому времени Георгий уже учился в Сорбонне и жил с матерью в Париже. На выпускные экзамены в июле 1931 года Георгий с приятелем решил ехать на автомобиле, чтобы удивить своих сокурсников новинкой американского автопрома. Но спустя несколько часов после их отъезда раздался телефонный звонок из города Сансе: мчавшийся на бешеной скорости автомобиль врезался в дерево. Приятель Георгия погиб на месте, а он сам, управляв-

ший авто, был доставлен в больницу в безнадежном состоянии.

Еще до конца не осознавая случившееся, Наталья Сергеевна помчалась в Сансе, а утром, не приходя в сознание, Георгий умер у нее на руках.

Перевезя тело усопшего сына в Париж, она похоронила его на кладбище Пасси, купив рядом место и для себя.

Оставшись без гроша в самом прямом смысле этого слова, Наталья Сергеевна была вынуждена снимать убогую комнатку у одной из своих соотечественниц, с которой у нее с самого начала не сложились отношения. Ибо хозяйка квартиры с самого первого дня их знакомства завидовала ее былой красоте и роскоши прежней жизни. А теперь она, эта некогда блистательная краса-

вица, была вынуждена почти ежедневно голодать и ходить в нищенском платье. Ее внучка Паулина Грэй (дочь Таты), навестившая ее уже после окончания Второй мировой войны, была поражена тем, что перчатки бабушки состояли сплошь из штопки. И с тех пор внучка стала посылать ей из Лондона 4 фунта в месяц, отрывая их от своего скудного жалования.

В конце 1951 года Наталья Сергеевна серьезно заболела. Узнав о поставленном ей диагнозе — раке

груди, хозяйка отказала ей в дальнейшем проживании. И ее, бесприютную старуху, поместили в больницу для бедных, где она и скончалась 26 января 1952 года. Церковная община собрала деньги на похороны. Но на надгробную плиту средств не хватило, и поставили простой деревянный крест. Шли годы, неухоженная могила Натальи Сергеевны и Георгия ветшала, а время неумолимо стирало надписи с их именами.

В 1965 году кладбище Пасси посетил какой-то приезжий из Советского Союза. Уходя, он зашел в кладбищенскую контору и сказал: «*Грош цена на русской эмиграции, если она допустила такое ужасное состояние могилы жены и сына Михаила Романова*».

Пристыженные эмигрантские активисты собрали деньги, и могилы

окружения были реабилитированы постановлением Генеральной прокуратуры РФ, после чего в Пермь приезжали прокурорские работники указанного учреждения, которые провели там несколько недель в поисках захоронения великого князя Михаила Александровича и Н.Н. Джонсона. В ходе поисков

М

ясников решил организовать похищение великого князя под видом, якобы, действующей в Перми подпольной офицерской организации. Самим же «похищаемым» следовало сказать, что их перевозят в глубь страны в связи с выступлением чехословаков. А вывезя жертвы в окрестности города, покончить с ними одним махом, после чего объявить о побеге великого князя, произвести аресты всех лиц из его ближайшего окружения, и потом — расстрелять уже, так сказать, в официальном порядке... Задуманное заговорщики успешно и скрупулезно претворили в жизнь

графини Н.С. Брасовой и ее сына Георгия украсило красивое надгробие, пребывающее там и поныне.

1 ноября 1981 года великий князь Михаил Александрович был причислен к лику святых мучеников Русской православной церковью за границей, открыв своим именем скорбный синодик членов Императорского дома Романовых, безбожной властью убиенных.

В 2009 году великий князь Михаил Александрович и лица его

использовалась специальная аппаратура, однако положительных результатов поиски эти не дали...

И, как ни прискорбно, приходится констатировать тот факт, что где-то в пригороде современной Перми находится по сей день не обнаруженная могила последнего Российского императора Михаила II Александровича — верного сына Отечества и героя войны 1914–1918 гг. □

Святослав Тараховский

П

РИЗВАНИЕ

Он рано научился метко попадать.

Зимой, лет в десять, вышел после снегопада во двор.

Снег сырой ватой насел на ветки деревьев, накрыл толстыми одеялами брошенные зимовать машины, приглушил звуки и утихомирил жизнь. Погода была мягкая, влажная, подходящая для лепки снежных баб с красной морковкой вместо носа и, понятно, снежков.

Он и дружок его Колька схватились в снежки с ребятами из пятого подъезда. Они были чуть старше, но Серегу и Кольку это не остановило. Кто кого нагнет, забьет и накормит снегом — так стоял вопрос. Кто первый спасует, дрогнет и отступит, тому позор.

Рыжий Колька был неукротим и очень старался. Он лепил и швырял белые комки со страшной скоростью, но все, в основном, мимо — снежки

шлепались соперникам под ноги или, перелетая через голову, взрывались смачными плевками на красной кирпичной стене.

А у Сереги сразу стало получаться. Очкастый его противник бился храбро, но первым же выстрелом Сергей поразил соперника в грудь, вторым, несмотря на ответный огонь, сбил с кудрявой головы шапку, третьим — едва не выставил кудрявому глаз. Белое снежное крошево залепило стекла, окуляры свалились и канули в сугробе, парень схватился за глаза, отвернулся, попятился и вышел из боя.

Победа!

Она так воодушевила тогда Сергея, словно поддула в него живого газа: ему показалось, что он стал больше и весомей, другими глазами посмотрел на мир, на все в нем живое, и мысль о собственном нерядовом значении впервые посетила его.

Дома он рассказал о случившемся отцу. Тот одобрительно хмыкнул, прикончил пиво, пожевал воблу и сказал:

— Все решают быстрые руки.

— Все решают глаза, — не согласилась с ним мама, работавшая глазным врачом в обычной поликлинике.

Первые пять лет учебы в школе Сергей был как все. На переменках носился по этажам, возился до пота со сверстниками, хулиганил по мелочи и цеплял девчонок.

В шестом классе впервые очутился на баскетбольной площадке и взял в руки тяжелый мяч. Он не стал, сломя голову, бегать, не участвовал в игровых комбинациях и не швырял, как попало, мяч в кольцо — все это было ему не нужно. Он стоял и ждал, когда ему отдадут пас, а когда отдавали, прицеливался и без промаха посылал мяч в корзину. Слава о чудешестикласснике мгновенно разлетелась по всей школе.

«Все зависит от быстрых рук», — стоял на своем восхищавшийся папа. «Все зависит от метких глаз», — не соглашалась с ним мама-офтальмолог.

И все же стать настоящим баскетболистом Сергею было не суждено, так как ростом он не вышел. Соперники быстро вычислили его уязвимое место и начали приставлять к нему одного, а то и двух дылд, благо переростки с длинными руками всегда водились в изобилии. Дылды накрывали Сергея сверху, бросать в корзину не давали, игра его померкла и утратила смысл.

Серега заскучал. Футбол был ему неинтересен, лыжи он ненавидел, волейбол и гандбол тоже не вдохновляли.

Но однажды отец взял его на охоту.

Их встретил вечерний лес. Солнце садилось, холод лез в сапоги, под ногами чавкала талая вода. Охотники с заряженными ружьями наготове

расположились на просеке, лицом к заходящему солнцу, и напряженно ждали, когда почти в темноте, с последней полоски еще не совсем погаснувшего светила раздадутся заветные звуки. Цык-цык! — вальдшнепы летят по-над самыми деревьями, самцы страстно выискивают, выкликают самочек, что по закону природы должны из гущи леса отзываться на их призыв: хорк-хорк. Цык-цык! — трубит влюбленный вальдшнеп, совсем небольшая птица с длинным клювом, и ждет милого ответа: хорк-хорк. Он летит, ищет самочку, надеется на любовь и продолжение жизни, и тут-то его, с его заветным криком, и поджидают охотники, двуногие и мудрые жители Земли. Дух азарта и убийства повисает над просекой. Густая смертельная пальба рассаживает тишину, вальдшнепы гибнут за любовь...

Темень надвигалась с каждой минутой, большинство охотников мазали, но Сергей, хоть и тяжеловато было ему отцовское ружье, хоть и скакала в глазах мушка прицела, удачливо попал.

Он сбил дичь над самой своей головой, и вальдшнеп упал ему под ноги. Он наклонился к первой убитой им в жизни птице, и ему стало жалко маленького вальдшнепа с безобидным длинным клювом, уткнувшимся как гвоздик в снег. «Зачем это я?» — спросил он себя и не смог ответить. Тронул еще теплую серенькую добычу, увидел, как, словно смертным занавесом, навсегда занавешивается белой пленкой глаз птицы, и что-то чувствительно толкнулось у него в груди.

Он признался в своих ощущениях отцу. А отец был доволен. «Все решают руки», — вернувшись в город, рассказал он жене об охоте. — «Сын будет отличным охотником». «И все-таки все решают глаза», — возразила ему мама и принялась ощипывать худенькую тушку вальдшнепа. Сергей ничего им не ответил, ушел в свою комнату, но запомнил смертельную охоту на всю жизнь.

Через два часа мама позвала его к столу. Родители с удовольствием лакомились вальдшнепом, но лучший кусок предложили Сергею. Он заставил себя попробовать собственный трофей, засмеялся и с удивлением признал, что вальдшнеп гораздо вкуснее курицы.

Будущее, казалось, само шло ему в руки.

— Ты — прирожденный стрелок, — сказал ему наутро отец, и Сергей подумал тогда, что отец, наверное, прав.

Он занялся стрелковым спортом, точнее, пулевой стрельбой по мишеням, и быстро сделал успехи.

Мишень — черные круги на белом листе, где заветная «десятка», словно сердце, находилась в самом центре и была размером не больше копейки. Теперь книги и даже любимый компьютер были отодвинуты на второй план. Приходя после школы домой, он, отшвырнув ранец, выпивал стакан колы с

булкой и бежал в профессиональный тир, который, будто специально для него, находился в старинном сквере под высокими старыми липами.

Сергей быстро привык к едкому, сродни табачному, запаху пороха, сухому перестуку выстрелов, к массивным кожаным курткам, выдаваемым тиром спортсменам-профессионалам для того, чтобы при выстреле, словно влитая, держалась и не шевелилась в этой куртке тяжелая малокалиберная винтовка. А еще ему повезло: его зачислили в группу Кузина, бывшего чемпиона какой-то древней Олимпиады, лысого человека с ссохшимся черепом. Поднимая винтовку, он сипло кряхтел, но так много знал о стрельбе!

— Запомни на всю жизнь, — сказал на первых тренировках Сергею Кузин, — когда давишь на спусковой крючок, ты напрягаешься, поневоле сби ваешь прицел и, значит, результат, и все потому, что подсознательно ждешь выстрела. Так вот, главная задача классного стрелка заключается в том, чтоб, нажимая на курок, ты сам не знал, когда случится выстрел. Запрети себе думать об этом, выстрел — дело неожиданное, он произойдет сам собой, главное для тебя — мушка, мишень, и только потом — мягкий палец на спусковом крючке. Мягкий потяг — ты понял меня, Сергей?

Смешной вопрос. Не просто понял — в душу и сердце впустил он кузинский завет, опробовал его, и результаты устремились в гору.

Поначалу ему выдали старенький ТОЗик, но уже очень скоро предложили винтовку особую, так называемую целевую, предназначенную для высоких результатов и рекордов. Он осваивал Стандарт, то есть сложное стрелковое упражнение из трех положений: стрельба на пятьдесят метров сначала лежа, потом с колена и, наконец, стоя. Дело у него шло удивительно быстро, через три месяца он перевыполнил норму первого мужского разряда, стал кандидатом в мастера и начал ездить на соревнования.

День за днем Сергей мягко давил на спусковой крючок, посылая пули в черный круг на белом листе бумаги. Пули ложились ладно и кучно. Попадать в цель — стало смыслом его существования, но задача стрельбы понемногу изменилась: теперь главным для него стало не само попадание, но поиск подходящих, достойных его целей.

Однажды он почувствовал и удивился, что стрельба по мишеням становится ему неинтересной. Черный круг мишени не волновал и не будил его юное богатое воображение, маленький старый тир в парке больше не устраивал.

Сергея пригласили в ЦСКА, он в лучшем виде проявил себя и там, и, когда подошел призывной возраст, для него ничего не изменилось: он служил как солдат Отечеству и рос как стрелок в ставшем родным ЦСКА.

Родители нарадоваться на него не могли. Его миновали и девчонки, и пьянка, и наркота, и даже компьютерная зараза зацепила несильно, бочком, и быстро отпустила. «Все решают руки», — стоял на своем отец. «И

глаза», — обычно добавляла мать. «Будь по-твоему: и руки, и глаза», — согласился как-то отец, и на этом родители примирились.

Однажды в части рядового Сергея Климова пригласил на беседу полковник Маслов.

— Есть мнение, сынок, — начал он и грозно блеснул за стеклами очков глазами, один из которых был вставной, — что из тебя получится отличный снайпер. Ты как?

Сергей чуть не ахнул в голос. Он еще спрашивает — этот смешной и страшный полковник Маслов?! Снайпер — так красиво звучит! О них еще песни слагают, о них даже фильмы снимают! На мгновение Сергею показалось, что именно о том, чтобы стать снайпером, он подсознательно мечтал всю жизнь, и вот теперь этот полковник... — Бог его послал! Завороженный полковничьим взглядом, Сергей кивнул.

— Вот и славно, сынок — сказал Маслов. — Я нисколько не сомневался.

Немного изменилось в жизни Сергея. Он по-прежнему служил в ЦСКА и каждый день тренировался на линии огня. Разве что стрельба теперь стала другой. «Огонь!» — кричал лейтенант на линии огня. Мишень появлялась перед глазами Сергея на пять секунд, успел выстрелить и поразить ее — молодец, не успел — наряд вне очереди. Сергей успевал. И винтовку ему выдали другую: тяжелую, с удлиненным стволом и оптическим прицелом — небольшой подзорной трубой, закрепленной поверх ствола, ну и, вдобавок, суцкая ерунда: изменилась форма мишени. Вместо привычных цилиндрических кругов новая мишень не имела цифр, но по силуэту напоминала человеческую голову в каске. Это было непривычно.

— А куда стрелять? — спросил перед тренировкой Сергей у полковника.

— Стреляй в голову, сынок, — ответил Маслов. — В этой мишени нет «десяток», но ты запомни, боец, — с улыбкой добавил он, — в человеке, куда ни попадешь, везде «десятка».

И этот завет, как и завет тренера Кузина, Сергей навсегда запомнил и впитал в себя.

Сперва он стрелял по силуэту головы в тире, потом на открытом стрельбище за городом, когда из-под земли на несколько секунд появлялось подобие головы, стрелял и помнил наставления Маслова, что кругом враги, и хорошие снайперы родине очень нужны. Стрелял и рассказывал вечерами о своих достижениях родителям. Те были довольны.

— Человеком стал! — радовался отец. — Пользу приносишь. Вот-вот, деньги тебе платить начнут.

— Не стреляй за деньги, сын, — как обычно спорила с отцом мама, — стреляй только по мишеням, и денег за это никогда не бери.

Мамины слова отец залил пивом и по-свойски подмигнул Сергею, что, мол, последнее дело слушать женщину.

Настал час, когда учеба закончилась, и пришла пора Сергею показать себя в деле. Маслов обнял его, сверкнув глазами, вручил значок снайпера и благословил на жизнь, то есть, отправил «сынка» в горячую точку, наказав при этом, чтобы родителям сообщил, что едет на учения.

Отец был горд. Мама плакала.

— Давай там, сын, — приговаривал он, сжимая кулак. — Учения — это круто! Покажи им там всем!

— Ничего никому не показывай, — лепетала мама, догадавшаяся, какие учения ждут ее ребенка. — Береги себя, Сережа.

Горячая точка оказалась на Востоке среди песков, скорпионов и засухи, холодных ночей и жарких полдней.

— Враг — там, — сказал ему командир, капитан Кретов, и неопределенно махнул перед собой рукой.

Начальство берегло молодого снайпера: его первую огневую точку оборудовали в пятистах метрах от линии соприкосновения с врагом — для хорошего снайпера это не расстояние, рассудило начальство: и себя бережет, и противника достанет.

Первые дни, не определяя себя, Сергей наблюдал и присматривался. Противник был стремителен и молод, перемещался ловко, скрытно и умело прятался в складках местности, в тени больших камней, за гребнем сопки. Но хорошо, хорошо учили Сергея старик Кузин и полковник Маслов. Противник не носил касок, все больше накручивал на голову зеленые тряпки. Почему зеленые? — не мог поначалу понять Сергей, потом ему объяснили, что у мусульман любимый цвет зеленый, потому что это цвет зелени и, значит, жизни. Ладно, решил он, жизни так жизни, мы ее тебя лишим.

Силуэт головы и фигуры зеленые тряпки изменить не могли — Сергей быстро выучил распорядок и повадки противника, на третий день понял, что сможет его достать, и доложил об этом Кретову.

Кретов приказал: пробуй!

Что серые учебные мишени, что зеленые тряпки — Сергея было не обмануть. Когда он снова заметил меж камней «символ жизни», он скомандовал себе: выстрел! — и плавно, по-кузински, потянул на себя спусковой крючок. Голова в зеленом дернулась, фигура пошатнулась, упала вперед и уткнулась в песок. Так же бессильно и беспомощно, как когда-то — Сергея пронзила память — уткнулась в талый снег крохотная головка вальдшнепа. Его аж всего передернуло. Одно дело — думать об убийстве, и совсем другое — убить. «Зачем это я? — снова, как когда-то, спросил себя Сергей и снова не смог ответить. — Один-ноль, — прошептал он и вдруг понял, что стал настоящим снайпером.

По приказу Кретова Сергей моментально сменил позицию, и не зря: через пять минут бывшую лежку, которая, должно быть, еще хранила его тепло, разворотило минами.

Спал он неважно, крутился, мучился от жары, жажды и мыслей, ему снился вальдшнеп с закутанной в зеленое головой.

Второй убитый враг дался ему немного легче. Они не люди, уговаривал себя Сергей, они просто враги. И убил третьего.

А потом он подстрелил мальчишку.

Видит бог, он не знал, что это мальчишка, тряпка на нем, как на всех, была зеленой — Сергей понял, что это подросток только тогда, когда увидел в оптический прицел, что голова парня сразу раскололась надвое, на две окровавленных нежных половины. «Зачем это я? И почему именно я?» — спросил себя Сергей и снова не нашел ответа. Он рванулся, было, помочь мальчишке, но вовремя понял, что это невозможно. Ему захотелось раствориться и исчезнуть. Отпихнув от себя любимую винтовку, он уполз с позиции и спрятался от мира за большим прохладным камнем, с которого капала роса. В наушники что-то кричал ему Кретов — Сергей не отзывался.

Нашедший его капитан Кретов влил в него стакан водки, отправил спать и дал три дня на поправку. С ним побеседовал командир части, после чего полковой священник взял на себя его грехи...

Через три дня Сергей вернулся в строй и даже оборудовал новую лежку, ни одному человеку он не признался в том, что с тех пор руки у него стали заметно дрожать.

После пятого убитого врага Сергея наградили медалью, и он понял, что родина его оценила. После седьмого представили к ордену. Сергея зауважало начальство части, но друзей у него не завелось. Однажды ему мило улыбнулась девушка Катя из санчасти, куда он зашел за йодом, но, узнав, что он снайпер, улыбаться перестала. Сергей пытался с ней объясниться, ничего у него не вышло, и он приберег силы на новую попытку. Снайперы — люди особые, солдаты воюют за жизнь, снайперы впрямую сеют смерть.

Он вернулся в Москву сержантом с восемнадцатью зарубками на ложе винтовки. Красный загар украшал задубевшее на солнце и ветру лицо, ароматы пороха, сигарет, кожи и взрослости вошли вместе с ним в родной дом. Отец, смахнув слезу, припал к сыну и кивнул матери: мужик! А маме ничего не надо было говорить: она все поняла о сыне, едва тот переступил порог.

И Сергей про них все понял. Постарели, отметил он. Его не было всего год, но как заметно усох и поседел отец, и как бесформенно расплылась мама!

Потом они сидели за столом, выпивали, закусывали, Сергей с наслаждением поедая любимый мамин пирог с капустой и гнал родителям небы-

лицы об армии и учениях. Они смотрели на него во все глаза, отец ахал, мама качала головой, и Сергей понял, что ни учения, ни армия, ни звонкие железки на его груди их не интересуют, а интересуется их в нем совсем другое.

Я буду работать, подумал он, я заработаю много денег, я все отдам отцу и маме, лишь бы им было счастье.

Ночью на своей тахте он не смог сразу уснуть и продолжил свои размышления. Ему скоро стукнет двадцать, а что он умел, кроме как стрелять? Сергей боялся ответа, который напрашивался сам собой. «Брошу снайперство, перестану убивать, завяжу со стрельбой вообще, — твердо пообещал он себе. — Пойду хоть дворником, хоть пиццу развозить и еще пойду учиться, мне всегда говорили, что к математике у меня тоже талант».

Следующие дни он бродил по улицам, заново открывал для себя любимые места, встречался с друзьями, которых сумел застать, и всюду удивлялся тому, что всего за год так много изменений произошло и в городе, и с людьми. Улицы казались ему незнакомыми, друзья неинтересными, анекдоты несмешными, разговоры мелкими. «Или все это уже было, и я этого раньше просто не замечал?» — спрашивал он себя, снова не находил ответа и вдруг поймал себя на том, что в жизни стало много вопросов, на которые он не может ответить.

А потом выпал первый снег.

Он увидел его утром, когда выглянул в окно и заметил, как посвежел и перекрасился двор. А еще он заметил ребяташек, которые играли в снежки. Двое-надвое, как когда-то играл он. Один из них, настырный и меткий, удивительным образом походил на него самого, другой — на рыжего Кольку, и противники у них были такие же, как когда-то были у них. Ничего не изменилось. Кто кого нагнет, забьет, накормит снегом и заставит позорно отступить — так стоял вопрос. Сергей вспомнил о том, что у него тоже все началось со снежков, разбитых очков и первой победы, и вдруг понял, что ничего никогда не изменится до тех пор, пока не найдется кто-то, кто сумеет это остановить. «Кто?» — спросил он себя и впервые за долгое время нашел ответ.

Когда он волновался, пальцы дрожали сильнее.

Он не знал, что сделает внизу и что скажет ребятам.

Лестница длинная, успокоил он себя, что-нибудь придумается.

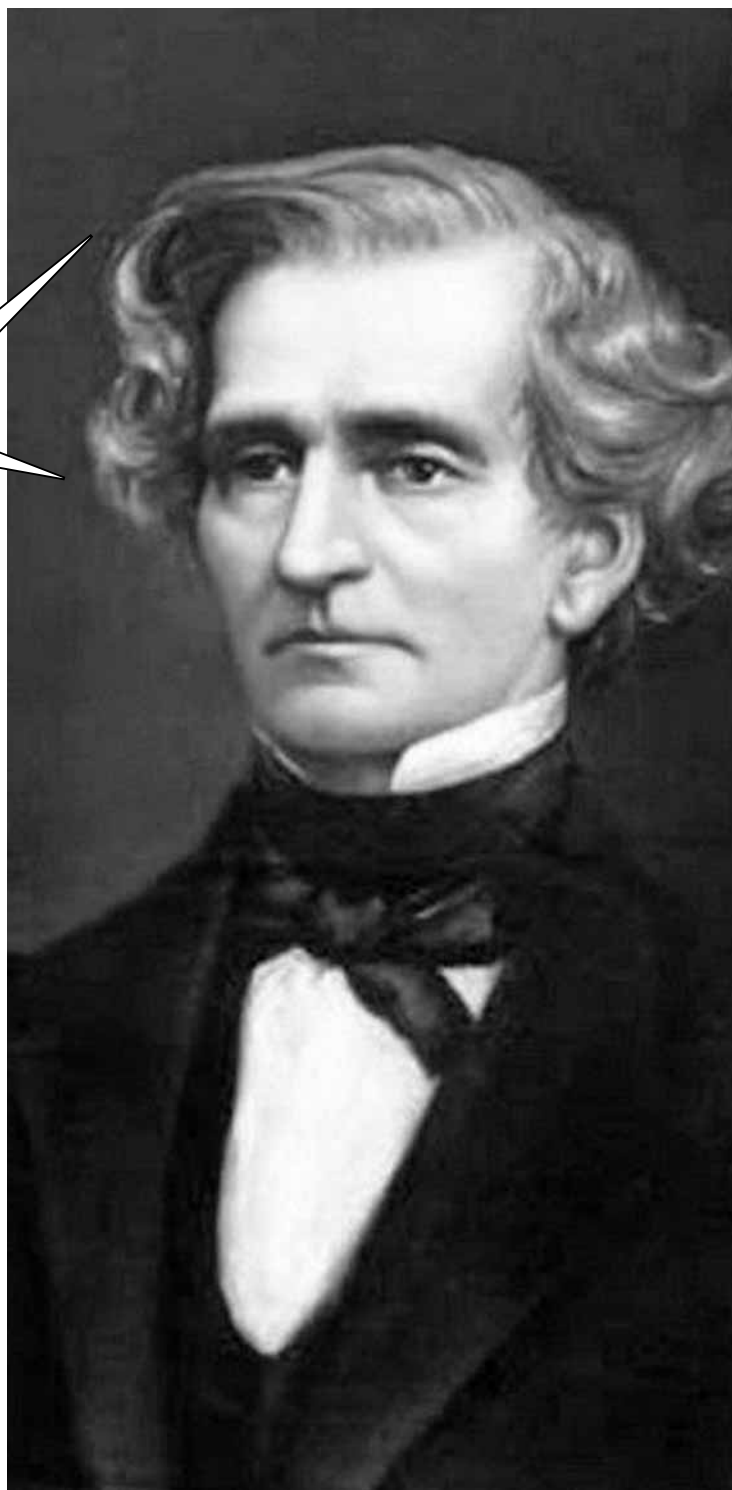
Застегнул куртку, толкнул дверь и поспешил во двор.

Ступил на снег, увидел ребяташек, двор, дома, услышал боевые крики. Душа его совершила полный оборот, и он вдруг почувствовал... что снова хочет стрелять. □

Гектор Берлиоз

Алла Зубкова

**Рожденный
под взбе-
сившейся
звездой**

Именно это выражение одного французского поэта XVII века как нельзя больше подходит к судьбе Гектора Берлиоза. Жизнь этого человека — законченный образец романтической биографии. В его характере прихотливо сочетались гениальность, чудачество, неврастения, богемные устремления, любовные томления и неистовые страсти. Он в полной мере познал неудачи и нужду — изнуряющую борьбу за кусок хлеба на завтрашний день.

Гектор Берлиоз принадлежит к числу новаторов в истории музыки. Паганини называл его единственным достойным преемником Бетховена. Глинка — «первым композитором нашего века». Он как никто оказал огромное влияние на Листа, Вагнера, Бизе, русских композиторов Могучей кучки и Чайковского.

Луи Гектор Берлиоз появился на свет 11 декабря 1803 года в маленьком провинциальном городке Ле Кот Сент-Андрэ между Греноблем и Лионом. Отец его, преуспевающий врач, был человеком, воспитанным на идеях французских просветителей XVIII века и страстно влюбленным в науку. Мать — ревностная католичка, склонная к религиозной экзальтации и порой впадавшая в ханжество. Несмотря на протесты жены, старший Берлиоз воспитывал сына в духе идеалов Руссо и Вольтера, сам обучал его литературе, географии, истории, естественным наукам. Особенно увлекали мальчика классическая литература и география. Он мог часами разглядывать карты, а жадное чтение всего того, что находилось в богатой библиотеке отца по части древних и новых путешествий, разжигало в нем стремление как можно больше узнать об отдаленных землях, особенно в южном полушарии.

Однако и география, и увлечение литературой отошли на второй план после того, как Гектор приобщился

к таинствам гармонии звуков. Самыми ранними музыкальными впечатлениями мальчика был треск барабанов и свистящее пение флейт, врывавшиеся в открытые окна их дома — то возвращались из похода покрытые пылью и славой полки Наполеона. Но более или менее серьезно Гектор начал заниматься музыкой довольно поздно — в двенадцать лет. Он начал заниматься с педагогами и в совершенстве овладел игрой на флейте, гитаре, литаврах и барабане. А вот игре на фортепиано отец Гектору не разрешал обучаться, опасаясь, что этот инструмент увлечет его в область музыки далее, чем ему бы этого хотелось. Вовсе не о карьере музыканта мечтал он для своего сына, а о том, что Гектор пойдет по его стопам и станет медиком. Впрочем, запрет отца по существу мало что изменил. Его следствием стало лишь то, что Гектор так до конца жизни и не научился сносно играть на фортепиано, однако перебороть страстную тягу сына к музыке старший Берлиоз был уже не в силах. Гектор самостоятельно знакомился

с серьезными трудами по гармонии, стремясь овладеть тайнами композиции. В двенадцать с половиной лет он был уже автором нескольких квинтетов, не без успеха исполняемых любителями.

Шли годы, Гектор вырослел. В 1821 году 18-летний Берлиоз успешно сдал экзамены за курс средней школы. Он с трудом преодолел нелюбовь к медицине, но не смел сказать об этом отцу, и безропотно отправился в Париж, чтобы поступить на медицинский факультет. Столица ошеломила юношу бурным кипением жизни, богатством и разнообразием впечатлений. Но больше всего он был потрясен Парижской оперой, где давали произведения Глюка, Сальери и других известных композиторов. На первых порах он старался добросовестно посещать занятия на медицинском факультете, но с куда большим удовольствием проводил время в библиотеке парижской консерватории, изучая партитуры великих мастеров. В конце концов, юноша решил, что музыкальный театр интересует его несравненно больше, чем театр анатомический. Он станет профессиональным музыкантом, композитором.

Это известие вызвало негодование в семье. Карьера музыканта представлялась родителям чем-то в высшей степени позорным. Мать угрожала проклятьями, отец — лишением материальной помощи. Все тщетно.

Понимая, что без серьезной подготовки нельзя стать серьезным ком-

позитором, молодой человек начал заниматься теорией композиции с профессором консерватории, известным музыкантом Жаном Франсуа Лесюэром, в свое время любимым композитором Наполеона, и, по его же совету, продолжил свое образование в консерватории.

Убедившись в твердости намерений сына, старший Берлиоз лишил таки его щедрой ежемесячной «стипендии». Оказавшись без средств, молодой музыкант вынужден был сам зарабатывать себе на скудное пропитание. Его дневной рацион кроме хлеба состоял из пригоршни фиников, немного изюма и чернослива, которые он порой съедал прямо на улице или на берегу Сены. Целыми днями он бегал по урокам, преподавая сольфеджио, игру на гитаре и флейте, получая по одному франку за занятие, а еще подрабатывал хористом в открывшемся неподалеку от его дома театре Водевиля. Все свободное время Гектор отдавал композиции. Он сочинял оперу, увертюры, оратории, кантаты. Правда, первый концерт из произведений молодого композитора, организованный на средства одного мецената, особого успеха не имел, но Гектор не впал в отчаяние, а по-прежнему был полон энергии и энтузиазма. В 1827 году он впервые принял участие в борьбе за получение так называемой Римской премии, присуждавшейся студенту консерватории за написание лучшего сочинения. Премия обеспечивала лауреату в течение пяти лет по три тысячи франков.

Первые два года для совершенствования в своем искусстве он должен был провести в Риме, третий — в Германии, а два последующих — в Париже. На протяжении нескольких лет Берлиоз упорно боролся за получение премии, но всякий раз жюри консерватории отвергало притязания молодого композитора. Премия, как правило, присуждалась незначительным музыкантам, конкурсные сочинения которых, в отличие от оригинальных творений Берлиоза, были написаны по всем академическим правилам.

В том же 1827 году в личной жизни Берлиоза произошло событие, которое буквально перевернуло все его существование. В сентябре в театре Одеон начались гастроли английской труппы, приехавшей с ци-

клом шекспировских спектаклей. Во главе ее стоял крупнейший трагический актер Англии Кембл. В главных женских ролях блистала двадцатисемилетняя ирландка Гарриет Смитсон. Ее талант, обаяние и грация произвели на Берлиоза сильнейшее впечатление. Он страстно, до безумия влюбился в нее, можно сказать, ворвался в жизнь актрисы, подобно маньяку, требуя немедленного отклика на собственную бешеную страсть. В своих мемуарах Гектор писал, что посылал Гарриет столько цветов, что она сочла его сумасшедшим. Он бросался на мостовую перед ее экипажем, и она приказала своему кучеру выбирать другую дорогу. Постоянно напоминал о себе, посылая актрисе бесчисленные записки, и она, в конце концов,

Гарриет Смитсон

отдала распоряжение служанке не принимать больше писем от экспансивного юноши.

В истории любви к Смитсон полностью раскрывается душевный склад Берлиоза. Он был то необузданно активен, уподобляясь демоническим героям драм Дюма-отца или Гюго, то впадал в меланхолию и, подобно гетевскому Вертеру, помышлял о самоубийстве. Все его усилия были безуспешны. Большинство мужчин на его месте сдались бы, обратили свои взоры на других. Но не Берлиоз. Любовь к знаменитой актрисе, избалованной триумфами в Лондоне и Париже, заставила Гектора, во что бы то ни стало, добиваться творческого успеха. Он решил написать самую фантастическую симфонию из всех, какие когда-либо существовали. Тогда, как он надеялся, Гарриет должна будет услышать

его и ответить на все его мольбы, как артистка — артисту. «Фантастическая симфония» стала одним из шедевров Берлиоза, ошеломившая слушателей и критиков своей дерзостной новизной. Но Гарриет в то время так и не узнала о ее создании. Вскоре она покинула Париж, выехав на гастроли в Голландию.

В 1830 году Берлиоз, наконец, получил долгожданную Римскую премию за кантату «Последняя ночь Сарданапала». Конкурс совпал с событиями Июльской революции, когда Париж покрылся баррикадами. По условиям конкурса, произведения, представляемые на рассмотрение жюри, должны были сочиняться в здании консерватории, в комнате, запертой на ключ. Будущий лауреат должен был быть изолирован от окружающего мира, но сама жизнь врывается в консерваторию, напоминая о себе ружейными и артиллерийскими залпами.

Безразличие Гарриет больно ранит самолюбивого Гектора, он решил забыть «противную девчонку» и, памятуя о том, что клин клином вышибают, влюбился в молоденькую необычайно талантливую пианистку Камиллу Моке. Это был молниеносный и бурный роман. «Мадемуазель Моке воспламенила меня и в моей крови заплясали все дьяволы ада», — признавался Берлиоз в своих мемуарах. Мамаша Камиллы, особа довольно практичная, отнеслась к ухаживаниям Гектора весьма благосклонно. Как-никак, он был из почтенной семьи и, к тому же, лауре-

ат Римской премии. В декабре 1830 года они были помолвлены, и счастливый Гектор отбыл в Италию. Он поселился на вилле Медичи близ Рима, где жили другие лауреаты. В столице он посещал театры и концерты, познакомился с музыкантами из разных стран, в том числе с Мендельсоном и Глинкой, с которым у него довольно быстро сложились дружеские отношения.

Он много и плодотворно работал в тот период. Сочинил произведение, являвшееся как бы продолжением «Фантастической симфонии» — «Лелио, или Возвращение к жизни», симфонические увертюры «Роб-Рой» (по Вальтеру Скотту) и «Король Лир» (по Шекспиру). Но всеми своими мыслями он был в Париже, со своей невестой. И вдруг, как гром с ясного неба, — письмо с родины. Камилла и ее мать извещали его о расторжении помолвки. Мадемуазель выходила замуж за главу преуспевающей фирмы по производству роялей, довольно пожилого мосье Плейеля. Гектор пришел в ярость и на полном серьезе начал обдумывать план убийства Камиллы и ее матери, после которого намеревался сам свести счеты с жизнью. Он купил пистолеты, женское платье для переодевания и, наняв почтовую карету, помчался в Париж, чтобы покарать неверную. К счастью, путешествие из Италии во Францию в то время занимало немало времени, и кипящий гневом молодой человек успел остыть и успокоиться. Кстати сказать, мосье Плейелю брак

с Камиллой счастья не принес. Молодая женщина, ставшая одной из самых блестящих пианисток XIX века (некоторые даже считали ее достойной соперницей самого Листа), отличалась редким легкомыслием и изменяла мужу направо и налево. В конце концов, Плейель расстался с ней.

Окончательно вернувшись Париж в ноябре 1832 года и сняв квартиру на улице Нев-Сен-Марк, Гектор неожиданно узнал, что за день до того из этой самой квартиры выехала Гарриет. Страстные воспоминания о прежней любви ожили немедленно, и он вновь бросился на штурм доселе неприступной крепости. В то время дела у Гарриет и ее собственной труппы шли далеко не блестяще. Французской публике англичане уже приелись, и сборы были до неприличия малы. Берлиоз пригласил актрису на свой концерт в консерватории. Должно быть, именно тогда Гарриет поняла, что этот чудаковатый экспансивный молодой человек, когда-то бросавшийся под колеса ее экипажа, — большой мастер, которым восхищаются Шопен, Лист, Гейне и Бальзак. К тому же ее не могла не тронуть та нежная забота, которой Гектор окружил ее, когда в марте 1833 года на Гарриет обрушилось новое несчастье — выходя из кареты, она поскользнулась и сломала ногу. Путь на сцену ей теперь был закрыт. Если у нее и оставались какие-то сомнения относительно серьезности его намерений, то они исчезли после того, как Гектор, доведенный до отчаяния ее колебаниями, не за-

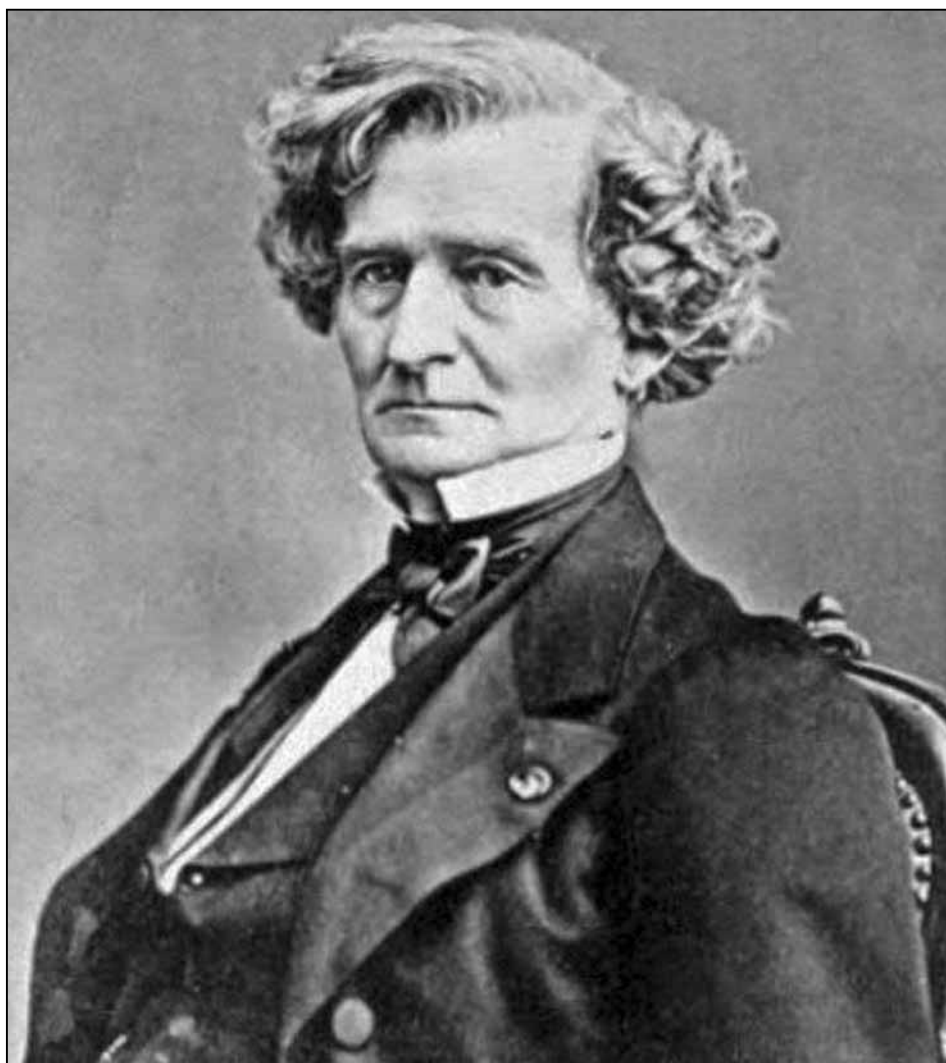
думываясь, проглотил в ее присутствии две таблетки довольно сильного яда.

Обвенчались они 3 октября 1833 года в часовне британского посольства. Свидетелями были Лист и Гейне. Счастливого новобрачного несколько не смущало, что у Гарриет была куча долгов, он работал, как вол. Сочинил симфонию «Гарольд в Италии» и оперу «Бенвенуто Челлини». Опера настолько отличалась от принятых в ту пору канонов, что на первом представлении зрители ее освистали и едва дали довести до конца. После четвертого представления оперу вообще сняли с репертуара. Признание она получила лишь в пятидесятые годы, и то не во Франции, а в Германии. По ночам Гектор писал фельетоны для журналов, блестящие по стилю, остроумные, хлесткие, однако, писал он их чуть ли не с зубным скрежетом, так как часто вынужден был хвалить, из редакционных соображений, музыку, от которой его тошнило. Фельетоны — его каторжный труд, но они давали ему скудные средства к существованию. Музыка приносила только расходы: наем зала, переписка партий, оплата оркестрантов. Рождение сына в 1834 году еще более осложнило материальное положение семьи. Тем не менее, в последующее десятилетие Берлиоз работал необычайно плодотворно: это цикл песен «Летние ночи», «Траурно-триумфальная симфония», реквием «Месса мертвых» и, наконец, драматическая симфония «Ромео и Джу-

льетта» — одно из величайших творений композитора. Кстати, реквием был заказан ему правительством Франции, однако после успешного исполнения произведения ему заявили, что денег в казне нет, но в качестве компенсации его решено наградить орденом Почетного легиона. На что последовал решительный ответ: «К черту ваш орден, отдайте мне деньги!» Гонорар ему был выплачен.

Впрочем, были в жизни Берлиоза и светлые моменты. В конце 1838 года после концерта, на котором он дирижировал «Фантастической симфонией», перед ним бросился на колени сам Паганини — мировая знаменитость — и со слезами восторга целовал ему руки. На следующий день Берлиоз получил письмо от Паганини, где тот называл его преемником Бетховена, и чек на двадцать тысяч франков. Их хватило на год спокойной творческой работы. Это была благословенная передышка, но, увы, лишь временная. Дальше — снова разорительные концерты за собственный счет, опять провалы или полуудачи.

Между тем семейная жизнь тоже не очень-то радовала Берлиоза. Красота Гарриет поблекла, она быстро старилась, теряла здоровье, тучнела, к тому же начала пить и часто устраивала мужу сцены ревности. Ее вызывали певицы и балерины оперных театров, с которыми Берлиоз не мог не общаться по долгу службы. Гарриет тщательно обыскивала карманы мужа в поисках любовных записок, просматривала всю его дело-

вую переписку и даже читала его статьи в журналах, чтобы выяснить имена актрис, которым он симпатизировал. Ну, а Берлиоз ... Берлиоз сочувствовал жене, как бывшей актрисе, лишенной дела всей ее жизни. Он по-прежнему окружал ее заботой, но как женщина она, увы, перестала волновать его. Поначалу, чтобы избежать сцен ревности, он отказывался от гастролей, но когда финансовые дела его стали совсем плохи, он уже не мог пренебрегать поездками, а протесты и истерики жены лишь нервировали его и злили.

По складу своей природы маэстро был неспособен жить, не испытывая чувства любви к пленившей его женщине, а так как Гарриет уже не волновала его, он нашел себе другой предмет обожания. Даму эту звали Мария Ресио. Отец ее был французом, мать — испанкой. Познакомились они в 1841 году. Статная грациозная фигурка двадцатисемилетней женщины являла разительный контраст с тучной Гарриет. Гектор потерял голову, как юноша. Однако у Марии имелся один весьма существенный недостаток: не имея практически никаких данных, кроме привле-

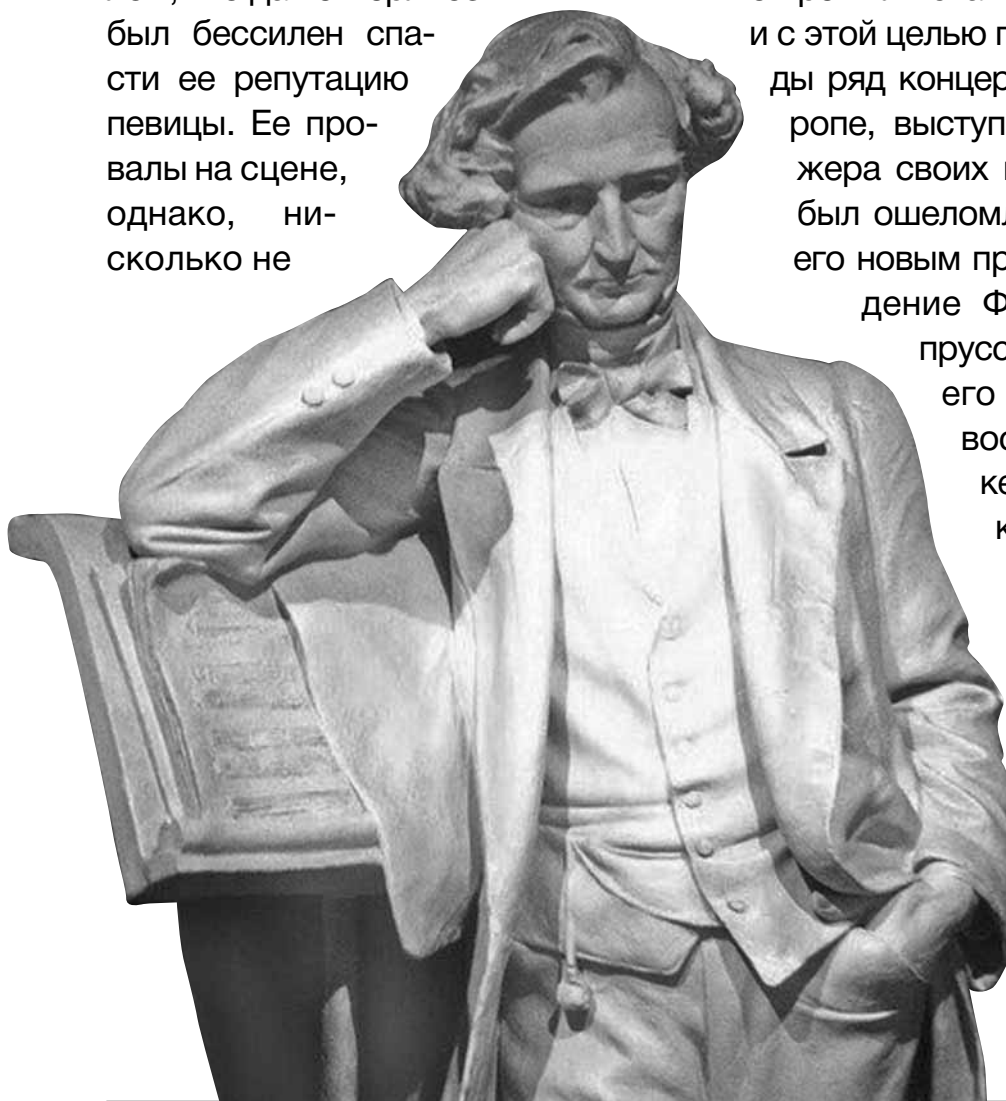
кательной внешности, она страстно желала стать оперной певицей. Сам Гектор говорил, что голос у нее был «визгливый, как у кошки». Однако он не мог устоять перед натиском Марии, мечтавшей выйти на сцену. В ноябре 1841 года, по протекции Берлиоза, она дебютировала в Париже в опере Доницетти «Фаворитка». Пела она, мягко говоря, очень посредственно, но благодаря связям Берлиоза с критиками музыкальных изданий отзывы в прессе не были чересчур разгромными. В августе 1843 года, когда Гектор сумел устроить ей ангажемент в Опера-Комик, ее выступление обернулось таким провалом, что даже Берлиоз был бессилён спасти ее репутацию певицы. Ее провалы на сцене, однако, несколько не

отразились на отношении к ней Берлиоза — великий музыкант любил ее не за голос.

К этому времени Гарриет была уже в курсе его отношений с Марией. Между супругами произошло бурное объяснение. Подробности его неизвестны, но дело закончилось разездом. Разумеется, Гектор взял на себя все расходы по содержанию больной жены.

Франция не оценила по достоинству своего великого сына. Должно быть, Берлиозу часто вспоминались слова апостола Матфея: «Нет пророка в своем Отечестве». Непонятый и отвергнутый соотечественниками, он решил искать счастья за рубежом и с этой целью предпринял в 40-е годы ряд концертных поездок по Европе, выступая в качестве дирижера своих произведений. Успех был ошеломляющий. В Германии его новым произведением «Осуждение Фауста» восхищался прусский король. В Англии его сочинения вызвали восторг Диккенса и Теккерея. Ценители музыки в Австрии, Чехии и Венгрии также не остались равнодушными к таланту композитора.

Но особенно сердечно Берлиоза встречали в России. Глинка уже давно приглашал его на гастроли. Но окон-

чительное решение о поездке он принял после встречи с Бальзаком, который незадолго до этого побывал в России. Пятнадцать дней длилось путешествие Берлиоза из Парижа в Санкт-Петербург, сначала в почтовой карете, а потом в крытых санях. Он прибыл в столицу Российской империи в феврале 1847 года. Там он выступил на нескольких концертах, Гектор выехал в Москву, где провел три заполненных выступлениями недели. Надо сказать, что концерты в России помимо признания принесли ему весьма приличные деньги, в которых он тогда очень нуждался. Он даже называл Россию «своей спасительницей». А вот возвращение на родину не принесло маэстро большой радости. Критики по-прежнему не очень-то жаловали гениального композитора.

Берлиоз уже давно не жил с женой, но не терял с ней связи и, как мог, помогал. Последние четыре года своей жизни бедная женщина была парализована. 3 марта 1854 года вместе с сыном, служившим на флоте и приехавшим тогда в Париж в отпуск, он принял последний вздох Гарриет. Осенью того же года Берлиоз женился на Марии Ресио. К сожалению, Мария страдала хронической болезнью сердца и в июне 1862 года скоропостижно скончалась от острого приступа. Ей было всего 48 лет.

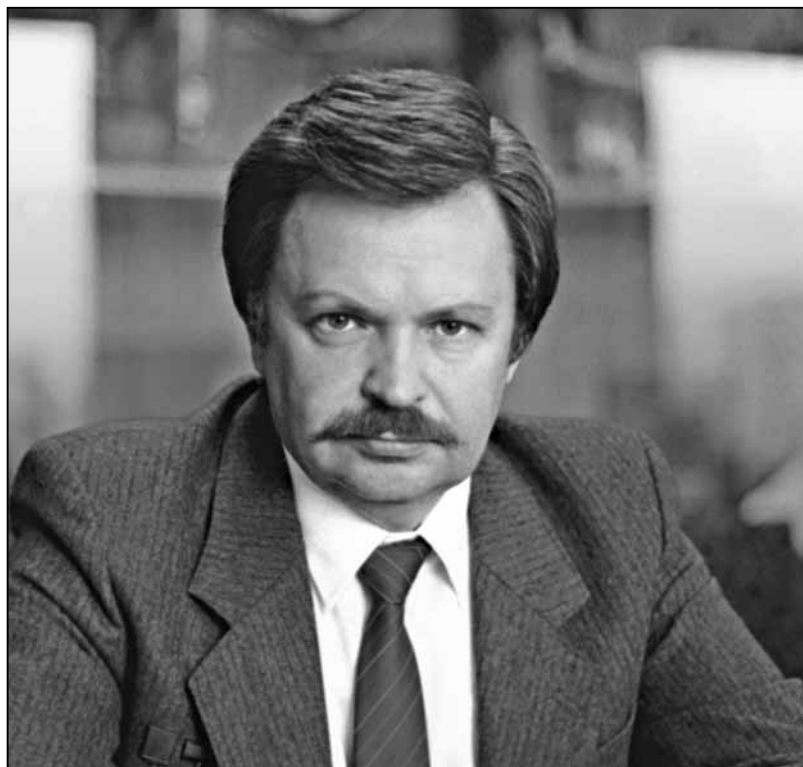
Нужно сказать, что даже при ее жизни у немолодого уже композитора были сердечные увлечения, кстати, не всегда венчавшиеся взаимностью. Так, в 1859 году маэстро влюбился в известную певицу Полину

Виардо, подругу великого русского писателя И.С. Тургенева. Впрочем, это увлечение быстро сошло на «нет». Но были и другие.

В те годы Берлиоз написал свой последний шедевр, оперу «Троянцы», но, в целом, сочинял уже мало. В основном, он работал над своими мемуарами. К тому же часто болел и психологически был угнетен, особенно после смерти сына Луи, капитана дальнего плавания, который скончался в 1867 году в Гаване от желтой лихорадки. Тем не менее, Берлиоз принял приглашение снова посетить Россию. В ноябре 1867 года он приехал в Петербург. Все его концерты проходили с огромным успехом. «Здесь любят прекрасное, — подвел он итог своей поездки, — здесь живут музыкальною и литературною жизнью, здесь носят в груди такой огонь, который заставляет забывать и снег, и мороз. Зачем я так стар!»

Композитор уже чувствовал близкое дыхание смерти. Во время реконструкции кладбища на Монмартре, прах Гарриет и Марии был перенесен в одну могилу, ожидая, как мрачно пошутил композитор, «когда я внесу свою долю разложения в этот склеп». Он слег в постель в январе 1869 года и постепенно погружался в кому. К нему приходили друзья, среди них и Сен-Санс. Он приподнимался, приветствуя их, но говорить уже не мог, только улыбался. Скончался Гектор Берлиоз 8 марта в 12.30 пополудни. В последний путь его провожали под музыку Бетховена, Моцарта и его собственный Реквием... □

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ,
писатель,
академик
Российской
академии образования,
лауреат премии
Ленинского комсомола

Альберт Лиханов. 1975 г.

СВОЙ СРЕДИ СВОИХ

1

Как непросто это и как неловко — соединить радость и надежду, удачу и победу с грянувшей вдруг бедой и предательством, с безнадежностью, но и противлением, все-таки, духовным несогласием в единении с простой мыслью — родина-то у нас одна. Да и все это к отметке совершенно невероятной — 100-летию комсомола, которое следует за оболганным 100-летием Октября.

Что в этом бедламе каждый из нас? Личность или песчинка в океане — безмолвная, движимая волнами, которые не спрашивают тебя о твоих соображениях... или «тварь безответная», которая всегда будет повторять то, что выкрикивают вздорные фальшивомонетчики «новых» истин?

Но, может, подводя итоги — а их следует подводить каждому, да и делает это всяк по-своему, — стоит просто спросить: а что сде-

лал лично ты? И все ли, что мог, сделал? И чем, какими путами был повязан, чтобы оправдать перед отжитой жизнью несодеянное — насколько замысел был неисполним в силу неодолимости препон, и что может быть услышанным оправданием за неисполненный замысел?

Подлиннее всего, наверное, исповедаться самому перед собой, — не боясь при этом ни осуждений, ни укоров со стороны.

2

Я вступил в комсомол в 1950 году, семиклассником, тогда каждого «испытывали» в комитете школьной организации, спрашивали устав, задавали иные вопросы, и там зачем-то сидела седая старушка, наш завуч, — Мария Николаевна Шельпякова, награжденная за учительствование в войну орденом Ленина. Почему-то меня посадили на стул рядом с ней, и тут она наклонилась ко мне и вдруг спросила шепотом: «У тебя больное сердце?» Я удивился, мотнул головой, но она продолжила: «А то у тебя жилка на шее так бьется!»

Наверное, я просто сильно волновался, но вопросы по уставу оказались совсем простыми, потом в райкоме нам вручили билеты. Какое-то время я был комсоргом класса, но, подрастая, жил вовсе не комсомольскими интересами, но зато шесть (!) раз в неделю ходил в спор-

тивные секции, занимался легкой атлетикой и лыжами, и меня избрали физоргом школы. Дело было, конечно, в учителе физкультуры — его имя Николай Константинович Сычугов, и мы круто развернули дело. Школа была мужская, некоторых ребят корежило послевоенное недоедание и дурное окружение, но мы, видать, используя мальчишечье самолюбие и жажду самоутверждения, сделали так, что все, без исключения, были включены во что-то спортивное. Две команды по 30 человек на ежегодной городской эстафете! Своя команда по русскому хоккею. Команда по боксу. Общешкольные соревнования по шахматам и шашкам. Массовая запись в секции детских спортивных школ. И результат — наш десятиклассник Женя Брагин устанавливает на Всесоюзном первенстве рекорд Советского Союза по бегу на 800 метров для юношей.

Пацаны, пару лет назад подчиненные местной шпане, вдруг отрекались от хулиганского мира и вступали в секции, пусть даже бокса, но спорт не вооружал их умением драться, а ставил на свое место. Те, кто недавно провоцировал меня на «ко-салку», безоговорочно подчинялся моим почти что приказам при, например, расстановках в эстафетах. Мой класс оканчивал школу в 1953-м, и прежде хватало в нем неподчинения, доходившего до бесовства, но за два года до аттестата вдруг неведомо откуда-то — и я думаю,

через спорт и возникшее чувство командности — народ стал буквально хвататься за учебу. Всякий чувствовал, что детство позади, пора отвечать за себя, и как же, например, мы метались по городу в поисках учебника по математике Ларичева — там были задачи по всем разделам математики для поступления в вуз.

И мои дружки, в прошлом хулиганы, матерщинники и задиры, поступили в вузы с первого захода (кроме троих). Один мечтал стать киномехаником и стал, хотя увлекался астрономией. А все остальные, кроме меня, гуманитария, оказались в университетах Москвы и Ленинграда, военно-механическом, институте инженеров железнодорожного транспорта, горном... Командность, стремление победить в спорте, привела к победам личным, и я был просто одним из всех. Кстати, командный наш, с тремя моими приятелями, областной рекорд 1952 года (малая шведская эстафета для мальчиков) не улучшен до сих пор! И опять же — он был именно наш, коллективный, а, значит, общий, и вот это общее было главной сутью того, нашего, времени.

Стоял ли за этим комсомол? В то время, в моем городе и на моих, так сказать, «рубежах», конкретно, может быть, и не стоял. Он был фоном. Но фоном государственным, который для всех — или для большинства — открывал возможность состояться в жизни.

Из нынешнего, сильно измененного мира, хочу заметить: одним из способов внушения уверенности во всяких новых поколениях требуется не засилье развлечений, ручных действий и пусть даже умственного напряжения, вроде гаджетов, а засилье бесконечного контактного общения, которое дает только юношеский спорт.

Не спорт высших достижений — он явится сам по себе из высоких результатов, — а сотни тысяч доступных и бесплатных детских и юношеских спортивных школ, с миллионами детских команд по всем видам спорта. Шесть дней в неделю, когда я после уроков бежал на секцию, не позволяли погибать в безделье, ерунде, дурных выдумках.

А еще мы много читали. Не буду здесь говорить об этом, потому что в результате этого и сам стал писателем. Но книги с высокими духовными установками в скрепе со спортом сформировали грамотное и деятельное послевоенное поколение, на которое немало чего легло.

3

Уральский университет имени М. Горького, куда я поступил на отделение журналистики, тоже не стал для меня «школой» комсомола, хотя я был знаком с первым секретарем нашего райкома Юрием Мелентьевым. Тогда он еще учился в аспирантуре истфака, а вырос в директора главного издательства комсомола

«Молодая гвардия», замзава агитпропа ЦК партии и министра культуры РСФСР.

Так вот — комсомол в нашем университете поник и был незримо бит за реакцию на закрытое письмо по поводу культа личности Сталина. Свердловск был далековат от столиц, и студенты, услышав в закрытом письме поток обвинений в адрес только что искренне любимого вождя, задали простецкий вопрос: а где были вы, соратники Сталина, сейчас спрятавшиеся за «закрытое письмо»? Спустя десятилетия я написал и опубликовал роман «Оглянись на повороте, или Хроники забытого времени», который презентовал, в том числе, в Екатеринбурге. В нем я обозначил вопросы, так и не нашедшие ответа до сих пор — в силу вечного, наверное, не увядающего в любые эпохи, всякий раз измененного, но все того же неугасающего волонтаризма.

4

В родном Кирове, куда вернулся после университета, я совершил (или со мной совершилось) несколько событий. Первое — я женился на комсомолке и первом дикторе Кировского телевидения Лилии Александровне, у которой в 1941 году погиб на границе отец — офицер, а в 1945 году — мать. На эту тему я напишу повесть «Голгофа», а «Мосфильм» снимет картину «Карусель на базарной площади», где главные

роли сыграют Регимантас Адомайтис и Сергей Гармаш, — но дело в другом. Дело в том, что эта девочка стала моим духовным тылом, олицетворением совести, беды и доброты. И это именно то, что требовалось для становления мужчины.

Второе — я столкнулся сразу с 50 малышами-сиротами, которых привезли из районного детдома и передали в школу-интернат. От имени газеты и по ее поручению я участвовал в «благодеянии», когда ребят добрые взрослые разобрали по домам, но потом доброта сникла, и дети, за исключением двоих, усыновленных, вернулись в интернат.

Мне понадобилось 20 лет, чтобы не просто исследовать, но исстрадаться этой бедой. В Кирове, да и разъезжая по Сибири и Дальнему Востоку, я обошел множество сиротских заведений. Во мне складывались два вектора: литературный, — осмысливал повесть, получившую потом название «Благие намерения», и организационный — требовалось довести проблемы современного, «невоенного» сиротства до сведения властей и изменить эту систему.

Третьим краеугольным событием стало мое утверждение главным редактором областной молодежной газеты «Комсомольское племя».

5

Здесь я встретился и подружился с человеком, имя которого, увы, комсомол подзабыл. Его зовут Виктор

Тимофеевич Дувакин. Он был секретарем райкома партии, в области начались перемены, и его избрали первым секретарем обкома комсомола. Не только он, но и парторганы готовили обновления всесторонне, и всех не устраивала «молодежка». Декабрьским утром 61-го меня вызвали в обком партии, вечером я уехал в Москву, там меня разглядывали, в том числе легендарный потом антагонист советской власти, а в ту пору секретарь ЦК Лен Карпинский — утром следующего дня я был уже на областной комсомольской конференции, где утвержден редактором и избран членом бюро обкома.

Виктор Дувакин был самостоятельный убежденец, человек, намного старше своих коллег равного уровня. И буквально через несколько месяцев, после мартовских выборов в Верховный Совет СССР, во время которых к нам приехал избираться Сергей Павлович Павлов, первый секретарь ЦК комсомола, Дувакина стали готовить в секретари ЦК по селу.

Своей основательностью, правдивым знанием русского села, отсутствием суетности и подобострастия он покорила Павлова. Мне, как редактору, Дувакин доверял безгранично, а с «ляпами» (у кого их не бывает) я приходил к нему сам. Однажды газета вышла без всеобщего девиза «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (потеряли верстальщики, раньше ведь газеты верстались

в металле). Я пришел к нему, протянул экземпляр газеты, пошутил, вроде «повинную голову топор не сечет». Он глядел, глядел на первую страницу, ничего не понял и ничего не нашел, пришлось указать на отсутствующее. Он чертыхнулся. Посмотрел пристально на меня. «Кто заметил?» — «Ну, я, неизвестно даже почему, еще один-другой из наших сотрудников». Дувакин помолчал и предложил: «Самим распространяться не надо. Ну, а если сверху позвонят — отсылай ко мне». Никто больше этого прокола не разглядел. Даже цензура. Впрочем, она тоже должна была бы за такое отвечать, но кому охота?

Дувакин, пожалуй, и разбудил во мне уже взрослое, не комсомольское, отношение к комсомолу. В командировках по районам я был вместе с ним раза два-три, и всегда он на глазах у меня достигал предметной цели. Его встречали первые секретари райкомов партии. Чаще всего он смотрел, ходил, спрашивал и добивался чего-то вместе с ними. Это было разумно, без всяких конфликтов, но с всегдашним установлением сроков. А что за дела? Коммуна молодых животноводов в одном районе, пренебрежительное отношение к ученикам и ученицам главы роно, ну и детские дома, когда я с ним, он не обходил. Тут же выделял деньги из комсомольского бюджета, знакомился с людьми искренне, будто с родней, забытой, но найденной. И связи с ними потом продолжались.

*Открытие Центральной городской библиотеки
имени журнала «Смена» в Новом Уренгое*

Это длилось недолго. Дувакина избрали секретарем ЦК в мае 62-го, на XIV съезде.

6

Газета наша делалась дерзко, остро, ее тираж за несколько месяцев вырос до 40 тысяч (с 10). Сразу после визита С.П. Павлова к нам приехала из Москвы целая бригада, которая выпустила записку об опыте редакции (я ее до сих пор не читал), а когда в Москву забрали Дувакина, мне то справа, то слева стали сообщать, что и меня готовятся забрать в златоглавую.

Но Дувакин ничего не говорил, да и я никуда не рвался. И вот тут уже

отдел пропаганды (а именно Валерий Ганичев) стал предлагать мне инструкторскую должность. Уехал я, правда, из Кирова в прямо противоположном направлении — в Новосибирск, собкором «Комсомольской правды» по Западной Сибири. Вместе с женой и маленьким сыном. Лиля не побоялась сменить свое звездное положение на роль детского библиотекаря. Судьба, правда, быстро исправила эту ошибку, ее скоро пригласили в телестудию, а когда меня забирали в Москву, всячески уговаривали со мной не уезжать.

Полуторагодовая командировка в Новосибирск занимает в моей жизни важную строчку. Ярослав

Голованов, громкоголосый справедливеец из отдела науки, кричал на редколлегии, где меня утверждали: «Ты будешь собкором по науке! У нас полно умельцев по селу, по рабочей молодежи, по комсомольской жизни, а по науке ни одного! Газете надо восстановить отношения с Академгородком!» Тогда эти отношения хромали, и я занялся таким восстановлением. Горжусь до сих пор, что был знаком с основателем Сибирского отделения Лаврентьевым, ядерщиком Будкером, генетиком Беляевым, математиками Ляпуновым, Векуа, Соболевым, археологом Окладниковым — кто поминает в столицах их нынче?

А Юра Журавлев, мой ровесник, в те дни моего собкорства получивший Ленинскую премию в одной из сложнейших, да еще и закрытых отраслей математики! Его избрали в ЦК комсомола, и он был его неболтливым украшением — молодой человек, добившийся сверхпобеды! Позже он станет академиком.

Тогда же я познакомился с еще одним будущим академиком Анатолием Деревянко, позже он будет секретарем ЦК комсомола по пропаганде — зачем это выдающемуся знатоку археологии, думал я, и лишь иногда спохватывался, когда он прилюдно говорил о чем-то. Это была речь человека из другого мира: другое построение фраз, аргументация, словарь, наконец. Комсомол приближался к высоким сферам науки, а она украшала комсомол, и хотя

это не вылилось, все-таки, в сложную систему, попытки происходили. Новосибирские же эксперименты системы НТТМ (научно-техническое творчество молодежи), закамуфлированное под комсомол предпринимательство (денежно успешное!), завершились скандалом с кучами неучтенного нала, но к науке отношения не имевшего. Так называемые коммерческие инновации, из которых в Москве чуть позже вызрел Ходорковский и другие молодцы от бизнеса, в Сибири провалились. Мое сознание не способно признать их частью комсомола.

Комсомол происходил от Павки Корчагина — Николая Островского, от молодогвардейцев, от героев Брестской крепости. А в Сибири 60-х годов их последователи жили рядом.

Навсегда в моем сердце Али Алиджанов, перенесший туберкулез, заработанный на изысканиях, но воспрявший — тогда секретарь комсомольской организации и главный инженер проекта «Сибгипротранса», позже — директор этого института, проектировавшего все железные дороги от Урала до Тихого океана, а еще позже — мэр Новосибирска. А тогда я написал о нем «распашной» очерк в большом формате прежней «Комсомолки» — два подвала, только сверху — так называемый «чердак». Вдруг звонит главный редактор «Комсомолки», мой начальник Юрий Воронов, мальчик блокадного Ленинграда, потом — большой поэт.

Говорит: «Сейчас позвонил Павлов. Сказал: «Вот так надо писать о комсомоле». Не радоваться нельзя. Но дело — я всегда это старался отличить от всего другого — было не в «писать», а в «жить» и «делать». Алиджанов был таким до конца.

Там же, в Сибири, явилась такая практика — воинские эшелоны новобранцев возглавлял комсорг обкома — им был Володя Саваков, тогда — заведомо военно-патриотического воспитания, много лет спустя — помощник Предсовмина СССР Н.И. Рыжкова. Его приключения в ранге комсорга эшелона я переплавил в повесть, мной самим разок напечатанную и забытую. Но вдруг Свердловская киностудия ставит по ней фильм «Воинский эшелон» (сценарий Валентина Черных). Опять — отвага, мужество, жизнь, где подвиг соседствует с простотой и смехом.

Бывал я и на Запсибе, к примеру. Слыхивал про легендарного бригадира монтажников Николая Петровича Шевченко. И вот в Белгородской больнице, где я недавно оказался, подходит ко мне громадный человек и говорит: «А я вас знаю! Я — Шевченко». Может, кто-то что-то не поймет, но имена подлинных героев, и не только комсомола, знали все, кто хотел знать и верить в свою собственную жизнь. Только сейчас выяснил: Шевченко из Новокузнецка направили в Старый Оскол, где он построил гигантский комбинат, был там первым секретарем горкома партии, затем предсе-

дателем облисполкома, а орден Ленина получил на Запсибе, мальчишкой. Имя легендарного монтажника мартенов знала вся Сибирь.

7

Я так жадно вцепился в собственную память о короткой жизни в Сибири, пожалуй, потому, что тогдашнее ее дыхание оставляло совсем другой след в душе, лишенной коммерческих помыслов, жадности, рвачества, имуществва и других подлых, разрушительных, но сущностных по нынешним временам ценностей. Вот досрочно построить домну — да! Провести новую дорогу — да! Открыть месторождение газа в Уренгое — да! И хотелось не только мне, к примеру, а всей стране, чтобы для детей в Уренгое, который только начинался, а народ жил в строительных «бочках», скорее построили библиотеку. И «Смена», где меня утвердили главным редактором после тяжелой операции, построила там одну за другой аж две библиотеки — для молодых строителей и для детей и юношества, и обеим власть присвоила имя «Смены». Они до сих пор существуют, теперь в жилых домах, а тогда рабочие их собирали из деревянных панелей, которые сконструировали в родном мне Кирове, и для меня это тоже была радость. При этом моего звонка начальнику Генштаба Николаю Васильевичу Огаркову — пусть я и был главным редактором «Смены», которая много

писала о нашей армии — оказалось достаточным, чтобы нам, молодежному журналу, и раз, и два выделяли целые эскадрильи военно-транспортной авиации для перевозки воздухом и самих стен библиотек, и книг для них, собранных читателями, и всякого библиотечного оборудования. Правда, во второй раз он сказал мне, обращаясь на «ты», как к родному:

— Понимаешь, ведь я в Афган даже воду самолетами вожу.

Вот что за времена это были. Я ему ответил, что понимаю, но ведь дорог в Уренгой нет. И все состоялось, как в сказке. И я этим «ты» горжусь по сей день — это не солдафонство было, нет, не грубость, напротив, признание меня своим, делающим дело, общее с заботами маршала Огаркова, а, значит, и армии.

«Смена» считалась журналом рабочей молодежи, и мы не могли не писать о тех, кто по призывам партии, по путевкам комсомола и просто по совести своей ехал в Сибирь и на Дальний Восток, чтобы Родине помогать. Мы выпускали целевые номера, посвященные Западной Сибири, Восточной Сибири, Дальнему Востоку, создавая систему молодежного целеполагания, осмысленности выбора жизни теми, кто ехал туда и работал там. И в голову нам не могла тогда пробиться идея, что осваивать эти земли можно за бесплатный гектар, которым тебя одарят облеченные таким правом...

Я горжусь тем, что целая группа наших «журналюг» — «сменовцев»

во главе со мной получила медали «За строительство Байкало-Амурской магистрали», что меня позвали сварить «красный» стык газопровода Уренгой — Западной Европой за построенные там библиотеки.

8

Но, отодвинув на время эту могучую практику живого комсомола, хочу вписать несколько фраз о деле не менее могущественном и незабываемом.

Приехав в Москву, я привез с собой из Сибири разработанную идею: собрать молодые литературные силы тех мест и выпустить книжную библиотеку «Молодая проза Сибири». В 50 томах.

Список авторов, действительно молодых, был наготове, идея — объединить написанное о Сибири новым писательским племенем — самая важная. Павлов идею одобрил, в Госкомиздат РСФСР ушло письмо за подписью секретаря ЦК ВЛКСМ А.И. Камшалова. Через пару дней меня ищет по телефону Иван Григорьевич Падерин — писатель, сибиряк, а в ту пору еще и работник того самого комиздата, куда ушло письмо.

Реакция одна: полный восторг. Большой ЦК уже одобрил. Давайте редколлегия, совместное решение, издательские расчеты, главного редактора издательства уже вызвали в Москву. Предлагалось исполнить проект за 5 лет — по 10 томов каждый год. Обернулось сроком в 10 лет по 5 книг. Прочитано, самое

малое, 250 рукописей. После завершения проекта, где я, по должности, сначала был рядовым членом редколлекции, а завершил библиотеку ее главным редактором — но не это главное, — я ощутил идейное завершение смысла соединения Сибири, ее истории на всех этапах, живой, на глазах создающейся литературы и молодой крови эпохи, то есть комсомола.

Все это слилось в единый, высококачественный проект, где присутствовали и народы, населявшие Сибирь, их родовые признаки, и история освоения этой земли русскими первопроходцами, и великая индустриализация, и революция, и пришедшая туда наука, и, наконец, молодой порыв современного созидания, который, конечно же, инициировал комсомол.

Я давно знаю и люблю Игоря Ильинского, теперь серьезного ученого — политолога и социолога, лучшего теоретика — да и практика — мира молодежи. Мы познакомились в Новосибирске, когда я собкорил, а он был первым секретарем райкома комсомола. Редакция поручила мне организовать статью о практике комсомольской жизни, мне рекомендовали Игоря, и он, для меня совершенно неожиданно, отгрохал острую, проблемную и конструктивную статью, которую «Комсомолка» напечатала мгновенно. Ее прочитали и тут же забрали Ильинского в Москву. И кем? Ответственным организатором по Все-союзным ударным комсомольским

стройкам Сибири! Конечно, Игорь пахал не в одиночку. Но он буквально не вылезал со строек Братской, Ангарской, Саяно-Шушенской ГЭС. Без представителя ЦК там не решалось ни одно хоть сколько-то важное дело, особенно, когда речь шла о судьбах молодых людей.

Лишь многие годы спустя я узнал от Игоря его собственную историю. Кто он? Коренной ленинградец, маленький блокадник. Когда это стало возможно, его вместе с сестренкой, братом и мамой вывезли из Ленинграда и доставили в Новосибирск. Но и отсюда-то отправили в глубинку, в дальнюю деревню, поселили в рассыпающийся домишко. Холодно, голодно, работы нет, лишь жалкие денежные подаяния, которых не хватало на еду. А муж — офицер, воюет. Мать написала ему отчаянное письмо. Отец обратился к Сталину. И вот однажды в деревню эту, куда не добирался никакой иной транспорт, на коне скачет офицер. Спрашивает правление колхоза, врывается туда, кричит там что-то, выбегает, вскакивает на коня, выхватывает револьвер и стреляет в воздух, и раз, и два! И уезжает. На крыльце появляется убогий деревенский начальник с подручными, бегут к избушке, где обитает эвакуированная семья, и начинают перетаскивать их горький скарб в другую избушку, получше. Оказалось, прискакал офицер из военкомата, сам-то раненый на фронте, и в два счета навел порядок! Отец Игоря погиб на фронте, брат умер в этой эвакуа-

Председатель Советского детского фонда А.А. Лиханов и секретарь ЦК ВЛКСМ Л.И. Швецова у подаренного детскому дому грузового автомобиля

ции, сестра дожила до седых годов, а он, сквозь ударные стройки и терпеливые труды, вырос в доктора наук, ректора Московского гуманитарного университета, в прошлом — высшей комсомольской школы. Лучший в стране знаток проблем молодежи, социолог, философ. Дитя войны в высоком смысле слова! Игорь и прозу об этом сам написал. Жаль, поздно, «Молодая проза Сибири» ушла в историю. Но вот именно так, в соединении с трудом, нравственными установками, с верностью к Отечеству, служением ему и слиянием с другими людьми, другими усилиями и иной, но такой же самоотверженной, работой рождалось единство молодых сил по имени комсомол.

Именно вот так в те годы издавалась, а, главное, писалась наша 50-томная «Молодая проза Сибири», столь нужная тем, кто осваивал Сибирь. Растянувшееся на десять лет издание этой солидной серии именно этим сыграло нежданно позитивную роль, потому что в нее «успели» войти романы и повести молодых писателей о молодых же героях того самого современного строительства.

Материальный труд сливался с духовностью, и одно служило другому, соединяясь в действующее, а не потребляющее, государство, выстроенное народом в буквальном смысле. Сделать это могли люди, верующие в цель. И мы, те, кто был тогда в управленческом, или даже исполнительском ряду комсомола, жили

именно этими, духовными, а не собственническими интересами.

Собственничество было делом постыдным.

9

Довелось мне, недолго работая в аппарате ЦК, принять участие и еще в одном историческом деле. В 1966 году С.П. Павлов решил учредить премии Ленинского комсомола, а мне, как инструктору отдела пропаганды, поручили подготовить все главенствующие документы.

Они «вылизывались» коллективно, такая существовала практика, ну, а имена лауреатов нам в отдел спустили сверху. Все оказалось в «десятку»! Список был недлинным, но совершенно уверенным и надежным: музыка — А. Пахмутова и Н. Добронравов, литература — В. Чивилихин и грузин Н. Думбадзе, кино — В. Жалакявичюс за фильм «Никто не хотел умирать», театр — Киевский ТЮЗ, спектакль «Молодая гвардия». А посмертно и первому — Николаю Островскому. И денежная часть премии была равна Государственной премии СССР! По крайней мере, это сделать позволили «высшие слои атмосферы» один, первый, раз.

Сама эта награда, существовавшая до слома советской власти и комсомола, сложилась в объективную систему формирования художественной элиты, служившей народу, а не его «заклятым» друзьям. Если громадные, подчас именно «великие» стройки соединяли миллионы

людей труда, то премия формировала взгляды и идеологию творческой интеллигенции. И это ей удалось! Сотни и тысячи деятелей культуры разных народов, а потом и ученых, воссоединяли воедино советскую культуру — со своей верой в народ, верой в честь и достоинство всех перед всеми. А что и кого соединяет теперь? Деньги под мнимыми девизами лукавых «общественных» премий, ничего не говорящие ни уму, ни сердцу?

10

В 1976 году я был удостоен премии Ленинского комсомола, а в 1980-м Государственной премии РСФСР имени Н.К. Крупской. Решающую роль в присвоении первой премии сыграл председатель Союза писателей СССР Георгий Мокеевич Марков, второй — первый секретарь ЦК ВЛКСМ Борис Николаевич Пастухов.

Пишу об этом с душевной им личной благодарностью, потому что эти две премии стали для меня, как два крыла для птицы. Я, получалось, набирал высоту, совершенно не думая об этом. Но в один прекрасный миг уровень общественного авторитета совпал с моими давними печальями о сиротском мире. И помог им.

Я ходил к очень многим, предлагая сделать что-то серьезное для изменения жизни ребят с такой судьбой. У кого только не был! Встретился один на один с министром просвещения СССР М.А. Прокофьевым. Не пробивалось!

Но вот генсеком ненадолго становится К.У. Черненко. А первым помощником у него — бывший работник ЦК комсомола, мой приятель Виктор Прибытков, которому я не раз жаловался на эту истинно национальную беду. И вдруг Виктор звонит мне и говорит: «Неси скорее свою записку!» После того как я ее тут же написал, снова звонит: «Поздравляю! Дано поручение готовить Постановление ЦК и Совмина СССР. Поручено Алиеву!»

Скажу только, что Гейдар Алиевич Алиев выполнил эту работу блестяще. В 1985 году появилось первое постановление, перевернувшее сиротский мир. Через два года, став Председателем Совета Министров СССР, Николай Иванович Рыжков позвал меня в Кремль, встретил на пороге своего кабинета вместе с женой, Людмилой Сергеевной, и я 3 часа 40 минут рассказывал им о положении детей в СССР. 31 июля 1987 года меня позвали выступить на заседании Политбюро при рассмотрении проекта нового постановления по сиротству. Потом мне шепнули: «Еще ни один писатель не выступал на ПБ по вопросам, литературы не касаемым».

Комсомол в документе упоминался мельком. И если он исчез в ближние годы, то Детский фонд, сначала Советский, а теперь Российский, — живет и трудится, следуя идеям святости трудного детства — идеям и божеским, и светским, и советским, чему все годы своей жизни верой, правдой и са-

мым смыслом своим следовал комсомол.

11

Получилось как-то не вполне скромно. Написал о себе, но не обо всем комсомоле. В то же время, надо ли мне судить о таком гигантском и историческом деянии и пространстве, как большой комсомол и его достойные дети.

И все-таки, всему, чего добился и не добился, всему, что сделал и не сделал, я благодарен и комсомолу, и всему нашему тогдашнему государству, пусть это и звучит высокопарно.

Это тогда передо мной раскрывались двери, это тогда мне предлагали — иди вперед и добьешься, это тогда, хотя и не всегда, и не всюду, и не у всех, я мог быть и стал услышанным.

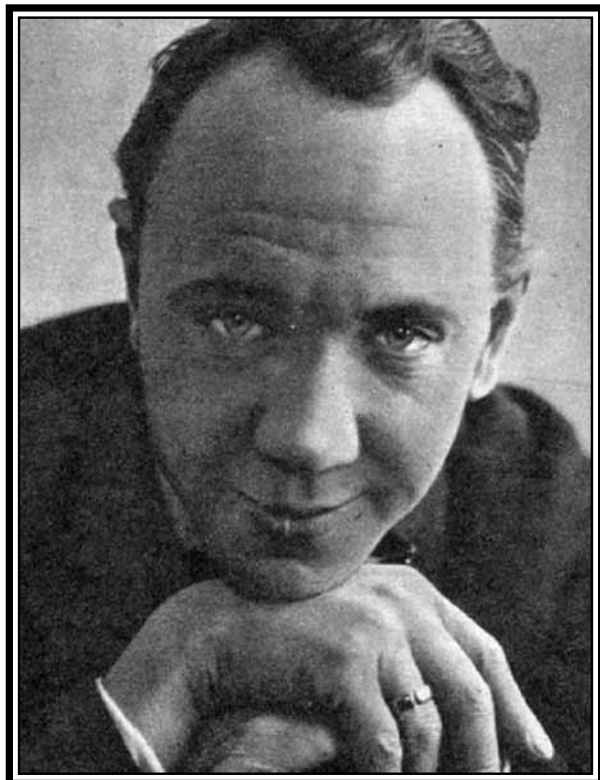
Посчитаю: я вступил в комсомол в 1950-м. Значит, из 100 возможных лет — 68 я, если и не числюсь, то полагаю себя верным ему. Как и верным Родине и делу, которому служу во всех своих обязательствах. Из этих 68-ми двенадцать лет был членом ЦК ВЛКСМ. До ухода в Детский фонд из «Смены» был Председателем совета творческой молодежи ЦК ВЛКСМ. Дважды выступал на съездах комсомола.

Так как же я должен думать о комсомоле?

Кто я сам-то для него?

Скажу просто — свой!

Точнее: свой среди своих. □

ЧЕХОВ,

которого
мы не знаем

Фамилия Чехов в России, как правило, ассоциируется в основном с писателем Антоном Павловичем, хотя среди членов этой семьи было и немало других талантов. Многие вспомнят Ольгу Леонардовну Книппер-Чехову, жену писателя, одну из величайших актрис МХАТа. Другим припомнится Ольга Чехова (в девичестве также Книппер), племянница Ольги Леонардовны, русская, а впоследствии немецкая актриса, одна из любимиц Гитлера.

И, конечно, найдутся те (хотя их наверняка будет немного), кто вспомнит Михаила Чехова — великого русского актера и педагога, чей вклад в актерское образование специалисты считают ничуть не меньшим, чем вклад Станиславского.

Выходец из этой блестящей семьи сегодня несправедливо практически забыт на родине, хотя в мире о нем помнят прекрасно — многие голливудские звезды учились как по «системе» Михаила Чехова (сам он ее так не называл, это лишь аналогия с системой Станиславского), так и брали уроки у него лично. Среди них — Клинт Иствуд, Мэрилин Монро и Грегори Пек.

Кем же был Михаил Чехов, как оказался в Голливуде, и почему о нем так мало знают сегодня?

Михаил Александрович Чехов появился на свет в 1891 году в Петербурге, в семье Александра Павловича Чехова — брата Антона Павловича. Впрочем, тогда автор «Вишневого сада» и «Трех сестер» еще не был отправной точкой семьи, от которой и отсчитывалось знаменитое родство. Александр Павлович также был писателем. Писал он, правда, под псевдонимами — Агафопод, Агафопод Единицын, Алоэ, а впоследствии — А. Седой.

Брак с матерью Михаила — Натальей Александровной Гольден —

был для Александра Павловича вторым. Она служила в доме гувернанткой старших сыновей, а после смерти жены хозяина дома вышла за него замуж и родила сына Михаила.

С самого детства Михаил показывал себя ребенком, одаренным в различных областях. Антон Павлович писал о нем: «Я думаю, что из него выйдет талантливый человек».

В 1907 году он поступил в Театральную школу при театре Литературно-художественного общества и вскоре начал выступать в школьных спектаклях. По окончании шко-

лы был принят в Суворинский театр. Но не это, конечно, было его мечтой, всей душой он желал попасть в главный театр — Московский Художественный.

Но так и оставались бы эти подмостки мечтой, если бы не родственные связи. Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, служившая в МХАТе, попросила Станиславского прослушать юношу. Антон Павлович к тому времени уже умер, и режиссер, вероятно, согласился, из уважения к его памяти.

В автобиографической книге «Путь актера» Михаил Чехов вспоминал об этой встрече: «В театре меня встретил сам Станиславский. Увидев его величественную фигуру и седые волосы, я перестал что-либо соображать и чувствовать... В моем сознании неотступно звучало единственное слово: «Станиславский, Станиславский».

Несмотря на то, что режиссер был скуп на похвалу, в июне 1912 года молодого актера Михаила Чехова приняли в театр. По окончании первого сезона стало ясно, что великий режиссер не ошибся с выбором. Так он оценил потенциал Чехова: «Без всяких сомнений — талантлив, обаятелен. Одна из настоящих надежд будущего». Помимо службы в Художественном театре, Михаил Чехов работал и в Первой студии при нем, которой руководил среди прочих и Евгений Вахтангов.

И если на основной сцене Михаил поначалу чаще был занят в массовых

«Гамлет»

сценах, то в студии, будучи совсем еще молодым человеком, он уже играл свои знаменитые роли стариков: Фрезера в «Потоке», Фрибэ в «Празднике мира», Кобуса в «Гибели Надежды». Он умел из небольшой роли, из эпизода создать настоящий запоминающийся характер. Этому способствовала вдумчивая, внимательная работа над ролью — то, чему впоследствии он учил своих студентов.

В 1913 году Михаил Чехов впервые снялся в кино. Это была картина

*В роли
Хлестакова
«Ревизор»*

Справа:

*В триллере
«Зачарованный»*

«300-летие царствования дома Романовых», где он сыграл основателя царской династии Михаила Федоровича Романова.

С этим фильмом связан смешной эпизод. Поскольку киноплёнка тогда была товаром чрезвычайно дорогостоящим, на каждую картину ее отводилось строго определенное количество — в метрах. Чехов вспоминал: «Я изображал царя Михаила Федоровича. Когда я показался в воротах, я услышал несколько отчаян-

ных голосов, кричавших снизу от аппарата: "Отрекайтесь от престола! Скорей! Два метра осталось! Скорей! Отрекайтесь!" Я отрекся, как умел...»

В это же время Михаил тайно повенчался с племянницей Ольги Леонардовны — юной Ольгой Книппер, которую тетя определила учиться в студию при Художественном театре. Ольга была невероятно красива, в нее влюблялось много маститых актеров, но она выбрала Ми-

хаила. Семья сочла это мезальянсом — отец Ольги занимал крупный пост в столице, а зять, по его мнению, был всего лишь актером «на выходах». Тем не менее, брак продержался два года, у молодых супругов родилась дочь Ада, тоже впоследствии известная актриса.

Ольга из Книппер стала Чеховой, и позже, несмотря на развод, фамилию первого мужа сохранила до конца жизни.

После развода психическое состояние Михаила оставляло желать лучшего. Он впал в депрессию, которая впоследствии усугубилась еще и проблемами со здоровьем.

Станиславский в 1916 году ввел его на роль Треплева в «Чайке», но в

это же время произошло самоубийство двоюродного брата Михаила, и актер отказался от роли, сказав, что сейчас сыграть финал «Чайки» — самоубийство Треплева — просто не сможет.

Выздоровлению — как душевному, так и физическому — способствовало то, что Михаил открыл частную актерскую студию. Прямо у себя в квартире, в Газетном переулке. По воспоминаниям одной из его сотрудниц, впоследствии режиссера, Марии Кнебель, «он...выздоровел только благодаря работе с нами... Занятия в студии были в основном посвящены элементам системы, поискам творческого самочувствия в этюдах, то есть перво-

му разделу системы Станиславского».

В 1918 году Чехов женился вторично — на Ксении Карловне Зиллер, девушке немецкого происхождения, которая оставалась с ним до конца жизни.

Обретя относительное душевное спокойствие, Михаил направил все свои силы на работу. Самой известной ролью, которую он сыграл в двадцатые годы, стала роль Хлестакова. Чехов играл легко, воздушно, в процессе работы над ролью много импровизировал. Даже Станиславский замирал, наблюдая за репетициями. После выхода спектакля в рецензии «Вестника театра» было сказано: «Быть может, в первый раз за все те восемь десятилетий, которые насчитывает сценическая история «Ревизора» на русской сцене, явлен, наконец-то, тот Хлестаков, о котором писал сам Гоголь».

Этой ролью Чехова был восхищен Андрей Белый, и впоследствии актера и поэта сблизила работа над постановкой «Петербург», где Михаил Александрович сыграл Аبلеухова. Этой ролью была потрясена вся театральная Москва: герой у Чехова получился зловещим, страшным и в то же время обреченным. Многие считали, что «Петербург» выглядел совершенной антропософской мистерией, что неудивительно, учитывая, что и Белый, и Чехов увлекались антропософским движением Рудольфа Штайнера.

Сыграл Чехов и Гамлета, но сам этой своей ролью был не очень доволен и соглашался со Станиславским, без смущения говорившим, что Чехов все-таки не трагик.

Работа над такими сложными ролями не могла не сказаться на здоровье Михаила Александровича. В 1928 году прямо на сцене у него случился сердечный приступ. Не добавляли здоровья и конфликты с труппой МХАТ-2, директором которого он также работал.

Он подал прошение разрешить ему выезд за границу на лечение, а, получив его, в июле того же года покинул страну и отправился в Германию. Тогда он не думал, что это навсегда, но через год стало ясно, что возвращаться в Советскую Россию небезопасно — уже шли репрессии. Но Чехов еще довольно долгое время не признавал себя эмигрантом и сохранял советское гражданство.

В Германии Михаил Александрович стал работать с немецким режиссером Максом Рейнгардтом — играл в театре, снимался в кино, даже сам ставил спектакли, в частности, «Двенадцатую ночь», а также работал с актерами в качестве педагога — уже тогда у него появилось желание преподавать.

Но и в Германии через некоторое время стало беспокойно — к власти пришел Гитлер, и Чехов с женой предпочли уехать в Париж — центр русской эмигрантской культуры. У него были планы создать школу драматического искусства, но

осуществиться этим планам суждено было не здесь.

Того успеха, которого он ожидал, Чехов в Париже не добился. Спектакль-пантомима, поставленный им, парижанам не понравился. В одном из писем Мейерхольду Михаил Александрович писал: «Я так переновшествовал, что перепугал зрителей всякого рода. Зрители обиделись, ничего не поняв (а понять было, пожалуй, и трудновато — уж очень я навалился сразу)».

Не покорив Париж, Чехов уехал в Ригу. И здесь начался самый, на его собственный взгляд, плодотворный период европейской эмиграции. Чехов писал в воспоминаниях: «Прожив столько лет в России в более чем скромных условиях, забыв о существовании ресторанов, смокингов, балов, вечеров, отвыкнув от веселой праздности, я вдруг все это встретил за границей в чистенькой, уютной и веселой Риге. Рига тогда всеми силами старалась

подражать Парижу, и в этот «Париж» я бросился с безудержной жаждой жизни».

В Латвии он работал в Национальном театре, а также играл в Театре русской драмы, в Каунасе вел занятия по технике актерского мастерства в Литовском государственном театре, поставил «Гамлета», «Ревизора» и «Двенадцатую ночь».

Там же, в Латвии, Чехов познакомился с английской актрисой и продюсером Беатрис Стрейт, которая предложила Михаилу Александровичу осуществить его давнюю мечту — организовать театральную студию и школу на юге Англии, в Дартингтоне.

Он принял предложение, школа была организована и успешно проработала вплоть до 1938 года, когда немецкие войска оккупировали Австрию, а британцы мобилизовали свой флот. Настроения были неспокойными, и Чехов предпочел перенести школу за океан — в Америку.

Большая часть учеников последовала за наставником, и в 1939 году школа обосновалась в Риджфилде, неподалеку от Нью-Йорка. Со временем она стала Театром со школой при нем.

Однако война снова вмешалась в мирное течение чеховской жизни. Штаты вступили во Вторую мировую войну, и Михаил Александрович принял решение закрыть школу до ее окончания.

Основным заработком в эти годы были съемки в кино. Чехов много

снимался, в том числе и у Хичкока в картине «Зачарованный». Попутно он давал уроки американским звездам и читал лекции по мастерству актера.

Учиться у него считалось чрезвычайно престижным и полезным, через «школу» Чехова прошли многие популярные актеры тех лет.

Мэрилин Монро брала у него уроки в течение целых трех лет, относилась к учителю с огромным уважением и часто дарила ему подарки — например, портрет Линкольна с дарственной надписью или старинную икону.

Еще в России Михаил Чехов начал работу над книгой, которая позже стала известна под названием «О технике актера». Сам автор признавался, что, безусловно, основана она на системе Станиславского: «60% — от Станиславского, 20% — от Вахтангова, и только на 20% — от меня».

Михаила Чехова не стало 1 октября 1955 года. Он похоронен в Голливуде, где его по-прежнему помнят и пользуются его методом. Школа одного из последователей Чехова — Ли Страсберга — считается лучшей для обучения актерскому мастерству. По всему миру, начиная с 90-х годов, проводятся мастерские Михаила Чехова. Вот только в России он по-прежнему известен мало. Будем надеяться, что вскоре о Михаиле Чехове вспомнят и на родине, которую он так любил. □

Ирина Опимах

*Эдуард Мане.
Автопортрет*

М Эдуард ане

«Расстрел императора Максимилиана»

«Расстрел императора Максимилиана». Мангеймский Кунстхалле, Мангейм, Германия

В 1867 году весь Париж жил под знаком Всемирной выставки, проходившей в столице Франции с 1 апреля по 3 ноября. Павильоны выставки разместились на Марсовом поле, а посетило ее более 9 миллионов человек! Были там и очень важные гости, среди них король Баварии Людвиг II и российский император Александр II. Парижане и гости столицы с удовольствием

рассматривали всяческие технические новинки — к примеру, телеграфный аппарат Хьюга, механическую тестомешалку, гидравлический лифт и другие достижения технического прогресса, а также посещали красочные павильоны, возведенные участниками выставки из разных стран: тирольскую деревню, русскую избу, египетский караван-сарай, восточный минарет, турецкие бани, китайский театр, английский коттедж, американское ранчо, голландскую ферму, японский домик. Именно тогда европейцы впервые увидели в таком объеме японское искусство (картины, расписные ширмы), оно вызвало восторг самых разных художников, в частности Ван Гога, и оказало огромное влияние на развитие живописи конца XIX века.

Вечерами же парижане развлекались на пышных и не очень приемах, ходили в театры и танцевали на балах. Недаром тогда говорили, что Париж, получив прозвище головы страны, на самом деле представляет ее ноги.

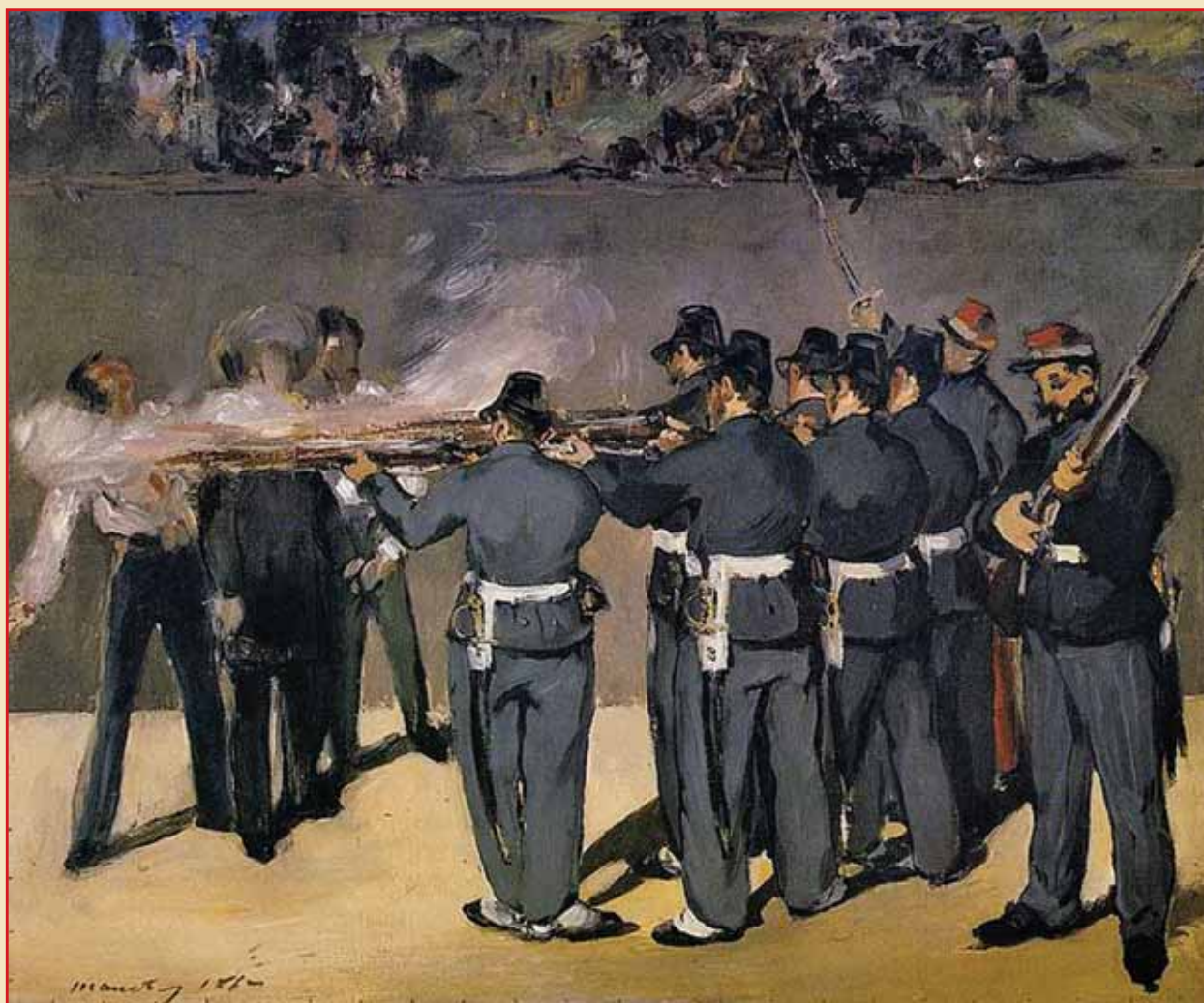
Между тем, обстановка в мире была далеко не спокойна. Шестого июня во время военного смотра в Булонском лесу поляк Антон Березовский, дабы отомстить за подавление польского восстания 1863 года, совершил покушение на российского царя Александра II. Березовский подбежал к экипажу и выстрелил в царя из двуствольного пистолета. К счастью, офицер царской охраны успел оттолкнуть руку террориста, и пули попали в лошадь. Правительство тут же приняло дополнительные меры безопасности, подвергая тщательному досмотру всех, вызывавших подозрение.

А спустя две недели парижане с волнением обсуждали другую трагедию, случившуюся в Мексике. Там повстанцы расстреляли эрцгерцога Максимилиана, волею судеб и заинтересованных лиц бывшего королем этой далекой латиноамериканской страны.

В начале 1860-х годов Мексика должна была Франции, Англии и Испании огромные деньги, но президент страны Бенито Хуарес отнюдь не планировал платить государственные долги.

Экономика страны страдала, и тогда богатые мексиканские эмигранты решили воссоздать в Мексике монархию. 10 июля 1863 года собравшаяся в Мехико Ассамблея нотаблей провозгласила Мексикан-

*«Расстрел императора Максимилиана».
Новая галерея Карлсберга, Копенгаген, эскиз*

скую империю, а корону предложила эрцгерцогу Максимилиану Габсбургу, брату императора Франца Иосифа. И Максимилиан согласился. Он считал, что Европа медленно угасает, а настоящая жизнь — она там, в Новом свете. Он вообще любил море, путешествия, неизведанные земли. Однако Максимилиан почитал закон, а потому заявил мексиканским делегатам, пришедшим в его замок, прекрасный Мирамар на бере-

гу Адриатического моря (недалеко от Триеста), что согласится, только если создание монархии будет подтверждено всенародным свободным референдумом. И референдум, хотя свободным его назвать было трудно, провели. В итоге, более 6 миллионов мексиканцев (из 8 млн 600 тыс.) высказались за Максимилиана, после чего он отказался от всех прав на австрийский престол и стал полноправным королем Мек-

*«Расстрел императора Максимилиана».
Лондонская национальная галерея*

сики. И вот в апреле 1864 года он вместе со своей супругой, прекрасной Шарлоттой, дочерью бельгийского короля Леопольда I, отплыл на судне «Навара» в страну, которую теперь полагал своей. Правда, он все-таки посчитал нужным заручиться поддержкой французского короля Наполеона III, который обещал держать в Мексике 25 тысяч солдат французской армии и 8 тысяч — Иностранного легиона.

Оказавшись в Мексике, Максимилиан и Шарлотта обнаружили, что ситуация в стране совсем не столь радужна, как им представлялось в

Мирамаре. Шла гражданская война, отряды Хуареса, обладавшего большой поддержкой среди самых разных слоев мексиканского населения, воспринимали Максимилиана как чужака и непрерывно атаковали, французские солдаты были бессильны остановить их: потерпев поражение, те снова возрождались как Феникс. Но Максимилиан старался не замечать трудностей и писал на родину: «Эта страна необычайно прекрасна. Мы живем... в очаровательном замке, воздвигнутом на базальтовых скалах, окруженном знаменитыми гигантскими деревья-

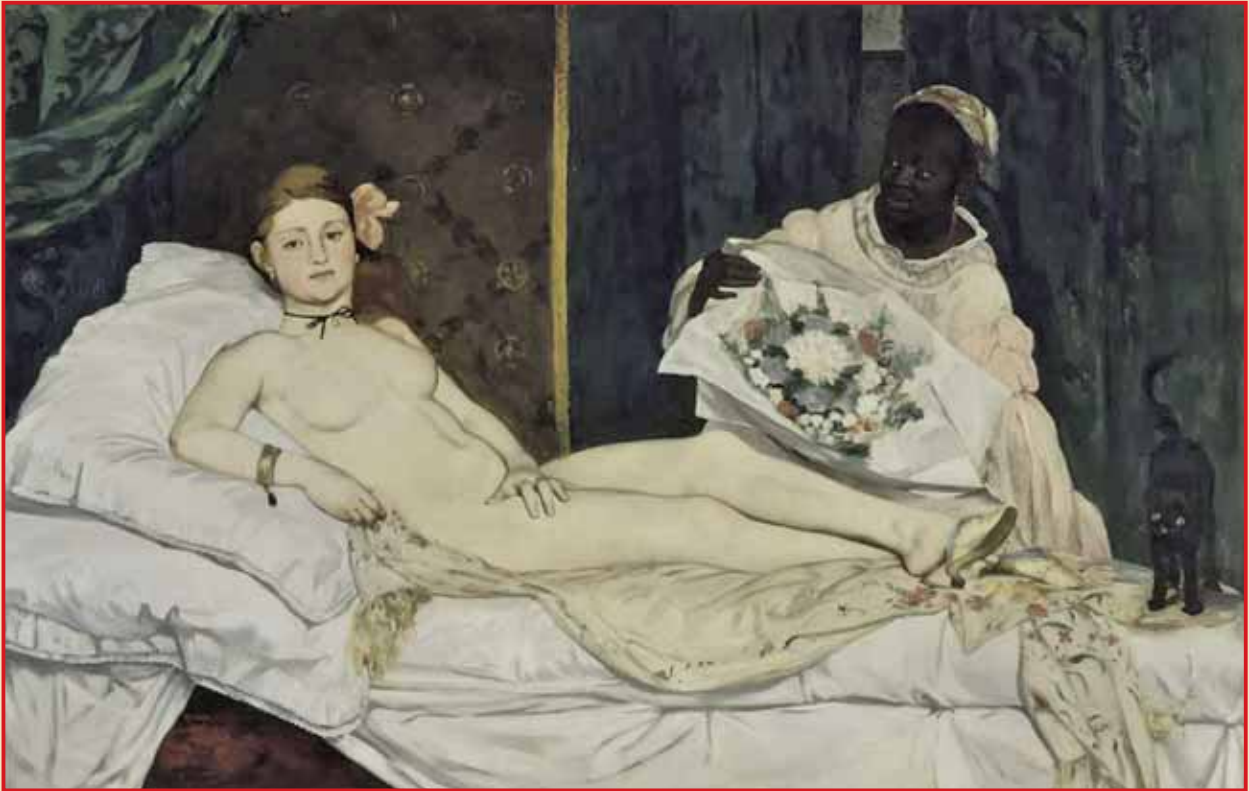
«Завтрак на траве»

ми Монтесумы. Отсюда вид не хуже, чем в Сорренто».

Тем временем у Франции обострились отношения с Пруссией, и перед угрозой войны Наполеон отозвал свои войска из Мексики. Максимилиан, брошенный своими союзниками, преданный французским королем, попытался помириться с Хуаресом, но тот не пошел на контакт. Обстановка становилась опасной, и, понимая это, Максимилиан отослал жену в Европу, а сам вместе со своим малочисленным отрядом укрылся в крепости Кверетаро. Ему предлагали бежать, но он заявил: «Габ-

сбург никогда не покинет поста, предназначенного ему судьбой». Осада длилась недолго, и вскоре Максимилиан по приказу Хуареса был предан военному трибуналу. Вердикт был суров: расстрел. Просьбы европейских монархов и президента США проявить милосердие лишь разозлили Хуареса. Судьба Максимилиана была решена.

Утром 19 июня 1867 года бывший король Мексики встал, оделся и помолился, а потом снял обручальное кольцо и попросил своих тюремщиков отправить его Шарлотте в Вену. Затем его и двух его генералов, Ми-

«Олимпия»

геля Мирамона и Томаса Мехиа, хранивших ему верность, привезли к Лас-Кампанас, Колокольному холму, возвышавшемуся за пределами города. Здесь осужденные на смерть и простились с жизнью.

Тело Максимилиана после долгих переговоров было доставлено на французском военном корабле в Триест, а оттуда — в Вену. Там его похоронили в императорском склепе Капуцинеркирхе.

История Максимилиана взволновала все европейское общество. О нем писали все газеты. Много говорили о мексиканской трагедии и в Париже. Тридцатипятилетний художник Эдуард Мане тоже был впе-

чатлен до глубины души: он уже видел в своем воображении эту сцену расстрела, видел Максимилиана в последнюю минуту его жизни... Он просто обязан написать картину на этот сюжет! Новое полотно на столь актуальную тему должно принести ему успех, завоевать признание публики и критиков, что ему пока никак не удавалось.

И вот художник, запершись в своей мастерской, принялся за работу. Над композицией он долго не размышлял — Мане не раз пользовался идеями великих предшественников. На этот раз ему помог Гойя, его картина «Расстрел 3 мая 1808 года». Но дело шло не совсем гладко. Снача-

*«Расстрел императора Максимилиана».
Музей изящных искусств, Бостон*

ла Мане написал одну картину, потом — вторую, третью, еще эскиз и литографию. Видно, как менялось его отношение к этой истории. На первой картине в солдатах, расстреливающих Максимилиана, легко узнаются мексиканцы, на них характерные сомбреро. Зато на последней версии на солдатах экипировка французской армии, шляпа Максимилиана напоминает нимб святого, а сержант, руководящий расстрелом, очень похож на Наполеона III. Мане словно говорит: Фран-

ция — вот кто убийца Максимилиана! Недаром это заметил Эмиль Золя. Реакция цензоров, запретивших картину, вполне понятна, говорил писатель.

Тогда многие, а не только Мане, были уверены, что именно Наполеон виновен в смерти Максимилиана. Власти справедливо посчитали, что уж очень картина затрагивает доброе имя короля, а потому выставить картину не было никаких шансов. Ее запретили. Запретили Мане сделать и гравюры с картины.

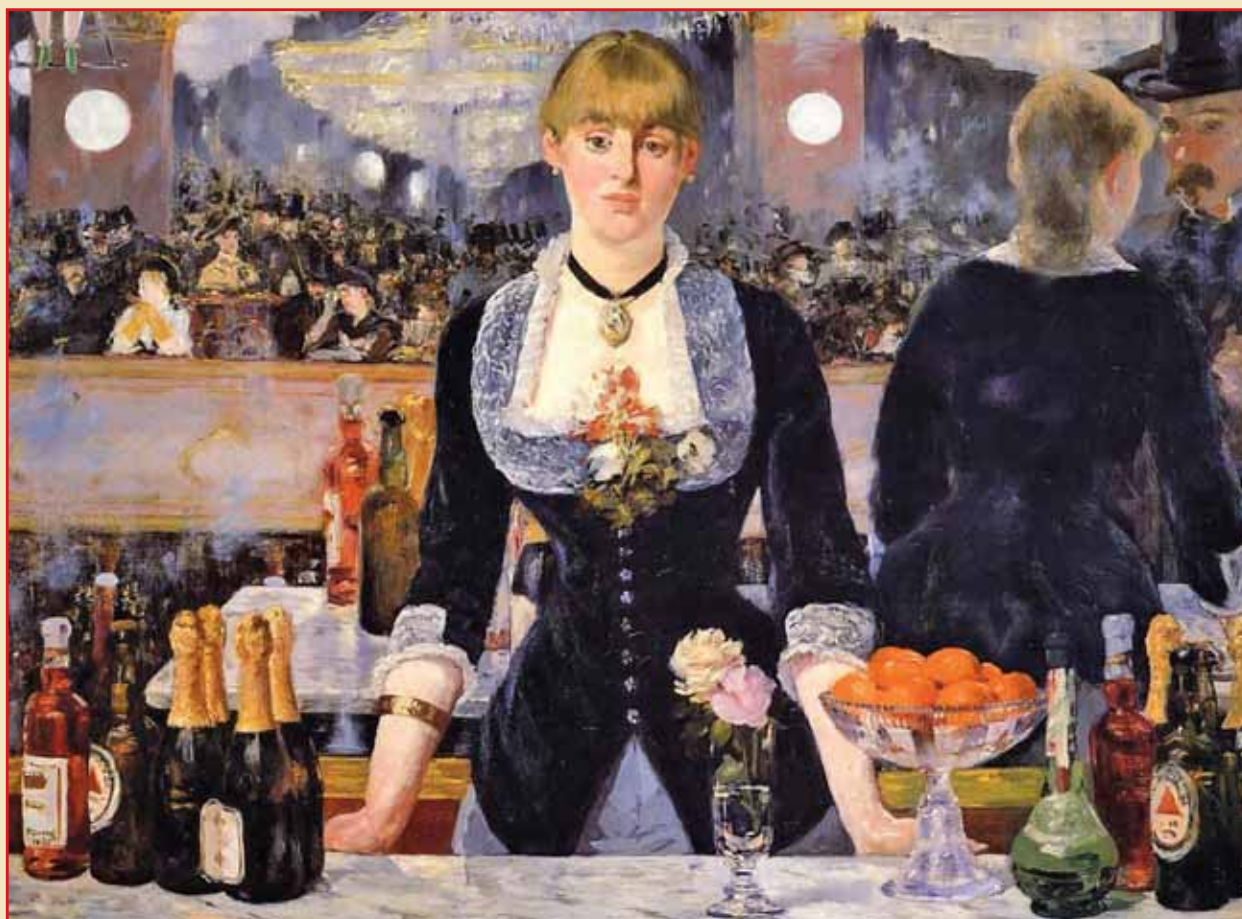

«В лодке»

То было трудное время для художника. Каждый день приносил, по его собственным словам, грязный поток оскорблений. Ну, не нравились его картины, не воспринимала их публика, не находя в них никаких художественных достоинств, а лишь издевательство над устоями и приличиями. Оскорбленный, непонятый, разочарованный — ведь он так верил, так надеялся, что это полотно, острое, насыщенное политикой, такое современное, принесет ему успех, — Мане отправился в Булонь и Трувиль, чтобы отвлечься от не-

удач, подышать морем, как-то успокоиться. Его главные, вызвавшие настоящий скандал в обществе, картины — «Завтрак на траве» и «Олимпия» — уже были написаны, однако до признания еще было очень далеко. По сути, он его так и не дождался... (Мане умер в 1883 году, когда его творчество и творчество его друзей-импрессионистов только-только завоевывало свое место в душах ценителей искусства и критиков.)

А у картины «Расстрел короля Максимилиана» оказалась сложная судьба.

«Бар в Фоли-Бержер»

Первый вариант сегодня хранится в Мангеймском Кунстхалле в Германии. Второй, а вернее, его фрагменты, — в Лондонской картинной галерее. История этого варианта картины поразительна. О ней рассказывает в своих воспоминаниях Амбруаз Воллар, парижский галерейщик и большой друг импрессионистов. «Брат мадам Мане считал это полотно неудачным, потому что оно было не совсем «закончено». Поскольку эта реплика «Максимилиана» занимала на стене слишком много места, ее вынули из рамы,

свернули и отправили в сарай. Как-то брат мадам Мане подумал, что, может быть, из этого признанного негодным к продаже полотна удастся хоть что-нибудь «извлечь». Вот, к примеру, этот сержант, заряжающий ружье, он вполне может сойти за жанровый мотив, если, конечно, останется в единственном числе. Итак, сержант вырезан и продан. После такого «кровопускания» оставшаяся часть картины показалась ему еще менее ходким товаром — кракелюры проходят именно по тому месту, где находятся животы стреляю-

щих солдат. Полотно опять куда-то засунули; спустя некоторое время братец снова его извлек и предложил мне. Я помню печальное выражение лица мадам Мане, когда эти останки были разложены по полу. «Как жаль, Эдуард так бился над этим полотном! Какие прекрасные вещи он мог бы писать в то время!» Я заключаю сделку. Полотно опять сворачивают, теперь мне надо отдать его реставрировать... Но тут реставратор восклицает: «Уж не из этой ли картины «Сержант», которого я реставрировал для г-на Дега? Поглядите — здесь вырезан целый кусок! Когда г-н Дега покупал этого «Сержанта», его уверяли, что остальная часть картины была совершенно случайно уничтожена». Я показал полотно Дега, и он сразу же узнал в нем то самое, откуда вырезан его «Сержант», он прямо-таки остолбенел и мог выразить свое негодование только следующим образом: «Вот они — семьи! Не доверяйте семье, слышите?» Затем, овладев собой, встал между мной и картиной, положив на нее руку жестом владельца. «Вы мне это продадите. И отправитесь к мадам Мане, скажете, что я хочу иметь ноги сержанта — видите, они в моем куске отсутствуют, поглядите, в вашем тоже чего-то не хватает, нет группы, состоящей из самого Максимилиана и его генералов. Скажите, что я за все доплачу». Я снова пошел к мадам Мане. Ее братец выслушал меня, покачал головой. «Я считал, —

сказал он, — что сержант только выигрывает без ног, которые висели как тряпки; и стреляющие солдаты смотрятся куда лучше без этой группы генералов и того, что осталось от головы Максимилиана... Если бы я мог предположить, что заплесневевшие края картины могут чего-то стоить, я бы не разжег ими огонь!» Я ограничился тем, что сказал Дега, будто отсутствующие части картины безнадежно испорчены плесенью. Но он все повторял и повторял: «Вот видите, Воллар, как надо остерегаться семьи!» И в знак своеобразного протеста наклеил на холст, примерно соответствующий первоначальным размерам картины, «Сержанта» и купленный у меня фрагмент из «Казни Максимилиана», белые пятна, оставленные на холсте, указывали на отсутствующие части».

Фрагменты, соединенные воедино таким образом, приобрела Национальная галерея. Третье полотно купили у того же Амбруаза Воллара американцы, супруги Макомбер, а в 1909 году они подарили картину Бостонскому музею изящных искусств. Есть еще небольшой эскиз — он хранится в Новой глиптотеке в Копенгагене.

И сегодня уже никто не сомневается в высочайших художественных достоинствах «Расстрела короля Максимилиана», этого, пожалуй, единственного полотна на политический сюжет в наследии великого французского художника Эдуарда Мане. □

Виктор Ом

С.А. ЛУЧИШКИН

(1902–1989 гг.)

«Шар улетел»

Замечено — творчески плодовитых художников узнают и называют только по одной картине — главной в их творчестве. Широко известная работа остается в истории изобразительного искусства «визитной карточкой» мастера!

Убедительный пример — «Последний день Помпеи» Карла Брюллова.

Несмотря на то, что Карл Павлович написал целую галерею блистательных портретов, множество пейзажей и жанровых картин, потрясающий цикл «итальянских»

акварелей, и даже стенописью участвовал в оформлении Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, при упоминании его фамилии блицем молнии высвечивается знаменитая «Помпея»...

То же можно сказать о знаменитом передвижнике Михаиле Нестерове — о его шедевре «Явление отроку Варфоломею»...

Михаил Васильевич оставил громадное наследие — это и станковые картины и портреты, и прекрасные росписи в храмах (в том числе в Софийском соборе в Киеве), и иные работы, связанные с архитектурой, но при упоминании художника называют только «Варфоломея»...

Подобное случилось и в творческой судьбе советского живописца Сергея Алексеевича Лучишкина. Навсегда узнаваемой его работой осталась небольшая станковая картина с очень простым названием «Шар улетел»...

Эта работа и стала для историков искусства и любителей живописи — его «визиткой!» А ведь мастер за свою долгую творческую жизнь написал блестящие живописные полотна, активно сотрудничал с театрами, исполняя прекрасные сценографии и оформление, и даже был связан с кинематографом — как художник-постановщик на Мосфильмовской картине у самого Григория Александрова!

Это был знаменитый фильм «Цирк», который стал одним из шедевров выдающегося советского режиссера, автора картин «Веселые ребята», «Волга-Волга» и других, вошедших в сокровищницу советского киноискусства!

Широкий диапазон творчества Лучишкина говорит о его недюжинном таланте. Ведь далеко не каждый (даже блестящий живописец) сможет работать художником кино. Там своя специфика, технология работы, иные выразительные средства.

Сергей Алексеевич с радостью вспоминал о тех днях, наполненных кипящей творческой энергией, и, конечно, с большой благодарностью Григорию Васильевичу за приглашение...

Но! Главной его картиной так и остается довольно ранняя работа — «Шар улетел»... Поразительно! Холст невелик, размером всего метр по большой стороне. Сюжет — проще не бывает, слегка наивное изо-

бражение... и немудреная композиция... Что же в картине такого магического, что цепко захватывает внимание и сознание зрителя? Похоже, есть некая тайна, только она не материальна, и увидеть ее скользящим торопливым взглядом невозможно. Здесь что-то «воплощается» из мира Нави (по-старославянски), то есть «мира тонкого»... А в нашей реальности — смотришь-смотришь на картину, и вроде ничего удивительного, абсолютно ничего!..

С двух сторон вертикально вытянутого холста — серые дома, «ситец» серенького неба, а внизу, в невзрачном маленьком дворике — маленькая девчужка в голубом платье запрокинула голову к небу и... смотрит на уносящийся в серенькую хмарь неба красный шарик... Вот и все! Но... как наваждение всплывают в сознании строки поэта Николая Рубцова, когда смотришь на эту картину Лучишкина:

*Я ослеп, хотя в порядке зренья,
Я оглох, хотя в порядке слух...*

Такая, на удивление, неожиданная, глубинная ассоциация...

И далее все воспринимается как полудетская греза, как «припоминание чего-то забытого», с легоньким налетом ностальгической грусти. От холста уже не оторваться — кажется, что рассматриваешь (или пытаешься, во всяком случае) «ощупать» пристальным взглядом каждую деталь картины, каждый предмет, почувствовать все краски...

Пристально скользя взглядом по черным оконным проемам, вдруг

«Шар улетел». Фрагмент

обнаруживаешь запечатленную в них жизнь... И — шокирует висящий человек в удавке... Совершенно неожиданная деталь — шок! А потом переводишь взгляд на другое окно — там, в черноте оконного квадрата, девушка расчесывает свои волосы... и это так обыденно, рутинно! И странные деревца, тощие, почти безжизненные, они настолько оголены, что верить в их будущий рост просто нелепо... И скучный забор, замкнувший это ничтожное пространство и эти два серо-охристых грязных дома... Весь холст покрыт монохромом красочной фузы (бесцветная грязь цветов, полученная от их хаотичного смешения), один лишь цветовой удар — красный шарик на фоне «фузистого» неба! Он ведь и есть главный герой молчаливо-драматической картины!

А девочка? Она статистка в этом мрачном осеннем действе... Она

лишь молча созерцает, но смотрит, кажется, совсем не на улетающий шарик, а на течение вокруг нее прозаически-грустного бытия... Она — деталь в картине, равнозначная другим, и подчинена главной идее полотна, которая витает где-то «над»...

Над этим скучным двориком, над грубыми глыбами каменных домов, над девочкой в голубеньком платице, да и над шариком, который улетаёт навсегда! Так покидают нас НЕСБЫВШЕЕСЯ и НАДЕЖДА!..

И, к своему удивлению, обнаруживаешь, что давно уже «мысленно отлетел» из этой грустной картинки уютного и мрачноватого дворика, и воспарил... намного выше крошечного шарика, который остался все там же, в окружении серых угрюмых домов. Мысли уводят совсем далеко — во Вселенную... и обнажают главный вопрос — о смысле жизни!

А потом удивляешься, как совсем еще молодой художник сумел «уловить неуловимое», написав всего лишь простые элементы будничного бытия?

*Есть тишина, ей нет названия,
Ей нет начала, нет конца,
И мертвое ее дыханье
Живые леденят сердца.*

*Есть тишина — невыносимо
Прикосновенье пустоты —
Она неслышно и незримо,
Ползет со страшной высоты.*

Эти строки русского поэта «первой волны эмиграции» Владимира

Смоленского очень созвучны атмосфере картины художника...

Ко времени создания «Шарика» молодой художник вступил в ОСТ («Общество станковистов») — объединение молодых художников, вышедших из Вхутемаса. Возникло это объединение как бы стихийно — но вполне закономерно...

В творческой жизни Сергея Алексеевича это был важный этап, который завершал его поиски своего пути в искусстве. Он ведь учился декламации в Государственном институте слова (был такой институт, созданный после революции). Эти уроки позволили ему выступать в амплуа актера и режиссера, и он одно время возглавлял «Театр малых форм» Московского Пролеткульта.

Учителями Сергея Лучишкина в изоискусстве были мастера первой величины: Абрам Ефимович Архипов, Любовь Попова, Александра Экстер и Надежда Удальцова.

Из книги воспоминаний Лучишкина «Я очень люблю жизнь»:

«Мы, молодые художники, свидетели Великого Октября, под влиянием которого зрело наше мировоззрение, прошедшие сложный путь преодоления всевозможных «измов», пришли к утверждению станкового искусства, картины как неременного элемента социалистической культуры, несущего идейное содержание новой жизни, активно участвующего в ее становлении.

Так, в противовес беспредметничеству и конструктивизму, у нас определилось намерение вопло-

«Среди деревьев (Лыжники)»

щать в живых конкретных образах современную жизнь, революционные преобразования. Это новое содержание повлекло за собой необходимость поиска и новых форм выражения.

Постепенно отстаивалось все, что мешало утверждению подлинного

искусства, отвечающего новой жизни, определялось понимание стоящих перед нами задач.

Дискуссионная выставка 1924 года выделила из довольно обширной среды Вхутемаса творчески сильный актив, из которого сформировалась группа живописцев, ставших

*«Девочка»
(студенческая
работа
в мастерской
А.Е. Архипова)*

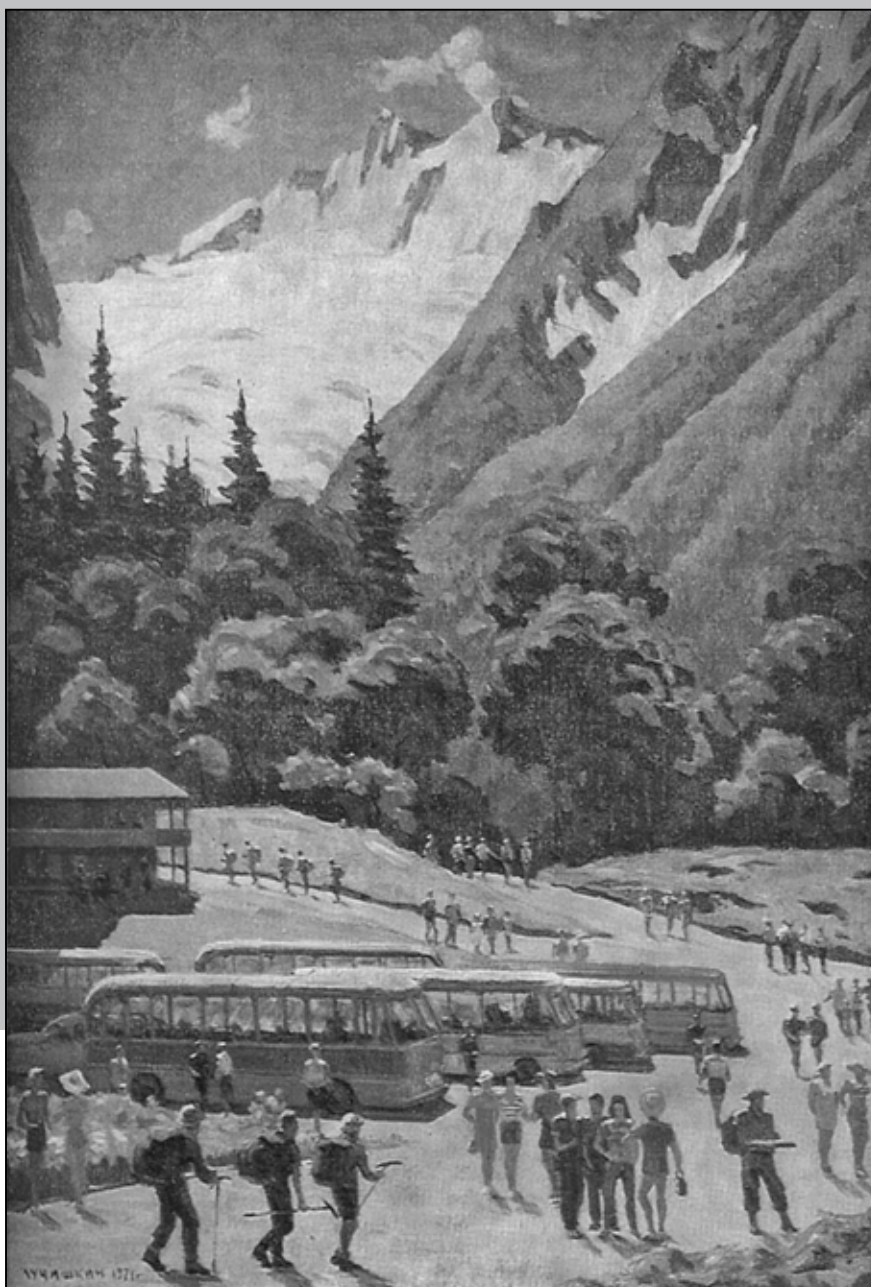
инициаторами создания ОСТа. Большая часть была связана между собой дружескими отношениями, возникшими в студенческой среде. Эти связи укрепились, когда Музей Живописной культуры получил в 1923 году помещение при Вхутемасе и стал неизменным местом нашего общения.

Музей был основан в 1919 году и имел приобретенные Наркомпросом произведения современных художников: П.П. Кончаловского, И.И. Машкова, А.В. Лентулова, Р.Р. Фалька, П.В. Кузнецова, В.В. Кандинского, Л.С. Поповой, Н.А. Удальцовой, А.М. Родченко, К.С. Малевича, М.Ф. Ларионова».

Картина, с невыразимо грустной душевной интонацией, в форме «изма» и не могла появиться. Только реалистическая трактовка, с очень трогательным оттенком некой наивности, смогла выявить всю сложную гамму чувств, вложенных художником, как говорят — между кистью и холстом...

Картину Лучишкина «Шар улетел» сняли прямо со стены — она уже была выставлена в числе других работ для экспонирования... Очень уж изображенное на ней было поперек того, что декларировала тогдашняя партийная власть. Мало, что работа вызывала весьма минорное настро-

*«Выходной день
в Домбае»*

ение, так еще и самоубийца в окне. А подобные акты всегда сопровождает мысль — не выдержал такой жизни! Партия Ленина, ее идеология, были устремлены в светлое — и только в светлое будущее! И не могли принять этот «убийственный пессимизм», который давно объявили буржуазным пережитком... Стало быть, подобной работе не было места среди радостных и мускулис-

то-мажорных передовиков производства, людей, устремленных в коммунистическое завтра! Пришлось, конечно, побороться, чтобы картину все же разрешили выставить...

И здесь очень помог молодому художнику маститый и знаменитый к тому времени художник, искусствовед и известнейший деятель русской культуры Игорь Грабарь. Это он где-то на чердаке заброшенного дома

в Загорске нашел истинный шедевр русской и нынче мировой культуры — «Троицу» Андрея Рублева!

Вот что написал о своей картине сам Лучишкин в книге воспоминаний:

«Мне на этот раз повезло. Картины «Шар улетел» и «Среди деревьев (Лыжники)» были приобретены с выставки. Этим я обязан тогдашнему директору Третьяковской галереи Игорю Эммануиловичу Грабарю. «Шар улетел» он оставил у себя, а «Среди деревьев» передал Русскому музею в Ленинград.

Как и прежде, в этих моих работах выражены непосредственные впечатления жизни.

В картине «Шар улетел» отразилось детское ощущение себя, маленького, на дне двора-колодца в середине многоэтажного доходного дома, воспоминание о замкнутой там жизни, сценки которой мелькали в окнах этажей, и вечно присущей людям несбыточной мечте, улетающей, как воздушный шарик.

Работая над этой картиной, я нашел один прием, до меня еще никем не использованный. Это сферическое построение перспективы. Обычно в решении пространства картины применяют линейную перспективу, построенную на точке зрения, горизонте и точке отдаления. Я же пришел к выводу, что точка отдаления, а значит, и построение перспективы, может ориентироваться не на линию горизонта. Например, когда я смотрю в колодец, сокращение его стенок дает перспективу, которая строится по линии моего зрения. А если я

смотрю на небо в проеме домов, перспектива их стен уходит вверх, тоже по линии моего зрения. Вот и получается, что все видимое нами охватывается сферически; перспектива получается не линейной, а многократно изменяемой направлением зрения (а не горизонтом), то есть сферической.

Вот по этому принципу я и построил перспективу домов в своей картине».

Написав дома с нескольких точек зрения (хотя нам кажется, что они изображены с одной), автор внес ощущение слитности зрителя с изображением: мы сами стоим где-то рядом с домами и смотрим, запрокинув голову, на уходящие далеко ввысь этажи.

«Сюжет этой картины возник как бы изнутри, от смутного чувства утраты желаемого, столь часто охватывающее нас в детстве, и, увы, сопровождающее нас всю жизнь.

А как именно это удалось мне выразить зрительно, остается тайной и для меня, но таково творчество.

Ко мне часто обращаются зрители с выражением признательности за эту работу. Одни говорят: «Как вам удалось раскрыть такой оптимистический мотив, утверждение мечты, радость жизни?» А другие: «Какая безысходность огорчения от уходящей, исчезающей мечты!» Я же полагаю, что каждый находит в ней то, что отвечает его настроению.

И тут все дело в той сумме ассоциаций, которую картина в состоянии дать»... □

Елена Данченко

ПОЭЗИЯ

Поэзия, не оставляй меня хоть ты.
Опять одна, в болоте прозы лживой.
Иль в омуте бесплодной маеты —
настойчивости дьявольской наживы.
Поэзия, не оставляй меня нигде:
я не игрок в рулетку и не фишка.
Поэзия, не оставляй меня в труде
(которому я предаюсь не слишком),
не слушай болтовни, а помоги
одной в ночи брести по бездорожью.
Из состраданья даже не солги:
любая правда лжи любой дороже.
Не оставляй, спаси меня, спаси!
Мне без тебя не уцелеть наверно:
над небом нет ни стран, ни лжемессий,
нет и не будет надобности в скверне.

У тебя нет прошлого ничуть,
у меня нет будущего, милый,
если ты из дьявольских причуд
сам соорудишь любви — могилу.
Не транжирь меня, не суесловь,
не играй ни жизнью, ни любовью.
Вот увидишь, возвратится вновь
свет в ночи, таинственный и ровный.

Из той страны в мою страну
ни поездов, ни самолетов.
Я выживу, я не струхну
в камнедробильне оборотов.
И пусть ты оборотень, пусть
ты в жизнь играл, и вечно — мимо,
я затвердила наизусть
то, что в тебе неколебимо.
И это — никому, никак,
ни при каких, ни за какие —
я не отдам. И этот знак,
наш знак, не вытравят другие.

Распался круг подруг:
мне не к кому пойти.
А счастье из-под рук,
как раз в конце пути,
уплыло навсегда
в свой кругосветный путь.
Уже не по годам
догнать и развернуть.

Зима пройдет. Весна
наступит без затей.
И будет ночь ясна
или нежна, черт с ней! —
когда совсем одна,
в тумане и во льду
пойду совсем одна
Титаником ко дну.

ЗЕМНАЯ ТВЕРДЬ

Как старый друг тебе
позолотил пиллюлю —
в осенней полутьме
вдруг вспыхнуло июлем.
Свет долго созревал
и теплый, желтый, чистый,
из серых туч упал,
как хлебный сноп лучистый.

Поверилось, что — вот,
и жизнь пойдет сначала.
Судьба моя, как плот,
куда-нибудь причалит.
И после всех крутых
кружений по стремнине —
земная твердь, цветы,
и смерти нет в помине.

МОЙ Иван Переверзин

ГЛАЗУНОВ

*Илья
Сергеевич
Глазунов*

1

Говорить и по-доброму спорить с Глазуновым Ильей Сергеевичем — на протяжении всей нашей многолетней дружбы, завязавшейся еще в начале двухтысячных годов, было всегда интересно, поскольку трудно найти, не побоюсь сказать, такой гу-

манитарной области, которую бы он не знал и не разобрался в ней основательно. Особенно в таких, сполна присущих ему, как живопись, зодчество, философия, история и литература. Профессионально он занимался и такой творческо-технической сложной деятельностью, как архитектура.

В самом начале нашего с ним знакомства я пытался записывать в своем дневнике, который специально завел, почти все, о чем мы с ним говорили в наших долгих, часто затягивающихся за глубокую полночь, совсем непростых, а порой и надолго разводящих нас по сторонам, беседах... Потом понял, что все сказанное им во многом настолько убедительно, так объемно и исполнено такой огромной душевной силы, что глубоко и надежно западает в память, — и теперь, записывай, не записывай, — оно никуда до самой смерти моей не денется...

Но, странное дело, оставив в почкое дневник, я получил в последовавших после этого многочисленных беседах с Ильей Сергеевичем Глазуновым легкость стремительного, словно птичьего, полета глубоких мыслей и полную свободу в выражении самых высоких чувств. И наши вечерне-ночные беседы с этого времени стали еще более откровенными, содержательными и интересными, пусть порой и вызывали горячие споры, на которые, как мне кажется, мы оба охотно шли, ну, конечно же, для скорейшего выяснения ее величества истины! Я прекрасно понимаю, что это не заслуга моего разума, а еще одно явственное проявление силы воздействия на мировоззрение и душу человека-гения, каким, безусловно, являлся Илья Сергеевич Глазунов, будучи моим наставником, другом

и просто прекрасным человеком, с открытым и добрым сердцем.

Как установлено соответствующей наукой, гений в той или другой области человеческого разума и духа рождается не более одного раза в столетие! Поэтому мы, современники Ильи Сергеевича Глазунова, гениального русского художника, в ответе за будущее нашего великого Отечества и обязаны не завтра, а именно сегодня ценить, хранить и пропагандировать, в первую очередь, в сердцах своих, все великое, созданное за долгую, страшно тяжкую, но и потому вдвойне достойную жизнь нашего замечательно современного, и не забывать о том, что, прежде всего, Илья Сергеевич Глазунов был человеком. И как всякому человеку, ему были свойственны не только светлые, яркие черты характера, но, к сожалению, и те, о которых нельзя говорить без грусти...

2

В один из своих частых приездов из далекого районного города Ленск, затерявшегося в необъятной великой якутской тайге, в Москву, я, как обычно, вырвав с кровью несколько часов из скудного времени служебной командировки, решил заехать в свою любимую редакцию журнала «Наш современник». Быстро поднявшись по деревянной, скрипучей лестнице на второй этаж, я вошел в небольшую приемную и тотчас

увидел сидевшую за рабочим столом, на котором громоздились стопками номера журнала и какие-то книги, секретаря Нину Сергеевну.

— Здравствуйте! — тепло поприветствовал я.

— Здравствуйте, здравствуйте! С приходом вас, Иван Иванович! Вы к главному, Станиславу Сергеевичу?

— К нему, Нина Сергеевна! — ответил я и, улыбнувшись, шутливо добавил: — Место встречи изменить нельзя...

— К сожалению, он сейчас занят, но, думаю, скоро освободится. Придется немного подождать, — как бы извиняясь, сказала она и пригласила меня присесть на стул, стоящий у подслеповатого окна напротив двери первого заместителя главного редактора.

И я тут же решил, не теряя время даром, заглянуть к нему.

— Нина Сергеевна! А Геннадий Михайлович у себя?

— Хотите вначале поведать его? Заходите — он на месте, правда совсем недавно пришел, но вам будет очень рад!

— Спасибо! — поблагодарил я и негромко постучался в обитую дерматином дверь:

— Извините, а зайти можно?

— Можно, можно! Заходите!

Геннадий Михайлович, как всегда подтянутый, подвижный, встретил меня очень даже радушно и тепло заключил в дружеские объятия:

— Здравствуй, дорогой наш северный человек! Рад тебя видеть, на-

деюсь, находишься в полном здравии и, как всегда, в хорошем настроении!

Тут я заметил у него на столе какую-то довольно объемную рукопись. И просто, ради завязки разговора, спросил:

— Геннадий Михайлович, если не секрет, что это за титанические плоды объемного труда, с которыми вы, видимо, знакомились до моего прихода?

— Какой секрет, Иван Иванович! Это рукопись, можно сказать, эпохального произведения «Русь распятая» великого художника современности Ильи Сергеевича Глазунова! Она действительно грандиозна и по объему, и по содержанию! И мы на заседании редакционной коллегии приняли решение в качестве исключения опубликовать ее полностью! А сами-то вы знакомы с творчеством этого великого художника?

— Как не знаком? Знаком! — даже слегка обиделся я...

И сразу же вспомнил школьный учебник по истории России, жадно открываемый мной не только на уроках и при выполнении домашнего задания, но и в свободное время, которое обычно ребята моего возраста проводят в играх и забавах. В этом учебном пособии была напечатана цветная репродукция широко известной глазуновской картины «Два князя». На переднем плане, осадив взмыленных от долгой скачки лошадей перед самым речным крутояром, возвышались в боевых доспе-

хах русский князь с сыном, на втором — светилась широкая, полноводная река, матушка всех русских рек — Волга, а за ней, на заднем плане — древний каменный монастырь со сторожевыми круглыми башнями, подожженный врагами и на шальном ветру сильно занявшийся языкастым, рвущимся на простор пламенем, с ревом выбрасывавший в пасмурный небосвод огромные, зловещие клубы черного, как смоль, дыма. Князь, в отделанном серебром седле подавшись вперед, рукой показывал княжичу в сторону охваченной со всех сторон огнем Господней Святыни и, видимо, говорил: «Смотри! Враг снова напал на нашу святую Русь! Поэтому, прежде всего, ты, княжич, мой наследник, должен быть бесстрашным воином, священный долг которого — защищать родное отечество!..»

Я в то время уже несколько лет собирал современную классическую живопись с надеждой когда-нибудь, по примеру незабвенного Павла Третьякова, создать свой музей и подарить его людям. И, конечно, иметь в нем хотя бы несколько работ великого художника было просто необходимо! С этой благородной целью осторожно, как о чем-то ну совсем невозможном, я чуть ли не шепотом спросил Геннадия Михайловича:

— Так выходит, что вы лично знакомы с Глазуновым?

— Знаком, знаком! — с гордостью ответил он.

— А, случайно, меня не познакомите с ним?

Геннадий Михайлович всерьез задумался, а потом пристально посмотрел на меня:

— А с какой целью? Я это спрашиваю потому, что у Глазунова практически нет свободного времени, ведь он, как ты, наверное, знаешь, кроме того, что замечательный мастер кисти, еще и ректор недавно открытой новой Академии живописи ваяния и зодчества. И это далеко не все. Он в московском правительстве пробил решение о создании государственного музея своего имени — и теперь значительную часть драгоценного времени тратит и на этот грандиозный проект, неустанно следит, чтобы строители в точности соблюдали выполнение его деталей...

— Да вот, ну, понимаете! — начал я вяло мямлить, но потом вдруг нашелся и скороговоркой выпалил: — Вот как раз я и помогу ему хоть немного в финансовом плане, купив несколько картин!

— Если так, то, пожалуй, мне удастся вас познакомить. Главное — художника в сетях его неотложных дел поймать, чтобы оговорить время нашего с тобой визита. На это может уйти и день, а может, извини, и целая неделя, а то и две — как Бог даст! Ты в этот приезд здесь надолго?

— Пусть вас, Геннадий Михайлович, мое время ничуть не беспокоит — мне позарез нужен этот визит,

значит, я и постараюсь подстроиться под любое время, которое назначит Илья Сергеевич!

— Договорились!

Ждать звонка пришлось недолго...

— Иван Иванович, здравствуйте! — где-то уже через день, поздно вечером раздался в телефонной трубке знакомый веселый голос Геннадия Михайловича. — Я выполнил вашу просьбу — Илья Сергеевич готов нас с вами принять в эту пятницу, в шесть часов вечера!

Честно говоря, я сначала даже не поверил своим ушам, а, поверив, с дрожью в голосе, но горячо поблагодарил его. После чего мы условились, что за час до визита встретимся у ресторана «Прага», и уже оттуда вместе поедем на моей машине к Глазунову. Я к тому времени, на протяжении многих лет занимающий ответственные государственные должности, привык к общению со многими выдающимися деятелями искусства, да и не только с ними. Тем не менее, буду откровенен, в ожидании встречи с великим художником провел не очень спокойную ночь. Едва в окне стало светлеть, быстро соскочил с постели, прямиком прошлепал в ванную комнату, где ледяным душем в миг согнал с себя жалкие остатки дремы и на быструю руку позавтракал. Глядя, с какой поспешностью я проглатываю пищу, жена, не удержавшись, спросила:

— Ваня, во-первых, ты зачем в такую рань встал? Во-вторых, хоть

помнишь, что сегодня не рабочий день — суббота? И в третьих, ты обещал сразу после нашего приезда в столицу сходить со мной в хороший ресторан, где-нибудь поближе к центру.

— Дорогая, не переживай, все помню, а рано встал потому, что с переменной погодой на меня бессонница навалилась, вот я и решил, чем валяться в постели, лучше над новой рукописью поработаю. В общем, все, как всегда, только вот с походом в ресторан у нас сегодня, извини, ну никак не получится! Понимаешь, меня именно сегодня пригласил к себе в гости Глазунов, а, верней, я сам к нему через Геннадия Михайловича напросился с целью поближе познакомиться и, конечно, если по деньгам сойдемся, купить какую-нибудь работу, например, пейзаж...

— Значит, говоришь, к самому Илье Сергеевичу Глазунову в гости напросился, — заметно потеплев, бархатным голосом проговорила жена. — Только без меня из дома ни шагу. Когда вернусь из спортзала, накормлю тебя обедом, а потом начну собирать к столь важному и интересному визиту.

Едва за ней закрылась входная дверь, как я с ликующей радостью подумал:

«Какая же у меня все-таки понятливая жена! Самая, что ни на есть, прелесть! А я, вот соломенная голова, еще сомневался — жениться на ней, не жениться!»

Достав из сумки портативный компьютер, я до самого обеда бегал пальцами по клавиатуре, набирая очередную сцену нового романа, и даже не заметил, как вернулась жена. Накормив меня вкусным обедом, она сразу потащила меня в гостиную к гардеробу и стала, ловко вынимая из моей половины один за другим выходные костюмы, по очереди прикладывая их ко мне:

— Давай примерим вот этот! К нему, правда, будет сложно подобрать рубашку с галстуком, но все равно, как же он отлично пошит! А вот темно-синий с чуть заметной полоской, как будто по твоему лекалу мастерски сшит! Все, раздевайся, будем мерить его! Ой, нет, подожди, я тут еще один костюм нашла, более подходящий — он и не мнется, и элегантно выглядит, и с глубокими, как ты любишь, карманами! Надевай его, да поосторожней!»

Хотя мне больше понравился предыдущий костюм, я, чтобы поскорей закончить самую противную для меня процедуру, молча подчинился, даже позволил жене поправить галстук.

— Да, я совсем забыла, — вновь на всю комнату воскликнула жена, отчего я даже вздрогнул, — надо еще и платок к рубашке подобрать! Ничего, мы это мигом сделаем! — И из вороха разноцветных платков она извлекла один, светло-кремовый. Аккуратно вложила его в наружный левый карман, еще раз отошла в сторону и восторженно про-

изнесла: — Ну, дорогой, вырядила я тебя с иголочки! Теперь даже не знаю, как такого красивого да пригожего одного без зоркого пригляда отпускать из дому!» — и лукаво посмотрела мне в глаза.

3

Ровно в назначенное время, на самом углу выезда на Новый Арбат, я подобрал начинавшего уже зябнуть от мороза Геннадия Михайловича. Пока он обогревался от печки, поспешно включенной мной на высокие обороты, я успел сбегать к ближайшему цветочному киоску и купил для новой хозяйки глазуновского пылко-го сердца одни из самых дорогих цветов — орхидеи. Проехав по Новому Арбату, не доезжая до здания московской мэрии, свернули налево и через минуту въехали в открытые широкие ворота, добротные кованые из вороненого цельного железа.

Припарковав машину у невысокого крыльца, поднялись по ступенькам, и Геннадий Михайлович взялся за ручку массивной железной двери... и мы сразу попали в атмосферу, исполненную радушного тепла и светлого благодушия. Встречать гостей вышел сам хозяин. Илья Сергеевич, несмотря на солидный возраст, выглядевший молодцевато, а совершенно седые волосы, аккуратно зачесанные назад, придавали его внешнему виду своеобразный обаятельный шарм. Дорогой, строгий костюм темно-синего цвета си-

дел на Глазунове, словно пошитый специально по заказу, безукоризненно! Глаза молодо блестели и смотрели прямо, не мигая. Губы не покидала белозубая приветливая улыбка, но их напряженность говорила о выкованной годами страданий стальной воле. Поздоровались с Ильей Сергеевичем по-мужски — за руку, и в этом пожатии я сразу ощутил мощную, не покидающую с годами художника силу.

Пока, не спеша, раздевались, в прихожую вошла хозяйка, Инна Дмитриевна, молодая и очень красивая женщина, с высокой грудью, с вьющимися каштановыми волосами, водопадом спадающими на плечи, с выразительными миндалевидными глазами, слегка расширенными линзами очков, которые, кстати, очень ей шли. Она весьма радушно поприветствовала нас с Геннадием Михайловичем, а я в ответ галантно поцеловал ее изящную тонкую ручку с красивым перстнем на указательном пальце. В ответ она любезно поблагодарила за букет, хотя, как я узнал позже, с цветами я не угадал, ибо орхидеи Инна Дмитриевна, по какой-то тайной причине, не любила.

Илья Сергеевич, словно забыв о цели моего позднего визита, сходу предложил посмотреть только что снятый двухчасовой документальный фильм о его непростой жизни и многогранном творчестве. Предложение, конечно, было нами с удовольствием принято, и мы дружно, вчетвером, отправились в кабинет,

где все уже было готово к просмотру: на специальном столике возвышался большой телевизор с видеомагнитофоном, окна задернуты темной плотной тканью, выключен верхний свет, в ряд поставлены четыре стула. Илья Сергеевич нажал на ручном пульте нужную кнопку — сорокаминутный фильм начался.

Почти половина картины была посвящена самому трудному, можно даже сказать, трагическому периоду его жизни — легендарной блокаде Ленинграда. Блокаде, в которой, совсем еще мальчик, Глазунов потерял очень многих своих близких и сам, просто каким-то чудом, остался жив. Илья Сергеевич сидел молча, не комментируя ни одного, даже самого значительного кадра. Да и о чем можно было говорить, если от некоторых эпизодов военной трагедии невероятных масштабов волосы чуть ли ни дыбом вставали на голове, и, как я ни крепился, по моим горячим от сопереживания щекам потекли скупые мужские слезы! Фильм произвел такое сильное, незабываемое впечатление, что я во время его просмотра невольно стал писать стихотворение «Глазунов», в котором есть такие, на мой взгляд, неплохие строчки: *«Он послан к нам с небес по воле Божьих сил/ в годину страшных бурь и горьких испытаний, — / не хватит в сердце сил, в чернильнице чернил,/ чтоб описать его безмерные страданья...»*

После окончания фильма, всех нас так взволновавшего до спазм

в горле и слез, говорить совсем не хотелось. Как будто рядом разорвалась бомба, а ты остался жив и, осознав свое чудное спасение, все никак не мог в него поверить... Напряженную обстановку разрядил Илья Сергеевич:

— А теперь, дорогие гости, было бы неплохо и поужинать! Прошу вас, Геннадий Михайлович и Иван Иванович, к столу!

Признаюсь честно, меня это доброе, в общем-то обычное в русских домах хозяйское великодушие застало врасплох, ибо я пришел для того, чтобы просто купить какую-нибудь понравившуюся мне картину, а тут, совершенно неожиданно, сначала пригласили посмотреть фильм, требующий от зрителя специальной волевой подготовки, а теперь еще хлебосольные хозяева решили ужином угостить!

Инна Дмитриевна, дробно и энергично стуча каблучками по до блеска начищенному паркету, пошла на кухню, а мы, поднявшись на второй этаж, оказались в гостиной, где не посередине, как обычно, а ближе к фигурному бордюру, ограждающему лестничный проем, стоял большой овальный лакированный стол бело-салатного цвета. Он был уже накрыт: в красивой фарфоровой посуде лежали холодные рыбные закуски, в плетеной соломенной тарелке — нарезанный ровными «блокадными» ломтиками черный хлеб, рядом стояли четыре хрустальных рюмки и принесенная мной бутыл-

ка коньяка. Илья Сергеевич, налив всем, в том числе и себе, предложил выпить за знакомство, но сам, как повелось в последнее время, пить не стал. Я тогда еще не знал, что он по совету врачей давно уже отказался от хоть малейшего употребления спиртного, и потому, отпив небольшой глоток, вопросительно посмотрел на него. Он, перехватив мой взгляд, мгновенно все понял и спокойно, словно давнему знакомому, сказал:

— Иван Иванович, вы не обращайтесь на меня внимания, пейте на здоровье, сколько душа пожелает! В ваши годы я тоже любил немного выпить, да только с годами что-то стало сердце пошаливать...

Услужливая, опрятно одетая молодая горничная с гладко зачесанными и собранными на затылке в пучок темными волосами, с немного напряженным взглядом синих глаз, на красивом китайском, расписанном красными цветами, подносе принесла горячее блюдо. Оно состояло из приготовленного на мангале свежего норвежского лосося и красных помидоров. Признаюсь честно, я сам Рыба по знаку Зодиака и, наверное, поэтому рыбных блюд вообще не люблю, но этого лосося съел с удовольствием! За дружно протекавшим ужином разговор, который больше всех поддерживал Илья Сергеевич, шел о многом: о политике, о телевидении, об истории России, о просмотренном фильме, но только не о живописи, хотя именно о ней-то мне

и хотелось страстно высказать свое мнение!

Но вот ужин, длившийся больше часа, закончился, и художник, наконец-то, обратился ко мне со словами:

— Геннадий Михайлович говорил о вас и о вашем желании приобрести мою картину, но об этом поговорим попозже, а сейчас я бы хотел выразить вам благодарность за то нелегкое дело, за которое вы взялись, поскольку собирать современную классическую живопись — это, знаете ли, все равно, что совершить подвижнический подвиг! Я знаком со многими очень богатыми людьми, которые, движимые исключительно финансовыми интересами, просто бросались вкладывать деньги в картины, в том числе, как и вы, современной живописи, но, приобретая безоглядно пятьдесят, а то сто и больше произведений, теряли внезапно всякий интерес к начатому делу. Их можно по-деловому понять — ни в коем случае нельзя относиться к живописи как к товару, считать дело коллекционирования обычным, как, скажем, копать землю или торговать на базаре семечками. Собрание живописи — это, представьте себе, воля Божья, которую нельзя ни купить, ни найти, — с нею надо родиться!

— Дорогой Илья Сергеевич, вы почему-то не упомянули незабвенного Павла Михайловича Третьякова, а зря! — с жаром заговорил я. — Ведь он тоже относился к очень бо-

гатым людям и картины стал собирать совсем не из-за любви к живописи, а только тогда, когда в России разразился экономический кризис, в результате которого рубль стал резко обесцениваться. И вот, по совету более опытных купцов, чтобы не только не потерять деньги, но со временем еще и приумножить их, он решил вкладывать финансы в картины. Но в самом начале поступил совсем не патриотично, ибо на обычном рынке приобрел за немалые деньги восемь полотен иностранных художников, но ни одной, написанной русским. И только после того, как его друзьям удалось узнать, что первая покупка оказалась ну уж совсем неудачной, поскольку Третьякову, еще совсем не разбирающемуся в живописи, ловкие и наглые торговцы подсунули грубые подделки, которым грош цена, он дал себе слово, что впредь будет приобретать картины исключительно у самих художников — или в их мастерских, или на персональных выставках, собирающих огромное количество почитателей живописи. Вот теперь попробуйте сказать, что Бога нет. Есть он, есть! И именно он позволил Третьякову сделать ошибку, чтобы уже никогда больше не ошибаться, ибо слишком уж большие ставки приходилось делать легендарному коллекционеру на, образно говоря, игральный стол при розыгрыше замечательной картины! Приняв единственно мудрое решение, Павел Михайлович, хотел того или не хотел,

но раз и навсегда определил русский путь своего беспримерного собирания живописи. А ведь еще надо сказать, что он родился, скорее, заядлым театралом, даже имел персональную ложу в художественном театре, чем коллекционером. Но новая страсть-увлечение оказалась настолько сильнее посещения спектаклей и водевилей, что, проживи он больше, напрочь отказался бы от них! Считаю, что только прирожденной способности Третьякова делать любое дело максимально хорошо и до конца, мы, современные люди, обязаны явлением миру такого живо творного чуда, как государственная галерея имени Павла Михайловича и его старшего брата, тоже внесшего значительный вклад в создание удивительного, известного во всем мире музея! Да, подаренные им картины исключительно мастеров западной школы живописи! Но это же самом деле здорово, ибо наглядно показывает, насколько российские художники, особенно работавшие в девятнадцатом веке, превзошли в мастерстве своих иностранных коллег!

Что же касается меня, то я тоже не родился коллекционером картин, но скульптором — точно. С четырех до двадцати лет занимался лепкой, причем занимался настолько серьезно, что после окончания средней школы знающие люди пророчили мне судьбу скульптора. Но жизненные обстоятельства сложились так, что я вынужден был вместо поступления в художественное учеб-

ное заведение отправиться прямоком на совхозную ферму в рядовые скотники.

— Иван Иванович! — перебил меня Глазунов. — В последней фразе я не услышал слова «к сожалению». Действительно вам совсем не жалко шестнадцати лет, которые вы самозабвенно отдавали занятию лепкой?

— Илья Сергеевич, на ваш вопрос ответу просто: как можно жалеть то, что с годами постепенно трансформировалось в собирание картин, и, учтите, не ради сохранения или зарабатывания еще больших денег, а ради создания пусть на первом этапе частного, но глубоко национального музея! Да-да, с самой первой картины, приобретенной мной еще в далеком, затерявшемся среди величественной дремучей тайги Ленске у знакомого доморощенного художника, я твердо решил, что всю оставшуюся жизнь посвящу этому благородному делу. И если я о чем действительно сожалею, так это о том, что смог приступить к нему не как Третьяков — в двадцать восемь лет, а лишь в сорок! Зато я не делаю тех ошибок, которые, по крайней мере, в самом начале делал Третьяков. Это позволяет мне сегодня сказать, что я свою мечту почти осуществил! Вот так-то!

— Подождите, подождите, Иван Иванович! — опять перебил меня Глазунов. — А как же ваш литературный труд, благосклонно отмеченный свыше, вы ведь еще и поэзией занимаетесь? Я читал ваши стихи —

и они произвели на меня глубокое впечатление.

— Илья Сергеевич, если бы вы знали досконально мою жизнь, то могли бы также спросить: «А как же коллекционирование художественных, исторических, философских книг, разнообразного фарфора, в первую очередь немецкого, а как же, наконец, спорт, где я тоже добился для себя впечатляющих успехов?!» Если уж я рассказал о всех своих увлечениях, то подведу под ними черту: как ни странно, но они, делая меня физически выносливее, духовно богаче, сейчас очень помогают в собирании живописи. Если когда-нибудь Господу будет угодно, то и они займут в скрижалях моих лет свое достойное место. А пока обо мне можно только сказать — очень увлеченный человек! Оставим богово — Богу!

Тут я посмотрел на часы, они показывали без десяти минут полночь. Посещение великого художника неожиданно сильно затянулось. Надо было уезжать. А главное, для чего я оказался в гостях, еще не было сделано. Наконец, встретившись со мной глазами, понял это и Глазунов.

— И правда, что-то мы в этот вечер слишком разговорились! — возбужденно произнес он и продолжил: — Ну, дорогие друзья, теперь пойдемте в мастерскую, где Иван Иванович и выберет на свой вкус что-нибудь из моих, сразу оговариваюсь, старых работ. Новые, представьте, частью разошлись по част-

ным рукам — это, в первую очередь, заказные портреты, частью, как бы программные произведения, написанные по зову сердца, я определил на временное хранение для музея, который, надеюсь, уж в следующем году откроется, как бы московская власть и не старалась ставить палки в колеса.

Мастерская располагалась, как и гостиная, на втором этаже, только в самом дальнем правом крыле здания. Уже входя в нее, Илья Сергеевич, как старому другу, положил руку на мое плечо и сказал проникновенно:

— Из нашего затянувшегося до самой полночи разговора я сегодня смог убедиться в серьезности вашего предприятия по коллекционированию живописи, поэтому и цена моих картин для вас, Иван Иванович, будет особая — в три раза меньше, чем для других покупателей!..

— Спасибо, Илья Сергеевич! — только и смог сказать я в ответ, ибо глаза мои уже горели огнем, сердце учащенно билось от того, что я вхожу в святая святых любого большого мастера — мастерскую!

Когда художник любезно предложил мне на выбор несколько картин и обозначил цену, я прикинул: тех денег, что были с собой, хватит только на одну и то — небольшого размера работу. Больше всего мне понравился пейзаж «Лето. Суздаль», и я тут же, долго не думая, остановил свой выбор на нем! Вытащив из кармана и заплатив объявленную

сумму, я осторожно, как хрустальную вазу, взял в дрожащие от волнения руки пейзаж, подержал перед собой, откровенно любуясь им, затем переложил под мышку и решил прощаться. Но Илья Сергеевич вдруг обратился к супруге:

— Инна, будь добра, принеси новый альбом!

— Это тот, в красном бархате?

— Ну а какой еще?! Сама же прекрасно знаешь, что в последнее время я что-то и спонсорами, и издательствами забыт!.. — И, уже обращаясь ко мне, добавил: — Эх, сколько новых работ, как я уже говорил, программных, написано, а дорогим своим почитателям явить все никак не могу! Вроде бы и заработаю на заказных портретах необходимую сумму, а ее, кровную, вдруг придется срочно тратить на пошив гардин для музея! А сколько еще потребуется для оформления картин в заграничный багет, у нас-то разучились делать свой, даже и примерно сказать не смогу!

— Илья Сергеевич, ничего не пойму — музей государственный, а оплачивать, как я понял, многие работы и предметы того же интерьера должны из своего кармана, несмотря на то, что все основные свои полотна, самые известные, стоящие многие миллионы рублей, подарили народу?!

— Не должен, правильно! Но вы себе представить не можете, как же я жду открытия своего детища — не просто музея, а еще одного русского патриотического центра —

с каким нетерпением, с какой тревогой!

— А тревожиться за что?..

— Вот чудак-человек! Или вы, Иван Иванович, совсем забыли, в каком быстро меняющемся в худшую сторону мире живем, так я напомним: катастрофическом! И только там, на небесах, доподлинно известно, что с нами всеми уже завтра может быть! Вот я и тороплюсь отчаянно с открытием музея, как могу! Для вас лично, по секрету, скажу, что в России надо жить долго, очень долго, чтобы посаженное тобой дерево начало давать хоть какие-то плоды! Так что следите за здоровьем, больше оздоровительной зарядкой занимайтесь, и иной раз дураков слушайте!

— Кого, кого?!

— Дураков! Они порой гениальные вещи говорят!..

Тут, тяжело дыша, прижав к себе здоровенный, весом не меньше десяти килограммов, заказанный альбом, по лестнице откуда-то из хранилища поднялась Инна Дмитриевна. Илья Сергеевич взял с ее хрупких рук, как он выражался, «детище» и с гордостью подарил мне на память, естественно, прежде сделав соответствующую надпись. Этим бесценным для меня подарком я был настолько тронут до глубины души, что у меня на глазах даже выступили слезы:

— Илья Сергеевич! Вы не представляете, как я благодарен за столь щедрый подарок! Спасибо огром-

ное, и долгих вам, очень долгих лет, исполненных вдохновения для великого творчества!

Гостеприимные супруги Глазуновы, небрежно накинув на плечи пальто, вышли провожать нас с Геннадием Михайловичем на крыльцо, возле которого была припаркована моя машина. И дружно, как самым близким друзьям, махали нам вслед до тех самых пор, пока мы не выехали за ворота и не скрылись за уличным поворотом, уже давно погрузившимся в ночную промозглую тьму.

Приобретенный пейзаж, посоветовавшись с супругой, я решил не везти домой, в далекую, почти на другом конце света, Якутию, а оставить на временное хранение у друга, тем более что в скором времени собирался со всей семьей переехать на постоянное место жительства в Москву. Главной нашей с женой целью было предоставить возможность дочерям после окончания школы получить достойное высшее профессиональное образование.

Через несколько лет ожидаемый переезд состоялся, и, развешивая в новой московской квартире по стенам свои самые любимые картины, я тот самый глазуновский пейзаж, на который у меня едва хватило денег, повесил в гостиной, на самом видном «красном» месте. Отошел от него в глубь помещения на несколько шагов, и, как от яркого полуденного света, любуясь им, зажмурился:

— Господи! В моей художественной коллекции есть и работа вели-

кого Ильи Сергеевича! Счастье-то какое — даже не верится...

4

После нашего переезда на постоянное место жительства в Москву, едва управившись со всеми многочисленными строительными и отделочными хлопотами, связанными с окончанием ремонта кооперативной квартиры, я, наконец, решил снова навестить Илью Сергеевича Глазунова. Визитную карточку со всеми личными и служебными телефонами, а также с указанием высоких государственных и международных званий и наград, любезно врученную мне самим хозяином, я предусмотрительно сохранил, положив в оставшийся мне в память о дорогом незабвенном отце кожаный бумажник, так что позвонить и договориться о желанной встрече в самое ближайшее время не составило большого труда. И вот в одну из пятниц сурового декабря, промозглым зимним вечером, я оказался в гостях у Ильи Сергеевича Глазунова. Как и в первую встречу почти полуторагодовой давности, хозяин любезно показывал свои новые картины и только что снятый известным оператором еще один часовой фильм о творческом пути великого мастера, потом пили чай с вареньем и говорили, говорили до полуночи о жизни вообще и о живописи в частности. Прощаясь, я подарил Илье Сергеевичу совсем недавно вышедшую из печати мою

первую книгу избранных стихотворений.

На следующий день, ближе к шести часам вечера, мы с женой Светланой решили сходить в ресторан. Я стоял в спальне у зеркала-трюмо и усердно завязывал свой любимый синий в полоску галстук, и тут в прихожей настойчиво зазвонил городской телефон. Жена быстро подбежала к нему, сняла трубку и, послушав минуту-другую, звенящим от волнения голосом промолвила:

— Илья Сергеевич! Здравствуйте, здравствуйте! Я сразу вас узнала! Спасибо за добрые слова! Вам Ивана Ивановича? Минуточку... — и, передавая мне трубку, вполголоса сказала: — Это Глазунов! Сам!

— Илья Сергеевич, приветствую вас! — взяв трубку, произнес я. — Что-нибудь случилось, ведь мы только вчера, можно сказать, ночью расстались?

Как будто не расслышав вторую часть моего вопроса, Илья Сергеевич каким-то глуховатым голосом, словно идущим из глубины горной пещеры, проговорил:

— Иван Иванович, вы не могли бы ко мне подъехать?

— Конечно, но когда именно?

— А что, если прямо сейчас... Не затруднит?

— Прямо сейчас?... — озадаченно начал я, а сам, выразительно посмотрев на жену, мол, приглашает к себе, уже прикидывал, сколько времени потребуется, чтобы от метро «Октябрьское поле» доехать до «Рус-

ского посольства» — так Глазунов называл спроектированный им лично в архитектурном стиле начала XX века двухэтажный кирпичный дом, с весьма просторной мастерской.

— Где-то через четверть часа могу быть... — ответил я.

— Вот и договорились... Жду! — сказал Илья Сергеевич и быстро положил трубку.

Сев в свой любимый спортивный «сааб» — гордость шведской авиационной промышленности, я беспрепятственно доехал до дома Глазунова. Заранее предупрежденный хозяином дежурный милиционер открыл ворота — и я, даже на пять минут раньше обещанного срока, нетерпеливо нажал кнопку дверного звонка. За дверью в этот раз было необычайно тихо. Тогда я осторожно потянул ручку на себя и, отворив массивную, обитую железом дверь, переступил порог и, оказавшись в слабо освещенной прихожей, негромко спросил:

— Хозяева дома?!

Из глубины какой-то комнаты первого этажа глухо послышалось:

— А, Иван Иванович! Уже приехали? Вы что, на самолете летели?

— Почти, Илья Сергеевич! Как на крыльях летел к вам!

Хозяин без лишней суеты помог мне раздеться и тут же попросил следовать за ним. Сначала мы молчаливо прошли по узкому, тоже слабо освещенному коридору и попали в небольшой проходной зал, стены которого были увешаны картинами

классической европейской школы живописи в украшенных лепниной массивных рамах. Подсветка сверху специальными продолговатыми лампами придавала высокохудожественным полотнам особую выразительность и значимость. Из зала вошли в довольно большой рабочий кабинет художника с одним прямоугольным окном, выходящим в узкий двор, но с наглухо задернутыми гардинами из плотной темной ткани. Свисающая с потолка трехрожковая люстра была выключена, и только на письменном столе, стоявшем слева от входа в самом углу, ярко горел под синим матерчатым абажуром светильник, ненавязчиво высвечивавший рукописи, книги и... мою книгу «Избранные стихотворения», объемом в целых пятьсот семьдесят страниц, с многочисленными, вырезанными из тетрадных листов, закладками. «Неужели Глазунов, при всей своей невероятной занятости всего-то за одни неполные сутки мое внушительное «Избранное» не только прочитал от корки до корки, но и оценил? Быть не может!..» — в душе удивился я.

Вокруг стола стояло три удобных кресла. Глазунов сел на свое место, правой рукой показал на кресло, стоящее напротив, и, глядя в мои напряженно сузившие глаза, проговорил:

— Иван Иванович, пожалуйста, усаживайтесь поудобнее... Не посчитайте за мой каприз, но я бы очень хотел в сегодняшней вечер почитать вслух вам... ваши стихи... Вы не против?

— Не против, Илья Сергеевич! — немного смутившись, согласился я, а сам озадаченно подумал: «А зачем это все ему при огромной занятости надо? Интересно, чего следует ожидать после чтения?»

Откуда-то из полумрака, словно по мановению волшебной палочки, в кабинете почти незаметно возник ангел-хранитель художника — его верная помощница во всех многочисленных великих делах, друг и модель — супруга Инна Дмитриевна. Тихо со мной поздоровавшись, она, сев в свободное кресло между мужем и мной, откинулась на спинку... И началось настолько неожиданное для меня, что к щекам прихлынула кровь мальчишечьего смущения, захватывающее глазуновское чтение. Я, напрочь забыв о времени, всем существом своим превратившись в один слуховой орган, слушал, слушал и слушал...

Наконец Илья Сергеевич закрыл книгу, снял очки, выпрямился и вдруг твердым голосом произнес:

— Иван Иванович! Вы — великий русский поэт! Скажу точнее — в своих лучших лирических стихах, особенно позднего времени, когда душой раскрепощаетесь настолько, что кажется, строки из нее, словно синицы из открытой клетки в родные небесные дали, стремительно вылетают одна за другой, чтобы тотчас лечь на бумагу, вы — современный Тютчев! Сами-то это понимаете?

Не успел я прийти в себя от такого, извините меня, громкого заявле-

ния и сказать что-то в ответ, как Инна Дмитриевна добила меня:

— До ваших замечательных, проникновенно лиричных стихов мы и в самом деле с глубоким сожалением думали, что современная классическая поэзия почилла в бозе... Ан, нет, оказывается, жива!

В ответ надо было что-то сказать, и я, подбирая каждое слово, наконец, произнес:

— Уважаемые друзья! Я, честно говоря, в замешательстве от той высокой оценки моего более чем скромного литературного труда... Может быть, я и в самом деле поэт неплохой, но никакой не великий!

— Дорогой Иван Иванович, — перебил меня Глазунов, — скромность, конечно, украшает человека, но здесь она совершенна не уместна, потому что разговор идет начистоту, а главное — всерьез! Да и потом, нам, смею заметить, не последним читателям, по-настоящему знающим, любящим и ценящим поэтическое слово, как говорится, со стороны виднее! — Он с улыбкой посмотрел на меня и, уже обычным тоном, как хозяин дома, предложил: — А теперь, когда главное дело сегодняшнего вечера сделано, прошу вас, Иван Иванович, следовать за мной. Инна Дмитриевна, и вас тоже, хоть вы, как я знаю, очень заняты.

По деревянной, полукругом огибающей капитальную стену лестнице мы быстро поднялись на второй этаж в огромную мастерскую, где в самой середине на мольбертах сто-

яли пять работ художника: две сюжетные картины и три пейзажа. Едва мы подошли к полотнам, как Илья Сергеевич, показав на них рукой, обратился ко мне:

— Иван Иванович, извините, но я хочу подарить вам одну из своих, как мне кажется, совсем неплохих работ. Выбор за вами!

Голос мастера звучал так торжественно и, вместе с тем, так искренне, что я растерялся и, честно говоря, просто не поверил своим ушам. Но мое замешательство длилось ровно столько, сколько надо было времени, чтобы успеть поразмыслить: «Принять, по сути, царский подарок, можно, но как это будет выглядеть в моих же собственных глазах? И потом — с какой стати, за какие такие заслуги?» И я четко проговорил:

— Илья Сергеевич, спасибо за такое щедрое отношение ко мне, но я его, по крайней мере, пока, извините, не заслуживаю!

— А я что вам, уважаемый Иван Иванович, орден вручаю или Государственную премию предлагаю принять? Нет, я просто хочу от души поблагодарить вас за ту светлую радость, которую получил от чтения ваших стихов, и всего-то! Выбирайте, выбирайте! Не церемоньтесь...

По некоторой обиде, прозвучавшей в голосе мастера, я понял, что отказываться дальше будет просто неприлично, и, отойдя от картин на расстояние нескольких шагов, стал выбирать, хотя еще при входе в мастерскую опытным взглядом знато-

ка живописи выделил из всех работ пейзаж, стоящий на среднем мольберте. Он, видимо, писался в один из погожих осенних дней с балкона бывшей Юсуповской усадьбы в Архангельском. На переднем плане была изображена извивающаяся речка, похожая на огромное бликующее зеркало, в котором отражались многочисленные кучевые светло-синие облака, а на заднем плане — вплоть до густого смешанного леса — широко раскинувшееся по неоглядной равнине большое сенокосное поле с многочисленными, успевшими от времени и непогоды потемнеть, собранными копнами, очень похожими на бойцовские шлемы, какие теперь только на старинных картинах можно увидеть. Вся картина была наполнена светом, воздухом и тем русским неоглядным простором, от которого дух захватывает!

Мои глаза пламенно загорелись, сердце заколотилось так сильно, что кровь ударила в виски... И я, виновато улыбаясь, сказал:

— Если вы настаиваете, Илья Сергеевич, то я выбираю вот это! — и показал рукой на сильно понравившийся пейзаж.

Художник тут же подошел к нему, снял с мольберта и, взяв из рук супруги краски и кисть, хотел уже на задней стороне холста подписать, но я, словно предчувствуя желание мастера, попросил его:

— Только, если можно, попроще!..

— Не понял? Что значит, попроще? — нахмурился Илья Серге-

евич. — Так и подпишу — великому русскому поэту Переверзину Ивану Ивановичу!

— Илья Сергеевич! Как говорится, хозяин — барин! — быстро проговорил я. — Но при одном обязательном условии: дарственная надпись будет — от великого художника... Думаю, сделать это вам большого труда не составит!

— Ишь куда, хитрован, хватил! Так я подписаться не могу, ибо только люди и время вправе оценивать наши труды земные.

— Вот и я о том же, Илья Сергеевич!

— Ладно, так и быть, — сдался гений и на задней стороне холста размашисто вывел: «Дорогим Светлане и Ивану Переверзиным на добрую память...»

— Спасибо! Только я сегодня забрать пейзаж не смогу!

— Это почему же?!

— Понимаете, пейзаж настолько большой, что в мою легковую машину никак не вместится. Придется заказывать грузовое такси!

— Вот тоже проблема! Дайте точный адрес, по которому проживаете, моему водителю, и он вслед за вами на машине, специально оборудованной для перевозки картин, доставит мой подарок!

Несколько дней спустя я встретился с хорошим знакомым Глазунова и восторженно передал все, что произошло в кабинете с чтением моих стихов и небольшим их обсуждением, которое продолжилось

и в мастерской художника. Этого оказалось достаточно, чтобы о моих словах узнал весь московский литературный мир. Конечно, при передаче нашего с Глазуновым разговора каждый писатель что-то изменял, добавлял пусть немного, но от себя... И, наконец, как-то вечером мне звонит небезызвестный в узких кругах поэт Георгий Зайцев:

— Иван, привет!

— Привет, Георгий!

— Как поживаешь?

— Да вот обустраиваюсь на новом месте! Сам прекрасно знаешь, что даже самый малый переезд сродни большому пожару!..

— Знаешь, сегодня вечером я был в нашем Доме литераторов, — резко переменяв тему разговора, заговорил Зайцев, — и там только и разговоров, что ты себя возвел в ранг современного Тютчева. Если это действительно так, то ты, однако, чересчур хватил!.. Я понимаю, что ты в столице обосновался недавно и не можешь знать московских писательских, изобилующих многочисленными подводными камнями, нравов, а поверь мне, знать надо, во избежание нехороших последствий. Поэтому в следующий раз будь максимально осторожней в высказываниях и оценках своего творчества!

— Георгий, я очень тебе благодарен за совет, но дело в том, что я никогда и нигде и думать не думал сравнивать себя с великим поэтом, поверь мне. Но в свою очередь хотел бы тебя в лоб спросить: скажи

честно, а ты сам-то хоть что-нибудь из моих стихов читал?

В телефонной трубке на несколько секунд воцарилась тишина, но вскоре, словно с какого-то глухого дна, глухо послышалось:

— Врать не буду, ничего!..

— В таком случае у меня к тебе, Георгий, будет настойчивая просьба: почитай, пожалуйста, и если тебя не очень затруднит, то как-нибудь перезвони, а то получается, что мы с тобой ведем односторонний разговор: ты — говоришь, а я — не слышу, или наоборот...

В те дни жестокая ситуация в борьбе за остатки писательской собственности, в которой я по воле Божьей оказался почти сразу же, как только возглавил Литературный фонд России, не оставляла времени не только на творчество, но даже на нормальный человеческий сон, и я напрочь забыл о зайцевском звонке. Зато он, к своей чести, не забыл о моей настойчивой просьбе. И однажды, когда я после очередного тяжелого рабочего дня, выйдя из метро, возвращался домой, зазвонил мобильник:

— Иван, здорово!

— Здорово, Георгий!

— Я, как ты настоятельно попросил, ознакомился с твоим поэтическим творчеством. Правда, лишь по нескольким журнальным публикациям, но, тем не менее, должен, во-первых, извиниться перед тобой за предыдущий звонок, вызванный несправедливыми слухами, а, во-

вторых, сказать, что действительно некоторые твои стихи гражданского и философского склада, пожалуй, будут даже и повыше тютчевских.

— Георгий, спасибо за такую высокую оценку! — не без глубокого удовлетворения горячо ответил я. — Хотя и она не совсем верна. Мои стихи, как и твои, не могут быть выше никаких стихов вообще, поскольку каждый настоящий поэт по своему оригинален! Но твое мнение, высказанное в отношении моего творчества, как и глазуновское, обязывает писать не иначе как, обрзано говоря, на разрыв аорты! И все-таки сегодня для меня как руководителя одной из уважаемых писательских организаций, поверь, важно не то, что я еще напишу, а то, что напишут другие, особенно из числа идущей нам на смену талантливой молодежи.

Мои слова были исполнены искренности, хотя продолжаю убежденно считать, что стихи не пишутся и тем более — не сочиняются, они просто записываются под диктовку свыше ветра, грома, дождя! Не зря же, на мой взгляд, удивительный архитектор поэтического цеха, автор новаторских, но не выходящих за рамки классики стихов, Андрей Вознесенский однажды сказал: *«...Стихи не пишутся — случаются,/ не написал — случилось так»*. А сам Нобелевский лауреат, незабвенный Борис Леонидович Пастернак об

этом же сказал еще выразительнее: *«...И чем случайней, тем вернее / Слагаются стихи навзрыд»*. Как все гениальное очень просто, но необычайно глубоко, а главное — абсолютно верно!

В следующую встречу с Ильей Сергеевичем Глазуновым я откровенно поведал ему о нашем разговоре с Георгием Зайцевым. Художник, внимательно выслушав меня, немного помолчал, а потом спросил:

— А кто такой Георгий Зайцев? Чем занимается?

— В прошлом, до распада Союза, он занимал ответственный пост в издательстве «Молодая гвардия». В настоящее время является генеральным директором частного книжного издательства. Поэт! — пояснил я.

— Поскольку я, Иван Иванович, почему-то такого стихотворца не знаю, то судить о его поэтическом таланте не могу, но то, что этот Георгий Зайцев не без чести — это точно! В отношении писательских сплетен вокруг вашего творчества, — тут художник глубоко вздохнул, — можно высказать только одно сожаление, поскольку мы, русские, или, если хотите, россияне, все никак не можем выдавить из себя до последней капли привитое врагами России ни только чувство раба, но и сжигающей душу зависти к успехам других. Да простит нас Господь! □

Продолжение следует.

Константин

Юрий Осипов

Бальмонт

БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ!

Он появился на свет через 42 года после восстания декабристов и всю жизнь жалел, что ему не довелось выйти с ними на Сенатскую площадь, поскольку считал себя бунтарем и революционером.

Цифра «42» имела особый смысл в его жизни: в 42 года умерла мать поэта. В 42 года он впервые совершил долгожданное

путешествие по Египту, к которому тщательно готовился. А вернувшись, издал сборник путевых очерков «Край Озириса», завершившийся извлечениями из знаменитой «Книги мертвых» под названием «42 наставления отца сыну».

С юных лет Бальмонт мечтал быть великим поэтом, таким, как Блок. Он постоянно говорил родным и друзьям о своей грядущей славе, надеясь на их поддержку в трудную минуту. А те были уверены, что на фоне «нервного расстройств» у Кости развилась «болезнь стать известным».

В детстве он отличался крайне неуравновешенным характером и даже пытался покончить жизнь самоубийством. Нервозность, доходящая до экзальтации, сохранилась у него и в зрелые годы. Неудачный первый брак побудил молодого человека выброситься из окна третьего этажа, после чего он долго лечился и в корне поменял свое мировоззрение.

Учился будущий поэт прекрасно, легко овладевал иностранными языками, знал даже несколько восточных. Однако о школе отзывался не иначе как с проклятьями. На юридическом факультете Московского университета держался особняком.

Из университета Бальмонта отчислили за участие в массовых беспорядках и выслали «по месту прописки» в Шую. Еще до этого он вынужден был бежать из Москвы за то, что прочел на светском вечере стихотворение, направленное против Николая II. Революция 1905 года толкнула поэта к большевикам, но вскоре он разочаровался в них, хотя по политическим мотивам ему пришлось надолго уехать за границу. Вновь на короткий срок встал на сторону большевиков в Октябре семнадцатого и с ужасом отшатнулся от пришедшей к власти ленинской партии. В 20-м, надеясь на скорое возвращение, покинул Родину, как оказалось, навсегда.

Константин Дмитриевич прожил долгую, трудовую жизнь. Опубликовал 35 поэтических сборников, 20 книг автобиографической прозы и мемуаров, серьезные филологические и историко-литературные исследования, критические эссе, блистательные переводы У. Блейка, Э. По, Ш. Бодлера, П.Б. Шелли, О. Уайльда, А. Теннисона... А забвение настигло поэта уже на исходе второго десятилетия прошлого века. Современники винили Бальмонта в упаднических настроениях, манерности, умозрительности. Тем не менее, в 1923 году он номинировался на Нобелевскую премию вместе с двумя другими эмигрантами — М. Горьким и И. Буниним.

Последние годы Константин Дмитриевич провел с семьей во Франции, жил на подачки меценатов, страшно тосковал по России. На его похоронах в 1942 году не было почти никого из русских поэтов и прозаиков, поклонники тоже не пришли проводить былого кумира в последний путь...

Константин Бальмонт родился 3 (15) июня 1867 года в сельце Гумнищи Шуйского уезда Владимирской области и являлся третьим из семерых сыновей Дмитрия Константиновича Бальмонта, мирового судьи, а затем — председателя уездной земской управы. Считалось, что его род происходил от некоего шотландца на царской службе.

Дед поэта был морским офицером, а мать, Вера Николаевна, урожденная Лебедева, происходила из полковничьей семьи, где любили литературу. Сама Вера Николаевна занималась ей вполне профессионально: выступала в местной печати, устраивала литературные вечера и любительские спектакли, хорошо знала иностранные языки, много читала и была не чужда «некоторого вольнодумства», принимая в доме «неблагонадежных» гостей. На Костю она оказала сильное влияние, познакомив его с миром музыки, лучшими образцами поэзии, историческими сочинениями, первой научила постигать «красоту женской души». Именно от матери, писал впоследствии Бальмонт, он унаследовал «необузданность и страстность, душевный строй».

Читать будущий поэт научился в пятилетнем возрасте, наблюдая, как мать обучает грамоте старшего брата. Растроганный такими успехами отец подарил ему первую книжку — «что-то о дикарях-океанийцах». «А первые поэты, которые я читал, были... Никитин, Кольцов, Некрасов и Пушкин», — писал Бальмонт. Луч-

шими же своими учителями в поэзии он называл «усадыбу, сад, ручьи, болотные озерки... красивое малое царство уюта и тишины», где прошли первые десять лет его жизни, и всегда с нежностью вспоминал, любовно описывая родной край в стихах и прозе.

Когда наступило время отдавать старших детей в школу, семья переехала из Гумнищ в Шую, где их большой дом стоял на берегу реки, тоже в окружении дикой природы; и отец часто брал маленького Костю на охоту. Шуйская гимназия, в которой учился Бальмонт, считалась «гнездом декадентов и капиталистов», чьи фабрики отравляли воздух и речную воду. Поначалу способный мальчик делал заметные успехи в учебе, однако вскоре она ему наскучила, и он увлекся запойным чтением, причем французские и немецкие книги читал в подлиннике.

Из седьмого класса гимназии Константин вынужден был уйти из-за принадлежности к нелегальному кружку учащихся, заезжих студентов и преподавателей, занимавшихся печатанием и распространением в Шую прокламаций Исполнительного комитета партии «Народная воля». «Я был счастлив, и мне хотелось, чтобы всем было так же хорошо», — объяснял впоследствии поэт свои тогдашние революционные настроения.

Усилиями матери юноша был переведен в гимназию города Владимира. Однако там ему пришлось жить на квартире учителя греческого языка, который ревностно исполнял

в отношении него обязанности «надзирателя». Гимназический курс Костя окончил в 1886 году, прожив, по его собственным словам, «полтора года как в тюрьме». Гимназию он проклинал всеми силами души и писал, что та «надолго изуродовала его нервную систему». В 17 лет он испытал и первое литературное потрясение, прочитав «Братьев Карамазовых» Достоевского. Этот роман, вспоминал позже Бальмонт,

дал ему «больше, чем какая-либо книга в мире».

К тому времени относится и его собственный литературный дебют — три стихотворения появились на страницах популярного петербургского журнала «Живописное обозрение». Суровый гимназический наставник запретил Косте печататься до окончания учебы, что не помешало ему познакомиться с В. Короленко. Маститый писатель, получив

от одноклассников Бальмонта тетрадь с его стихами, неожиданно дал на них обстоятельный и в целом благожелательный отзыв и посоветовал начинающему поэту «сосредоточиться и работать».

Юридический факультет Московского университета, куда Бальмонт поступил в 1886 году, вновь всколыхнул его революционные настроения. На факультете он сблизился с революционером-шестидесятником П. Николаевым и принял участие в студенческих беспорядках, связан-

наук, откуда был отчислен в сентябре 1890 года, и на этом оставил попытки получить «казенное образование». Своими глубокими знаниями в области филологии, литературы, истории и философии он был обязан исключительно самому себе и старшему брату. «Умственной работой» Бальмонт упорно занимался до конца своих дней.

Это, впрочем, не мешало его сердечным увлечениям. Одной из самых драматичных страниц жизни поэта явилась история взаимоотношений

Поэтическая натура Бальмонта постоянно требовала «позы». Он был Поэт в расхожем, обывательском смысле этого слова, являясь для публики живым воплощением символизма, и в историю русской литературы вошел как один из зачинателей нового яркого направления отечественной поэзии начала двадцатого столетия. Рядом были два других великих символиста — Александр Блок и Андрей Белый

ных с введением нового, реакционного университетского устава. Арест, трехдневное заключение в Бутырку и высылка в Шую не поколебали стремления Константина стать пропагандистом и «уйти в народ». Поэзия возобладает в его интересах лишь годы спустя.

В 1888 году Бальмонт вернулся в университет с сильным нервным истощением, и продолжать учебу не смог, так же, как и в ярославском Демидовском лицее юридических

Константина Дмитриевича с первой женой, Ларисой Гарелиной. Дочь иваново-вознесенского фабриканта воспитывалась в Москве во французском пансионе. Наделенная артистическим дарованием, она в юности успешно выступала в любительских спектаклях. Ее знакомство с Бальмонтом произошло осенью 1888 года в шуйском театре, куда Ларису пригласила мать поэта. Лариса буквально сразила Бальмонта своей боттичеллевской красотой. А уже

10 февраля состоялось их венчание, там же в Иваново-Вознесенске.

Родители Кости противились этому браку. «Ты погубишь себя», — писал отец сыну. Мать же сразу возненавидела невестку, и та отвечала ей взаимностью. Тревожное предчувствие не обмануло родителей. Очень скоро брак этот обернулся для обоих молодых супругов чистой мукой, «дьявольским ликом», как писал впоследствии Бальмонт. В начале 90-го умер от менингита их четырехнедельный первый ребенок — девочка. Вторым ребенком — сын Николай — страдал психическим заболеванием. Совместное существование отравляла патологическая ревность Ларисы и ее страсти к алкоголю. Угнетала бедность. Не было общих интересов и целей в жизни.

В полном отчаянии Бальмонт решил покончить с собой. 13 марта того же года он выбросился из окна третьего этажа московской гостиницы. К счастью, остался жив, но прихрамывал всю жизнь. Как ни парадоксально, поэт был благодарен случившейся личной трагедии за опыт любовного страдания. С Гарелиной он после этого расстался и в стихах, надо сказать, изрядно демонизировав ее реальный облик, поскольку Лариса Михайловна вскоре вышла замуж за известного журналиста и историка литературы Н. Энгельгарда, родила ему дочь Анну, ставшую второй женой Н. Гумилева, и мирно прожила с ним долгие годы.

Новое роковое любовное увлечение поэта не заставило себя долго ждать. Любовь-наваждение, которую Бальмонт испытывал к Ларисе Гарелиной, сменилась «любовью-мгновением, длящейся века». Удивительно, что подобное чувство вызвала у него добродетельная 35-летняя жена инженера-строителя, мать пятерых сыновей Мирра Лохвицкая. Они, предположительно, познакоми-

*Лариса
Гарелина —
первая
жена Баль-
монта*

лись в Крыму в 1895 году. Лохвицкая писала стихи, и сближение ее с Бальмонтом было предопределено сродством душ и общностью творческих устремлений. Грудной ребенок не помешал романтической поэтессе потерять голову от вспыхнувшей страсти, перелившейся в поэтическую переписку с возлюбленным. А тот

посвятил ей свой лучший сборник стихов «Будем как Солнце» (1903).

Увы, в августе 1905-го Мирра Лохвицкая умерла. Никакого участия к ней за все время ее смертельной болезни Бальмонт не выказал и на похоронах не присутствовал, но, судя по всему, тяжело переживал кончину возлюбленной.

*О, какая тоска, что в предсмерт-
ной тиши
Я не слышал дыханья певучей
души,
Что я не был с тобой, что я не был
с тобой,
Что одна ты ушла в океан
голубой...*

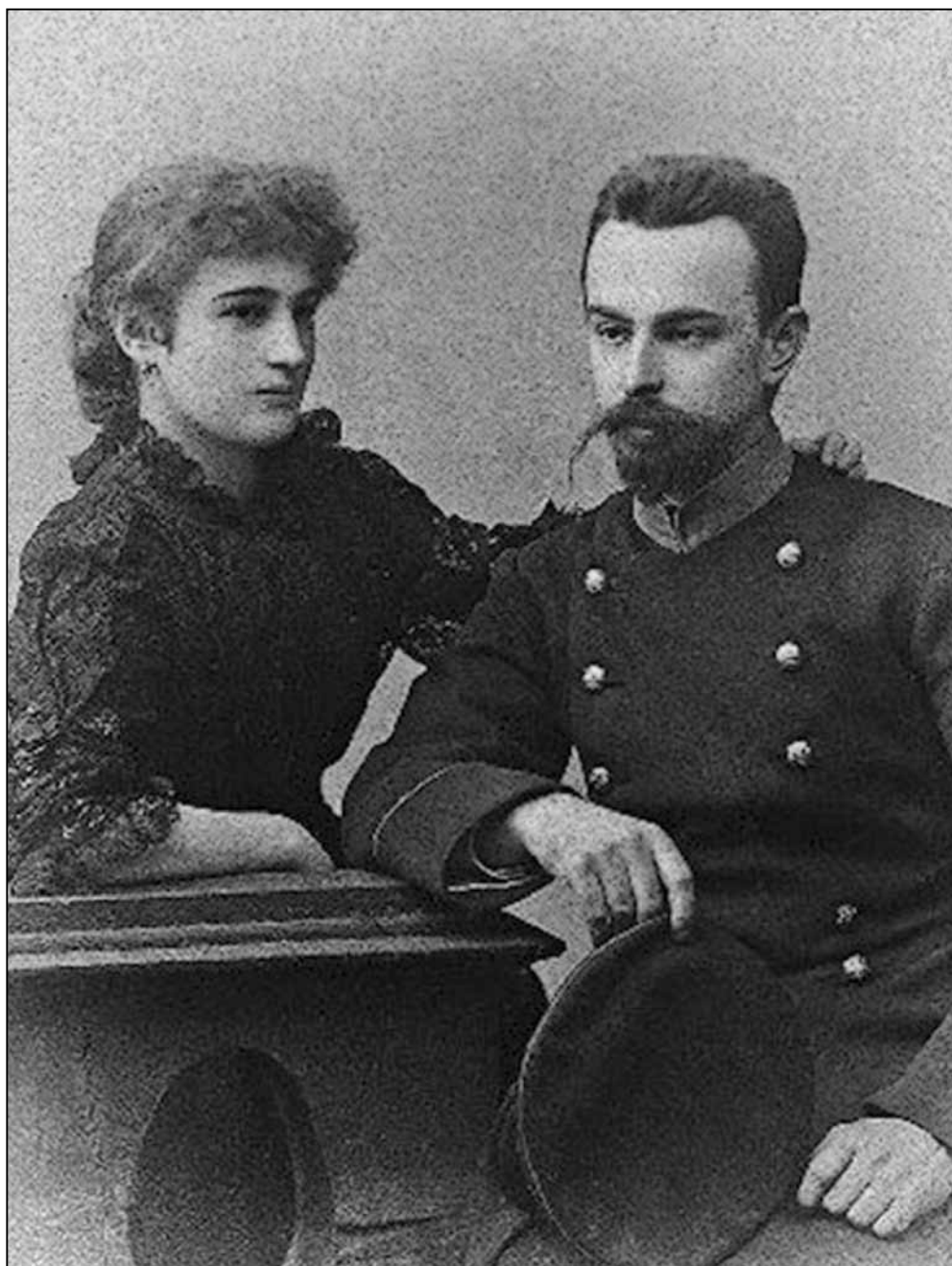
(«На смерть М.А. Лохвицкой»)

Вторая жена поэта, Екатерина Алексеевна Андреева-Бальмонт, родственница известных московских книгоиздателей Сабашниковых, происходила из богатой купеческой семьи и отличалась редкой образованностью. Современники отмечали также ее внешнюю привлекательность, высокий рост, стройность, прекрасные черные глаза. Бальмонт быстро увлекся ею, однако долго добивался взаимности. Когда же Екатерина Алексеевна, наконец, ответила на его чувства, выяснилось, что поэт формально все еще состоял в браке, и родители запретили дочери встречаться с ним. Будучи, тем не менее, воспитанной в «новейшем духе», девушка не придавала значения обрядам, пошла против воли отца с матерью и переселилась к своему избраннику.

По странному тогдашнему закону, бракоразводный процесс, позволяя вступить во второй брак Гарелиной, ее бывшему мужу запрещал жениться. Выручила влюбленных находка старого документа, где Константин Дмитриевич значился неженатым. 27 сентября 1886 года они обвенчались и на другой день выехали во Францию. Увы, общность литературных интересов, совместные переводы западных писателей, образцовый домашний порядок, заведенный Екатериной Алексеевной, и даже любимая дочь, которой Бальмонт посвятил «Фейные сказки», не помогли сохранить поэту и этот брак.

В начале 900-х годов Константин Дмитриевич познакомился в Пари-

Слева:
*Мирра
Лохвицкая*

*Константин
Бальмонт
и Мирра
Лохвицкая*

же со студенткой математического факультета Сорбонны, дочерью генерала К. Цветковского, Еленой, страстной поклонницей его поэзии. «Не сильная характером», худенькая, темноликая девушка «всем существом вовлеклась в водоворот безумств поэта», чье любое слово «звучало для нее как глас божий». Бальмонт, судя по его письмам Брюсову,

не был влюблен в Цветковскую, но вскоре начал испытывать в ней необходимость. Она действительно стала для него преданным другом.

Семейные отношения поэта к тому времени окончательно запутались. Он то жил с семьей, то уезжал с Еленой, например, в 1905 году — на три месяца в Мексику. В 1907-м она родила ему дочь, которую назва-

ли Миррой (в память о Мирре Лохвицкой). Рождение ребенка еще сильнее привязало Бальмонта к Цветковской, но при этом и от Екатерины Алексеевны он уходить не хотел. Душевные терзания вызвали срыв: в 1908 году Константин Дмитриевич совершил новую попытку самоубийства, снова выбросился из окна, и вновь уцелел... Вплоть до 1917 года Бальмонт жил в Петербурге с Еленой и дочерью, навещаясь, время от времени, в Москву к своей второй семье.

Поэтическая натура Бальмонта постоянно требовала «позы». Он был поэт в расхожем, обывательском смысле этого слова, являясь для публики живым воплощением символизма. По своему культурному воспитанию и усвоенными литературными традициями Бальмонт — дитя XIX века. Тем не менее, в историю русской литературы он вошел как один из зачинателей нового яркого направления отечественной поэзии начала двадцатого столетия. Рядом были другие великие символисты — А. Блок и А. Белый. Первый высоко нес свое предназначение, не опускаясь до «позы» и не заигрывая с публикой в поисках дешевой популярности. Вторым поражал проблесками гениальности и капризной непосредственностью ребенка.

Андрей Белый оставил нам любопытные наблюдения над характером и манерой держаться Бальмонта. Тот виделся ему необычайно одиноким, оторванным от реального мира

и беззащитным человеком с мятущейся, непостоянной, но щедро одаренной натурой. «...Вечный мот душевных сокровищ... Получит — и промотает. Он отдает их нам... Но сам не вкушает от своего творчества... Легкая, чуть прихрамывающая походка... сухие губы, обрамленные красной, как огонь, бородкой. Глубоко сидящие в орбитах почти безбровые его карие глаза глядят тоскливо и недоверчиво, могут глядеть и мстительно, выдавая что-то беспомощное в самом Бальмонте».

И. Эренбург вспоминал, что читал свои стихи Бальмонт голосом «вдохновенным и высокомерным», как шаман. Любил аффектацию, театральные жесты и претенциозность. Не чурался эпатажа. В Париже укладывался посреди мостовой, чтобы его переехал фиакр. «Лунной ночью, в пальто и шляпе, с тростью в руках, входил, замороженный луной, по горло в пруд, стремясь испытать неведомые ощущения и описать их в стихах».

Но мог быть и другим, «грустным и очень простым... охотно читал присутствующим свои новые стихи и проникновенностью чтения доводил до слез». Многие знавшие поэта подтверждали, что из-под маски самолюбования и экзальтации временами проглядывал милый и застенчивый человек, смеявшийся детским, добродушным смехом. При этом он всю жизнь оставался неутомимым тружеником, стоически переносил частую нужду (особенно в последние годы эмиграции) и плодотворно писал каждый день, постоянно зани-

маясь, к тому же, углубленным самообразованием.

Марина Цветаева, встречавшаяся с Константином Дмитриевичем в самые трудные времена, свидетельствовала, что тот мог отдать нуждающемуся собрату «последнюю корку, последнее полено». Советский переводчик М. Талов, оказавшийся в 20-х годах в Париже без средств к существованию, вспоминал, как, покидая квартиру Бальмонта, куда он робко являлся с визитом, нахо-

здания» (1900), занимающий центральное место в творчестве поэта, создавался большей частью в имении Поляковых под Москвой. Именно этот сборник на десятилетие сделал Бальмонта признанным лидером символизма.

В Москве жизнь поэта проходила в усидчивых занятиях за письменным столом, чередовавшихся с буйными кутежами, когда встревоженная жена пускалась разыскивать его по всему городу. Четвертый поэти-

К

онфликт поэта с властью, начавшийся еще в студенческие годы, продолжился и в пору поэтической славы Бальмонта. Разошелся по рукам прочитанный им на литературном вечере в зале городской думы стихотворный памфлет «Маленький султан», который завуалированно клеймил жестокий царский режим Николая II. Постановлением «особого совещания» поэт был выслан из Петербурга и на три года лишен права проживать в столичных и университетских городах

дил в кармане пальто деньги, тайком сунутые поэтом, который и сам в ту пору жил далеко не роскошно...

Подобно Бунину, Бальмонт, достигнув на исходе века литературной славы, предпочитал вести странническую жизнь, не привязываясь к одному месту и постоянно обновляя запас путевых впечатлений. Москва, Подмосковье, Петербург, а еще — Берлин, Париж, Биарриц, Оксфорд входят в число его привычных маршрутов, где часто рождались новые циклы стихов. Сборник «Горящие

ческий сборник Бальмонта «Будем как Солнце», выпущенный массовым по тем временам тиражом в 1800 экземпляров, разошелся за полгода и был назван Блоком «книгой, единственной в своем роде по безмерному богатству».

Конфликт поэта с властью, начавшийся еще в студенческие годы, продолжился у Бальмонта и в пору его поэтической славы. В 1901 году он принял участие в массовой студенческой демонстрации у Казан-

ского собора в Петербурге, требовавшей отмены указа об отдаче в солдаты неблагонадежных студентов. Демонстрацию разогнали казаки, были жертвы. Разошелся по рукам прочитанный Бальмонтом на литературном вечере в зале городской думы стихотворный памфлет «Маленький султан», который заву-

алированно клеймил жестокий царский режим Николая II.

Постановлением «особого совещания» поэт был выслан из Петербурга и на три года лишен права проживать в столичных и университетских городах. Погостив несколько месяцев в имени друзей под Курском, Константин Дмитриевич в марте 1902-го выехал в Париж, затем

жил в Англии, Бельгии и снова во Франции. Несмотря на запрет, перезимовал в Москве и опять отправился в Европу, где нередко читал публичные лекции о русской и западноевропейской литературе. А также подготовил к изданию новый сборник стихов «Только любовь». «К тому времени, — писала Тэффи, — Россия была влюблена в Бальмонта».

Домой он подоспел к началу первой русской революции 1905 года и активно включился в политическую жизнь, успев еще до этого побывать в Мексике, Калифорнии и откликнуться на трагические события русско-японской войны сборником «Стихийные гимны». Вооруженное восстание в Москве поэт встретил не только стихами. Все дни проводил на улице, строил баррикады, произносил речи, влезая на тумбы. Носил в кармане заряженный револьвер и ждал расправы над собой, будучи, как ему казалось, «законченным революционером». Увлеченность революцией у него была искренней, хоть и неглубокой, больше — внешней. Опасаясь ареста, он после разгрома восстания ночью спешно уехал в Париж.

Тогда же в Москве Бальмонт сблизился с Горьким, сотрудничал с социал-демократической газетой «Новая жизнь». В Париже выступал на страницах журнала А. Амфитеатрова «Красное знамя» и считал себя политическим эмигрантом. В 1906 году написал страшное пророческое стихотворение «Наш царь». «...*Наш царь — убожество слепое, *

*Екатерина
Андреева-
Бальмонт —
вторая жена*

*Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел, /
Царь-висельник, тем низкий вдвое, /
Что обещал, но дать не смел». И за-
вершает: «Но будет, час расплаты
ждет. / Кто начал царствовать — Хо-
дынкой, / Тот кончит — встав на эша-
фот». Другое стихотворение «Нико-
лаю Последнему» прямо заканчива-
лось словами: «Ты должен быть
убит, ты стал для всех бедой».*

В 1913 году политическим эми-
грантам по случаю 300-летия до-
ма Романовых была предоставлена
амнистия, и Бальмонт возвратился
в Россию. На Брестском (ныне Бе-
лорусском) вокзале в Москве ему
устроили торжественную встречу.
Жандармы запретили поэту обра-
титься к собравшимся почитателям
с приветственной речью, и вместо

этого он разбросал в толпе свежие ландыши...

Год спустя завершилась публикация собрания поэтических произведений Бальмонта в 10 томах. Вышел из печати экзотический сборник его зарубежных стихов «Белый зодчий. Таинства четырех светильников», вобравший впечатления автора от Океании.

По возвращении на родину карнавальное, яркое и пестрое течение жизни поэта-кумира продолжалось. Мелькали города и страны, от Ярославля до Владивостока (с заездом в Японию) проходили лекционные туры, печатались новые стихи, восторженные «бальмонистки» следовали за ним по пятам. Но все же бывшая популярность Бальмонта шла на убыль. А сам он больше отдавался в тревожные «года глухие» филологическим исследованиям и переводам. Взялся за изучение грузинского языка и перевел «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели. Осилил переложение на русский древнеиндийских литературных памятников, выпустил в 1915 году теоретическое эссе «Поэзия как волшебство».

Бесспорным творческим достижением Бальмонта явилось его обращение к жанру сонета. 255 сонетов, написанных им «меж двух революций», составили несколько сборников, которые тепло встретила читающая публика. Однако то были лишь отголоски его прежней славы. Подобно многим своим собратям по перу, поэт переживал тогда творческий кризис, жаждал обновления

и верил в очистительный вихрь революции.

Поэтому Февральскую буржуазную революцию Бальмонт приветствовал. Начал сотрудничать в Обществе пролетарских искусств. Однако быстро разочаровался в новой власти и примкнул к партии кадетов, требовавших продолжения войны до победного конца. В одном из номеров газеты «Утро России» хвалил решимость генерала Корнилова, выступившего с фронта во главе Дикой дивизии на Петроград.

То, что Бальмонт при его публично высказываемых взглядах уцелел после Октября семнадцатого, можно отнести к разряду чуда. В публицистической книге «Революционер я или нет?» (1918) он характеризовал большевиков как носителей разрушительного начала, подавляющих «личность», и отрекся от бывших связей с ними. Поэт же, по его убеждению, должен стоять вне партий, у него «свои пути, своя судьба».

Годы военного коммунизма и «красного террора» Константин Дмитриевич, вынужденный содержать две семьи, провел в нищете. С третьей женой, Е. Цветковской, и дочерью Миррой он жил в голодном и замерзавшем Петрограде, навеваясь, время от времени, в Москву, чтобы хоть как-то поддержать Е. Андрееву и дочь Нину. Суровые лишения недавний еще баловень судьбы сносил стоически и, в силу собственных убеждений, не желал ради куска хлеба идти на компромисс с советской властью. Когда на случайной

литературной лекции кто-то из зала подал ему записку с вопросом, почему он теперь не издает своих произведений, последовал ответ: «Не могу печатать у тех, у кого руки в крови». По некоторым сведениям, в ЧК рассматривалось предложение расстрелять Бальмонта, но, к счастью, «не было большинства голосов».

В 20-м поэт с женой и дочерью переехали в Москву. По отношению к большевистскому правительству он вынужденно стал держаться более лояльно. Неохотно пошел работать в Наркомпрос, готовил к из-

К этому времени относится также начало долгой прочной дружбы Бальмонта с Мариной Цветаевой, которая в Москве пребывала в сходном, очень тяжком положении, таская «на себе дровишки из разобранного забора» и страдая от голода.

Еще с начала 1920 года Константин Дмитриевич принялся хлопотать о разрешении на поездку за границу, ссылаясь на ухудшение здоровья жены и дочери. По ходатайству литовского посланника в Москве Ю. Балтрушайтиса нарком просвеще-

В

1913-м году политическим эмигрантам по случаю 300-летия дома Романовых была предоставлена амнистия, и Бальмонт вернулся в Россию. На Брестском вокзале в Москве ему устроили торжественную встречу. Но жандармы запретили поэту обратиться к собравшимся почитателям с приветственной речью, и тогда он разбросал в толпе свежие ландыши...

данию стихи и переводы, читал просветительские лекции. 1 мая даже выступил в Колонном зале Дома Союзов со стихотворением «Песнь рабочего молота», а на следующий день — с поэтическим приветствием великой драматической актрисе Е. Ермоловой на ее юбилейном вечере в Малом театре. Московские литераторы и ему устроили в том же году чествование по поводу 30-летия со дня выхода в свет его первого, «ярославского», сборника стихов.

Луначарский дал разрешение на командировку Бальмонта в Европу вместе с семьей, и 25 мая поэт навсегда покинул Россию.

Эстонский Ревель встретил их все тем же голодным бытом и тоскливой безнадежностью. Один из эмигрантов, видевший там Бальмонта, вспоминал: «Печать тягостной измученности лежала на его лице, и весь он казался во власти темных и скорбных переживаний...» До Парижа семья добиралась окольными путями и поселилась в маленькой мебелиро-

*Константин
Бальмонт
и Елена
Цветковская.
Конец 30-х годов*

ванной квартирке. Окно в столовой было разбито по неосторожности самим Бальмонтом и занавешено толстой портьерой, из-под которой все время дуло. Поэтому в комнате было темно и холодно.

В эмигрантском сообществе французской столицы поэт сразу же оказался меж двух огней. С одной стороны, в нем заподозрили сочувствующего Советам, чему способствовал Луначарский, который опроверг в московской газете слух о том, что Бальмонт ведет за границей пропаганду против советской власти. «Ага, — многозначительно заявили правые, — он в переписке с Луначарским, значит, конечно же, большевик!» С другой стороны, публицистов-эмигрантов либерального толка покорило ходатайство Баль-

монта за русских писателей, дождавшихся разрешения выехать из Советской России. В этом ходатайстве поэт в дипломатических целях не осуждал положение дел на родине и писал: «Все, что совершается в России, так сложно, так перепутано». «Что сложно? — ополчились на него либералы. — Массовые расстрелы? Что перепутано? Систематический грабеж? Разгон Учредительного собрания? Уничтожение всех свобод? Карательные экспедиции для усмирения крестьян?» А тут еще советская пресса начала клеймить Бальмонта как «лукавого обманщика», который «ценою лжи» вырвался на свободу, злоупотребив доверием власти, командировавшей его на Запад изучать «революционное творчество народных масс».

С достоинством и спокойно отвечал Константин Дмитриевич на все эти упреки, но с глубокой горечью в душе. Поэт, прозаик, переводчик и литературный критик «первой волны» русской эмиграции Ю. Терепиано отмечал впоследствии: «Не было в русском рассеянии другого поэта, который столь же остро переживал оторванность от России». Сам Бальмонт называл эмиграцию «жизнью среди чужих», хотя работал в эмиграции чрезвычайно много и плодотворно. Только в 1921 году вышло на Западе шесть его книг. При этом он активно сотрудничал с газетой «Парижские новости», журналом «Современные записки», многочисленными русскими периодическими изданиями в других европейских странах.

Отношение Бальмонта к РСФСР оставалось неоднозначным, но тоска по родине была постоянной. «Я хочу России... Пусто, пусто. Духа нет в Европе», — жаловался он в письме Е. Андреевой. Причем такое угнетенное состояние усугублялось у Бальмонта ощущением одиночества, чувством оторванности от эмигрантских кругов.

Из Парижа он вскоре уедет, и до последних лет жизни будет скитаться с женой по Франции, останавливаясь временно то тут, то там. В обращении к Р. Роллану Бальмонт писал: «Поверьте, мы не столь бродяги по природе, как это может вам казаться. Мы покинули Россию, чтобы иметь возможность в Европе попытаться хоть что-нибудь крикнуть

о Погибающей Матери, крикнуть в глухой слух очерстевших и безучастных, которые заняты лишь собой...»

В отличие от своего друга, замечательного эмигрантского писателя Ивана Шмелева, тяготевшего к «правому» направлению, Бальмонт придерживался в целом левых, либерально-демократических взглядов, не принимал «примирительных» тенденций сменовеховцев, евразийцев и прочих, сторонился бывших социалистов во главе с А. Керенским и с ужасом наблюдал опасное «полевение» Западной Европы, взрастившее затем семена фашизма. Он охотно принимал участие в протестах против «денационализации», грозившей отрывом русских детей Зарубежья от родного языка и культуры. Однако избегал участия в политических акциях и не вступал ни в какие политические организации.

Безразличие европейских литераторов к происходившему в СССР вызывало в нем горечь, которая накладывалась на разочарование глубоко прагматичным западным укладом жизни. Еще в 1907 году Бальмонт замечал: «Странные люди — европейские люди. Странно неинтересные... Никто здесь не читает ничего. Здесь все интересуются спортом и автомобилями».

Давно оспорено мнение, что эмиграция прошла для Бальмонта под знаком упадка. Да, его творчество, быть может, и не достигало той высоты, что в дореволюционные годы, но оно, безусловно, весьма и весьма

значительно, а в отдельно взятых произведениях — поистине прекрасно. К ним, в первую очередь, относятся книги стихов «Мое — ей. Стихи о России» (1923), «Северное сияние» (1933) и «Голубая подкова» (1937).

*...Тоска к тоске, мне мечет клич
Россия,
Чтоб я не закреплял тоскою
полночь.
И край чужой, мне не даруя
счастья,*

ду выяснилось, что Константин Дмитриевич страдает серьезным психическим заболеванием. В 35-м он попал в клинику. «Гибнем, дорогой друг, если можете, помогите...» — обращалась к близкому человеку жена поэта.

Последние годы жизни Бальмонт пребывал попеременно то в доме призрения для русских, который содержала монахиня, поэтесса и героиня французского Сопротивления

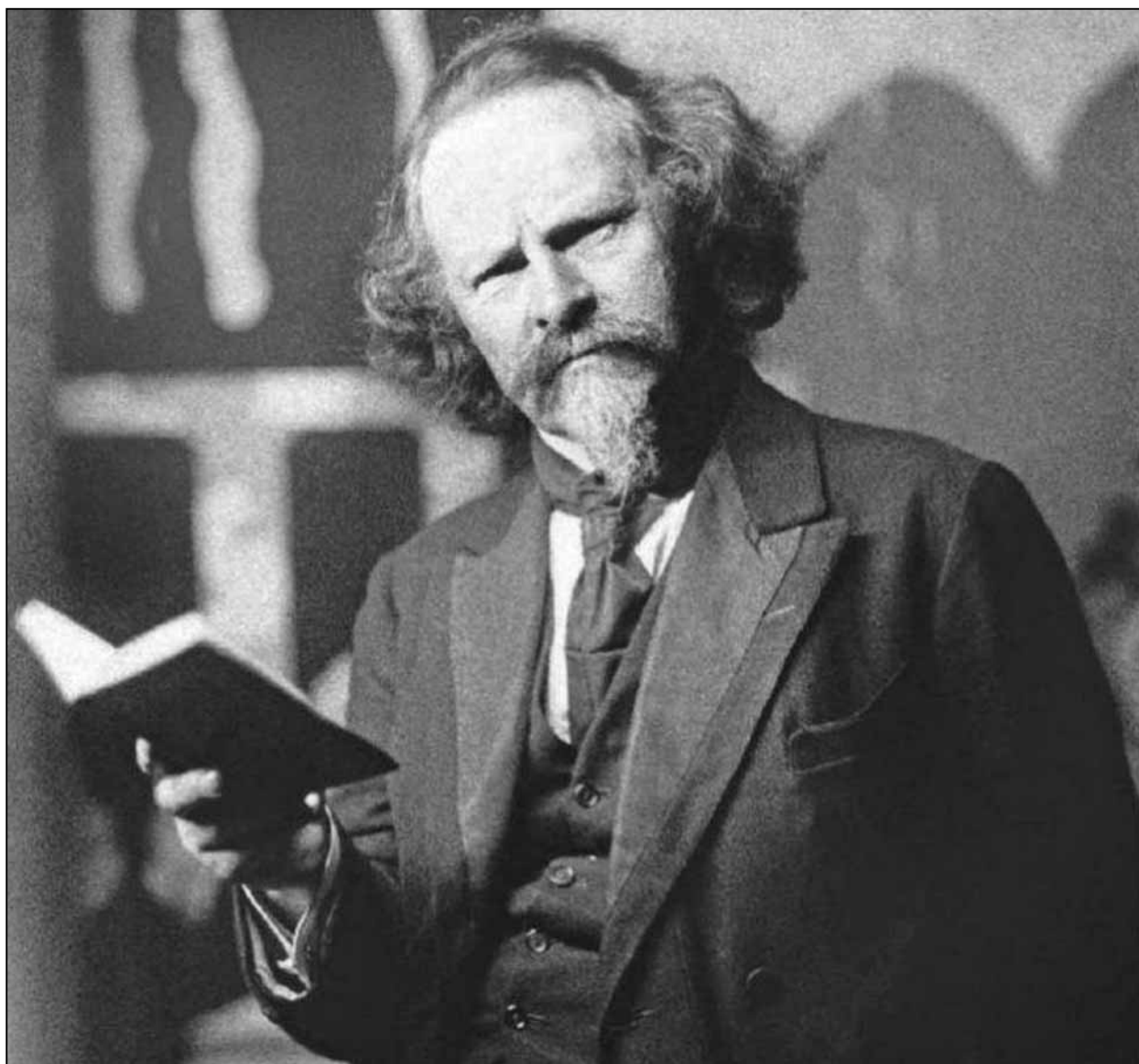
Последние годы жизни Бальмонт пребывал попеременно то в доме призрения для русских, который содержала монахиня, поэтесса и героиня французского Сопротивления М.Кузьмина-Караваева, то в дешевых меблированных комнатах под Парижем. Писать он уже давно не мог. В приюте «Русский дом» Константин Дмитриевич и скончался от воспаления легких. Его похоронили на местном католическом кладбище, под серой могильной плитой с надписью: «Константин Бальмонт, русский поэт»

*Дает мне страсть — любить лишь
край мой отчий.*

К концу 20-годов жизнь Бальмонта делалась все труднее. Гонорары писателя стали мизерными, финансовая поддержка, которая исходила, главным образом, от Чехии и Югославии, где были созданы фонды помощи русским писателям, истощилась, потом и вовсе исчезла. Положение оказалось критическим после того, как в 1932 го-

М. Кузьмина-Караваева, то в дешевых меблированных комнатах под Парижем. Немецкие оккупанты относились к нему безразлично. Впрочем, к тому моменту он уже окончательно впал в «сумеречное состояние». В минуты просветления с наслаждением открывал тома «Войны и мира». Писать же давно не мог.

В приюте «Русский дом» Константин Дмитриевич и скончался ночью 23 декабря 1942 года от воспаления легких. Его похоронили на

местном католическом кладбище, под серой могильной плитой с надписью по-французски: «Константин Бальмонт, русский поэт». Попрощаться с ним приехали из Парижа всего несколько человек, включая писателя Бориса Зайцева и дочь Мирру. Видная русская поэтесса и прозаик Ирина Одоевцева вспоминала: «...шел сильный дождь. Когда гроб стали опускать в могилу, она оказалась заполненной водой, и гроб всплыл. Его пришлось при-

держивать шестом, пока засыпали могилу».

Французская общественность узнала о кончине старого русского поэта из прогитлеровского «Парижского вестника», который сделал, как тогда полагалось, «основательный выговор» покойному за то, что в свое время он «поддержал революционеров».

Осознание масштаба личности Бальмонта началось в России в 60-е годы, продолжается оно и сегодня... □

ОДНОКЛАССНИКИ

*Память об обидах долговечнее,
нежели память о благодеяниях*

Пьер Буаст

Глава 48

Они спустились в поселок в двенадцатом часу ночи. Вера, измученная сумасшедшим днем, едва переставляла ноги. Она висела на руке Кирилла и неудержимо зевала.

— Теперь твоя очередь, — сказала она, — устрой меня на ночлег. Была бы я маленькой-маленькой, залезла бы к тебе в карман и там бы спала.

Надежда, что «лексус» по-прежнему стоит там, где они его бросили, была слабая. И потому они так обрадовались, когда в темном тупике увидели машину. У Веры откуда-то появились силы, она даже побежала, открыла заднюю дверь и упала на сиденье.

— Невероятно, — пробормотал Кирилл, вытаскивая ключи зажигания из замка. — Никому не понадобилась.

Он открыл багажник, вынул запасное колесо и домкрат. Вера, словно ребенок, моментально заснула и не слышала, как он, меняя колесо, скручивал болты и тихо ругал того, кто их так туго закрутил.

Кирилл вел машину на малой скорости, поглядывая в зеркало заднего вида на спящую девушку. Свет фар высвобождал из темноты дорожные знаки, деревья и бесконечный забор. Он вздохнул с облегчением, когда поселок закончился и дорога прямой лентой потянулась вдоль шумной реки. Несколько частных гостиниц он пропустил, хотя освещенные фонарями

Продолжение. Начало в №9-10, 2018 года.

вывески обещали «незабываемый отдых» — Кирилл смущало слишком большое количество припаркованных у входа автомобилей. Более привлекательной ему показалась стоящая у самого подножия горы малоприметная гостиница, тонувшая в темноте. Рядом с ней не было ни одной машины, надпись на светящемся окне гласила: «Места есть».

Сонная женщина, кутаясь в шерстяной платок, проводила его на второй этаж и открыла уютную комнату с двуспальной кроватью и окном во всю стену, которое снаружи, словно штора, закрывала еловая ветка. Пока хозяйка приводила в действие газовую колонку для нагрева воды, Кирилл спустился к машине и разбудил Веру.

— Это какое-то издевательство, — бормотала она, почти не открывая глаз и идя за ним.

Очувтившись в комнате, освещенной ночником, Вера скинула пальто на пол, заглянула в душевую, пустила воду.

— Тепленькая...

Пока она мылась, Кирилл спустился к хозяйке и попросил ее приготовить чай с лимоном и медом. Женщина безропотно встала, открыла дверцу буфета и наполнила рюмку маслянистым коньяком.

— Дайте выпить это вашей девушке, — сказала она. — Я настаиваю его на травах. Очень помогает при простуде. Сама ни разу не болела в эту зиму.

Когда он вернулся с подносом в руках, Вера уже крутилась на кровати под одеялом.

— Боже, как холодно... — пробормотала она.

— Это нервы, — ответил Кирилл, поставил чашку с чаем на тумбочку и протянул Вере рюмку.

Перед большим зеркалом в душевой он зачесал мокрые волосы наверх и заметил белую полосу на лбу у корней волос. Горный загар уже коснулся его лица. «Дух перевести некогда, — подумал Кирилл, — только и успеваешь кулаками махать да от пуль уворачиваться. А вернешься домой, все знакомые в один голос воскликнут: как загорел да посвежел!»

Он вернулся в комнату, постоял у окна, глядя на призрачно-синие горы, и стал устраиваться в кресле. Несколько минут искал наиболее подходящую позу, потом догадался придвинуть стулья. Лежать на таком импровизированном ложе было настоящей пыткой. Широкие плечи Кирилла с трудом поместились между подлокотников, стулья скрипели и шатались от малейшего движения. Когда вся эта хрупкая конструкция вместе с Кириллом рухнула на пол, в дверь постучала хозяйка и вежливо поинтересовалась, не шкаф ли это упал.

— Нет-нет, — ответил Кирилл, потирая ушибленное колено. — Это я в кровать с первого раза не попал.

Получилось что-то вроде намек Вере.

— Я вот лежу и думаю, — произнесла она из темноты. — Удобно пригласить тебя на кровать или нет? Не знаешь, как по этикету в этом случае положено?

— Пригласить все же намного удобнее, чем спать в кресле, — признался Кирилл и лег на самом краю кровати.

Ветер за окном раскачивал ветку сосны, и она скользила по стеклу, словно моечная швабра.

— У нас с тобой странные отношения, — вдруг произнесла Вера. — Я все время думаю о том, что ты меня ненавидишь... Жаль, что мы с тобой не встретились просто так, как два лыжника.

— Я тоже об этом думал.

— И что же нам делать?

— Выставить из этой комнаты все наши проблемы. Пусть ждут под окном до утра.

— А они согласятся?

— Силой заставим.

Они робко коснулись друг друга, и Вера поцеловала его прямо в губы.

А за окном медленно опускались хлопья снега, отчего казалось, будто комната плавно поднимается вверх, к остропиким вершинам.

Глава 49

Глобус откинулся на спинку стула, скрестил на груди руки, обвел взглядом стол, неуверенным движением потянулся к бутылке, но наливать передумал. Он понимал, что становится смешным, похожим на Кису Воробьянинова, и пожалел о том, что зашел в этот ресторан. Но огромные деньги, которые пухлыми пачками были рассованы по всем его карманам, навязывали ему свою волю и свои законы.

...Джон перестал стонать еще задолго до того, как показались огни «Ковчега». Глобус ждал этого момента, и потому ехал медленно, плавно огибая встречные деревья. Он остановился, заглушил мотор, выключил фару и некоторое время стоял неподвижно, привыкая к темноте. «В больницу его везти, как же! — подумал он. — И буду я там, заикаясь, рассказывать про медведя. Врачи даже не станут меня слушать — сразу позвонят в полицию. А те возьмут за шкурку и скажут: «Показывай своего медведя!» И что я им покажу? Двор охотничьего приюта с трупами? Нет уж, дудки! Пусть Ирина Юрьевна сама расхлебывает, что заварила».

Когда лунного света стало достаточно, чтобы отчетливо видеть привязанное к сиденью тело, Глобус склонился над ним, отвязал ремни и стал

обыскивать карманы. Двадцать пять тысяч баксов, ровно половина того, что они отобрали у рыжей девчонки, тугой пачкой лежали во внутреннем, «по-тайном» кармане куртки. Глобус вытащил их и сунул себе за пазуху. Потом посадил покойника на сиденье верхом, опустил его голову и плечи на руль и натянул край рукава куртки на рычажок скорости. Тугая резинка рукава крепко придавила рычажок, и, когда Глобус завел мотор и сбросил сцепление, снегоход медленно покатился по просеке вниз, увозя на себе мертвеца.

Он не стал провожать дружка в последний путь, умыл руки и лицо снегом и пошел по сугробам к гостинице...

Теперь Глобус сидел за столом, заваленным тарелками с едой, и думал об Ирине. Он понимал, что сжег мосты, что обратной дороги нет, но не испытывал по этому поводу особой грусти. Ирина Юрьевна, казавшаяся ему раньше непотопляемым айсбергом, теперь представлялась идущим ко дну «Титаником». Ее подвела беспредельная жадность, и она допустила несколько роковых ошибок. Какого черта, спрашивается, она от имени Курги заставила Лешку вымогать деньги у Анатоля? Зачем связалась с рыжей девчонкой? Ради чего сложили головы трое преданных ей парней? И, наконец, чем она думала, когда поручила своему однокласснику «замочить» своего же одноклассника? Накрутила, напутала, по горло вляпалась в дерьмо — не распутаться, не отмыться.

Глобус все же налил себе и поддел вилкой тонкий ломтик белоснежной осетрины. Он хотел выпить за души погибших «братков», но умудренная жизнью официантка приблизилась к нему и, «в связи с тем, что касса закрывается», попросила его рассчитаться.

— Баксами возьмешь? — спросил Глобус и сунул руку в нагрудный карман.

— Да, — неуверенно произнесла официантка, часто заморгала глазами и, комкая в руке счет, пересчитала сумму по курсу: — Четыреста семнадцать долларов.

Невозможно было отсчитывать в кармане, поэтому пришлось вытащить всю пачку, запаянную в пленку. Официантка пристально следила, как он вскрыл упаковку зубами, затем вытащил пять купюр и, поднимаясь из-за стола, небрежно бросил:

— Сдачи не надо.

Официантка взяла в руки деньги, внимательным взглядом посмотрела на них и голосом, не предвещавшим ничего хорошего, проговорила:

— Что вы мне даете?

— Как что? — удивился Глобус. — Разве я ошибся? Сколько я там отслюнявил?

— Не важно, сколько, важно — что... — Она вдруг повернула голову к барной стойке и громко выкрикнула: — Коля! Кликни охрану, пожалуйста!

Глобус ровным счетом ничего не понял. Он попытался взять из рук официантки одну купюру, чтобы лучше рассмотреть ее номинал, но она рявкнула:

— Сидеть!!

Посетители подняли головы от своих тарелок и стали смотреть, как будут разворачиваться события дальше. Музыка притихла. Музыкант в микрофон попросил всех соблюдать спокойствие...

В отделении полиции Глобуса обыскали, и все, что нашли в карманах, выложили на стол.

— Ваши деньги? — спросил его лейтенант, показывая на пачки долларов.

— Мои, — подтвердил Глобус и тотчас начал придумывать легенду, откуда он их взял.

Полицейские, присутствовавшие при обыске, стали бесцеремонно вскрывать упаковки, перелистывать купюры, смотреть через них на свет, при этом качали головами и говорили: «Грубая работа... Цветной ксерокс... А бумага-то — почти туалетная!»

Глобус похолодел от страшной догадки, но не хотел в нее верить. «Неужели фуффло подсунула? — подумал он о Гончаровой. — Вот же гадюка!»

— Ну, посмотрите сами, — с мягкой улыбкой произнес лейтенант, протягивая Глобусу несколько купюр. — Разве это деньги?

Рассматривая купюры, Глобус щурился, тер глаза и уже понимал, что очень жестоко попался. Ирина Юрьевна рассчиталась с ним и несчастным Джоном фальшивыми баксами. Точнее, эти грубые подделки нельзя было назвать даже «фальшивками» — обыкновенная ксерокопия ужасного качества на ужасной бумаге...

Он схватился за голову. Полгода назад за сбыт фальшивых долларов попался его приятель. Дали на всю катушку — восемь лет с конфискацией. Значит, та же участь ждет и его. Ему вдруг стало так плохо, что впору было умереть.

— Откуда у вас это? — спросил пожилой следователь.

Глобус попытался взять себя в руки, чтобы потом горько не жалеть о первой записи в протоколе. Надо изложить все четко, чтобы не подкопались. Значит, девушка в красном комбинезоне. С нее начать. Она сообщница Курги и должна была передать ему деньги от мужа заложницы. А заложница находилась в охотничьем приюте вместе с его хозяйкой Ириной Гончаровой. А он, Глобус, обязан был обеспечить безопасность своей хозяйки, которая приказала его товарищу найти на «вышке» девушку в красном и взять у нее деньги того самого мужа... чтоб ему неладно было! Выходит,

эти фальшивые доллары сам Анатолий и подкинул?.. Тьфу, сплошная путаница! Да чтобы только в общих чертах пересказать всю эту историю, ночи не хватит!

— Ну? — терпеливо напомнил о себе следователь и стал ковыряться в пепельнице, отыскивая более-менее свежий окурок.

— Мне их дала Ирина Юрьевна Гончарова... — поднял на него глаза Глобус.

Услышав фамилию Гончаровой, следователь переглянулся с опером и торопливо спросил:

— Так... Ну и что? Где и при каких обстоятельствах вы с ней встретились?

— В охотничьем приюте, — проглотив воздух, ответил Глобус.

— Мгм, — произнес следователь, смахнул ладонью пепел со стола, потом взял паспорт задержанного, пролистал и протянул ему:

— Держите!

Опер поднялся со стула, опустил ладонь на спину Глобусу и сказал:

— Пошли.

«Вот и все! — с ужасом подумал бедолага. — В камеру ведут!»

Но опер вывел его из отделения на ночную улицу, посмотрел на небо, подставил под снежинки ладонь, затем, широко зевнув, проговорил:

— Смотри, больше на такой ерунде не попадайся! — и захлопнул за его спиной дверь.

«Знать бы, что все это значит», — подумал Глобус, поднимая воротник кожанки.

Оперативник тем временем поднялся в кабинет своего коллеги и, садясь на скрипучий стул, покачал головой:

— И все-таки я не понимаю их замысла.

— Я тоже, — ответил следователь, пуская дым в потолок. — Но приказ есть приказ. Надо на посты передать фамилию этого лысого, чтоб под любым предлогом его задержали, если вдруг надумает из Эсто-Садка умотать. Лучше перестраховаться лишний раз, чем потом шлепать губами и писать объяснительные. Правильно я говорю? — И он принялся крутить диск телефона.

Глава 50

Буфет для постояльцев еще не был построен, и хозяйка предложила позавтракать на ее кухне. Но там было так душно и тесно, что Кирилл и Вера решили перекусить по дороге.

Он крутил руль, а она подносила к его рту то пучок зелени, то хлебный мякиш, то кусочек холодной говядины. Радио передавало о приближении мощного снежного фронта и лавинной опасности.

Кирилл притормозил у почтового отделения, на двери которого висела табличка «КСЕРОКС-ФАКС», и они вышли из машины.

Зайдя в зал, Кирилл сразу направился к окошку и спросил у женщины, дремлющей на выдаче денежных переводов:

— Где начальник почты?

— Начальник? — переспросила она. — А вы по какому вопросу?

— Вопросы задавать буду я, — ответил он и взмахнул перед лицом женщины красной корочкой охотничьего билета. — Уголовный розыск!

— Сейчас позову! — подскочила со стула женщина и, повязывая на талии теплый платок, засеменила к служебному входу.

— Похоже, — шепнула Вера, украдкой целуя Кирилла. — А ты действительно работал в уголовном розыске?

Тут в зал вышла сухенькая женщина с черными маленькими глазками, с замаскированной фиолетовыми чернилами сединой и пронзительно накрашенными узкими, как у пираньи, губами.

— Я вас слушаю, — голосом, полным достоинства, пропела она, глядя то на Кирилла, то на Веру.

Кирилл выдержал долгую паузу, глядя на начальницу взглядом судьи, готового зачитать приговор, и, протягивая ей полароидные фотографии, спросил:

— Что-либо подобное вы отправляли со своего факса?

Начальница оперлась руками о стол, недолго рассматривала снимки, причмокивая губами и качая головой, и вдруг пронзительным голосом базарной торговли позвала:

— Ва-а-аля-а-а!

Валей оказалась та самая женщина, которая забыла, когда последний раз выдавала денежный перевод. Начальница кивнула на фотографии и протокольным голосом спросила у нее:

— Ты что-нибудь подобное отправляла?

По выражению ее лица Кирилл сразу понял, что она узнала их, и у него сразу отлегло от сердца.

— Советую вам рассказать всю правду, — тихо проговорил он.

— Да, вчера, вы знаете, он сказал, что это срочная кинопроба, у меня даже мыслей не было, все законно, квитанцию выдала... — быстро и невнятно забормотала Валя, продолжая пялиться на снимки. — Так откуда ж я знала, у нас по инструкции никаких ограничений, разве что матерные слова или порнография...

— По какому номеру вы отправили снимок? — перебил ее Кирилл.

— Да, да, сейчас, в памяти все осталось! — заверила Валя и кинулась за стойку. — Записывайте... Восемь, девятьсот два, шестьсот девяносто шесть...

Едва они вышли на улицу, Вера повисла у Кирилла на шее.

— Чему ты радуешься, дуреха? — усмехнулся он.

Сев в машину, Кирилл перекрестился и набрал на мобильнике номер. Прошло не менее пяти гудков, пока абонент ответил, и он сразу узнал голос. Это была Гончарова.

Глава 51

Ирина еще лежала в постели, когда запиликал ее мобильный телефон. Она загасила сигарету, встала с постели, посмотрела на себя в зеркало и только потом включила трубку.

— Ирина, привет! Это я! — раздался чей-то жизнерадостный голос.

— Кто??

— Вацура в пальто!

— Слушаю тебя, Вацура в пальто, — произнесла она, зевая.

— Догадайся, откуда я звоню? С почты! И здесь мне выдали письменное подтверждение, что вчера по факсу на твой номер была отправлена фотография, запечатлевшая сцену насилия в отношении Веры.

— Поздравляю тебя, — ответила Ирина. — Но я не поняла, что ты от меня хочешь? Денег?

Ее не слишком сильно огорчил звонок Вацуры. Можно было сказать, что он вообще ее не огорчил. Ну и что? Подумаешь, девчонку сфотографировали на фоне кирпичной стены и скрещенных лыж. Ирина уже не собирается отрицать, что получила этот снимок по факсу, а затем показала его Курге. Это называется ответным ударом, мерой психологического давления на террориста. И пошла она на это ради того, чтобы спасти жизнь своим одноклассникам и заставить Кургу отказаться от преступных замыслов.

Ирина пожелала Вацуре удачи в его деятельности, отключила телефон и подумала, что надо немедленно звонить в полицию и сообщать об угоне «лексуса». Лишние сети не помешают. Зато Вацура будет чувствовать себя в поселке, как волк в загоне, и немного поубавит свой пыл.

У нее начала болеть голова. Все от переживаний! А ведь проблема выеденного яйца не стоит! Вешний — не дурак, он заинтересован в том, чтобы его как можно дольше считали умершим, поэтому о нем можно накрепко забыть. Предсмертное признание Курги станет основным и решающим документом в уголовном деле по убийству Земцова. Люда давно морально

созрела, чтобы дать показания следователю об убийстве Пирогова. Вацуру привлекут за угон «лексуса». Каждый займет положенное ему место.

Она умылась, растерла лицо полотенцем и нанесла питательный крем... Немного настораживает то, что не дает о себе знать курьер из Амстердама. Он обязан был позвонить ей сразу же, как только вывезет из России «меченые» доллары. Ирина приказала позвонить сразу же, как он выйдет из здания аэропорта и сядет в такси. Расшаталась дисциплина, легкие деньги разбаловали сотрудников. Пора вводить жесткие меры, беспощадно наказывать за низкую исполнительность и увольнять бездельников.

А негодяй Глобус? Струсил, сбежал! Как легко Ирина спрогнозировала его предательство. Хорошо, что не рассчиталась с ним настоящими долларами, а то оставил бы он ее с носом. Она может ошибаться, никто не застрахован от ошибок, но никто и никогда не сможет ее обмануть и заманить в ловушку. Никто и никогда!

Ирина еще не вполне отошла от сна и ходила по комнате, как привидение: возьмет спортивную курточку со стула и перенесет ее на другой стул. Сядет на край кровати, посидит. Потом возьмет с зеркальной полочки тюбик с кремом и положит его на стол... Совсем голова не варит. Может, выпить кофе? А еще лучше коньячку!

Она ногой вытолкнула из-под кровати сумку и кинула в нее спортивный костюм. Главное — ничего не забыть. Кроссовки, туфли, ноутбук, деньги, платье... Но все же почему не звонит курьер Самарский?.. Полный хаос в голове, надо привести мысли в порядок.

Ирина вынула из саквояжа плоскую фляжку, обшитую оленьей шерстью, свинтила металлическую пробочку и сделала глоток. «Мартель» приятно обжег горло и теплой волной покатился к сердцу... Сумка у нее, конечно, не тяжелая, но идти одной через лес не позволяет статус. Надо сказать этому подонку Анатолю, чтобы проводил. Последний мужик остался в охотничьем приюте. И куда только все подевались?

Глава 52

Электронное табло прошелестело металлическими лепестками, и в нижней строке списка обозначилось «Amsterdam». Объявили посадку. Самарский, между тем, спешить на пограничный контроль не стал, все равно там сейчас начнется толчея.

Он заказал в буфете кофе, встал за столиком, глаза на пассажиров и зажав плоский кожаный портфель между ног. Две пышнотелые женщины с тяжелыми баулами носились по залу, расталкивая пассажиров. Группа

молодых мужчин с крашеными волосами и серьгами в ушах плавной походкой двигалась к посадочной секции. Взволнованные и счастливые мужчина и женщина торопливо снимали с себя куртки и свитера. Оставшись в джинсах и футболках, они отдали теплую одежду увальню, который с завистью смотрел на них и играл автомобильными ключами. «Там будет жарко! — крикнули они, небрежно махая ему руками. — Не забудь привезти, когда встречать приедешь!»

«Кстати, — подумал Самарский. — А какая температура в Амстердаме?»

Он чувствовал прилив энергии и положительных эмоций, как всегда во время поездок за границу. Кофе, который он пил, был отвратительным и безумно дорогим, но даже это не вызывало досады, потому что контрастом всему этому было совсем близкое будущее. Там другой мир, там нет нашей бестолковщины, жульничества и обмана. Там он будет пить самые вкусные и качественные напитки, там его будут окружать люди, привыкшие все делать на совесть, открытые и честные, и все, к чему он там будет прикасаться, будет радовать своей натуральностью.

Так Самарский думал о предстоящей встрече со столицей Нидерландов, и его ничуть не смущал тот факт, что он сам летел в Амстердам ради жульничества и обмана. Обычный на вид портфель, который он крепко сжимал между ног, имел двойные стенки, и пустоты были плотно забиты пачками «меченых» долларов. В аэропорту прибытия Самарского встречал человек, который должен был обменять доллары на договор между австрийской дорожно-строительной фирмой «Грунд» и никому не известным краснодарским «Кавказстроймашем». Согласно этому договору, австрийцы обязались приобрести у своих партнеров несколько тысяч штук давно устаревших и малопригодных водяных насосов.

Эту сделку Ирина Юрьевна подготовила еще год назад, обозначив ее конспиративным названием «вариант 3». Самарский был осведомлен, что «вариант 3», как и «вариант 2», а также «вариант 1» в просторечии называется «отмыванием» денег. Знал также, что Гончарова потеряет на этой сделке около сотни тысяч долларов, зато получит из-за границы легальные, лишённые каких бы то ни было меток доллары, и, конечно, ему было известно, что «меченые» баксы пойдут на предвыборную кампанию какого-то скандального европейского политика.

Допив кофе, он прошел в зону «зеленого коридора» походкой уставшего от загранкомандировок человека и небрежно положил перед женщиной заранее заполненную таможенную декларацию, в которой из наличной валюты было указано всего триста долларов, зато добросовестно перечислены обручальное кольцо, держатель галстука и зубные коронки из золота триста восемьдесят шестой пробы. Отпустил ей комплимент по

поводу ее красивой формы и недоуменно вздернул вверх брови, когда женщина вежливо попросила его пройти в служебное помещение.

Самарский еще не верил, что уже вляпался. По опыту он знал, что таможенники никогда не станут вспарывать сумки и чемоданы от скуки или из-за служебного рвения. О предстоящей контрабанде таможенные службы обычно знали заранее. Но он был уверен, что «чист», что на таможне «трясут» лишь неумелых нигерийцев, провозящих героин в собственных желудках, да зарвавшуюся «золотую» молодежь, которая в качестве европейских сувениров привозит в Шереметьево марихуану и экстази.

«Это недоразумение», — особо не волнуясь, думал Самарский. Но он ошибся. В маленькой комнате, большую часть которой занимал огромный стол, его встретили несколько человек в форме и в гражданских костюмах.

— Этот портфель принадлежит вам? — спросил один из таможенников.

У Самарского все внутри упало. Он кивнул и почувствовал, как начинают неметь и терять чувствительность руки. Ему что-то говорили, о чем-то спрашивали, а у него в голове кружилось лишь одно слово: «Попался... Попался...»

Понятые с любопытством смотрели, как таможенник открывает портфель и выкладывает на стол бритвенный набор, бутылку водки, детективчик, купленный в аэропорту, комплект запасного белья и фотоаппарат-мыльницу. Самарскому было ужасно стыдно, что посторонние люди прощупывают и осматривают его трусы и носки, и он мысленно молился: «Может, не найдут? Скажут: «Приносим вам свои извинения!» А я отвечу: «Ну что вы! Я же все понимаю — служба!» И они расстанутся с улыбками. После чего он быстро пройдет пограничный контроль, а оттуда — сразу на трап. А в салоне самолета расслабитесь, закажет коньяку и, закрыв глаза, прочитает молитву.

Он уже почти поверил, что так и будет. Таможенник, опустошив его портфель, вроде собрался сложить вещи обратно, и Самарский, дабы не беспокоить ерундой столь ответственное служебное лицо, пролепетал:

— Давайте, я сам все уложу!

Но таможенник с непроницаемым выражением лица ответил:

— Секундочку...

Когда в его руке появился маленький складной ножик, Самарский понял, что чуда не будет. Какая-то женщина расчехлила лабораторный микроскоп и установила его на краю стола, ближе к окну. Таможенник ловко подрезал прошивочные нитки портфеля и, особенно не церемонясь, оторвал боковую стенку. «Они все знают! — с ужасом подумал Самарский. — Но этого быть не может! Откуда они могли узнать, что я повезу меченые баксы?! Значит, Ирина провалилась! Ее взяли!»

— Прошу обратить внимание! — сказал таможенник понятым и разложил портфель на столе как открытую книгу. Затем отошел на шаг, чтобы всем были видны пачки долларов.

— Это ваши деньги?

Самарский не знал, что ответить. Он уже с трудом держался на ногах. Женщина распечатала пачку долларов, вложила одну купюру под объектив микроскопа, прильнула к окуляру.

— Пожалуйста, посмотрите, — предложила она понятому. — Какую надпись вы видите?

— «Контролируется... — медленно, боясь ошибиться, прочитал понятой, — экономической... контрразведкой ФСБ».

Самолет, наверное, уже приземлился в Амстердаме, когда Самарского привезли в кабинет к следователю. По дороге он придумал «легенду» и решил стоять на ней до конца.

— Я купил этот портфель на вьетнамском рынке, — произнес он твердым голосом.

— Когда? — вкрадчивым голосом спросил следователь — рослый мужчина с обширной лысиной, с мешками под пытливыми рысьими глазами. Он плавным движением подносил к губам сигарету, глубоко затягивался, выдувал дым вниз, на стол, и ни на секунду не сводил глаз с Самарского.

— Месяц назад, — лихо солгал Самарский.

— Сможете узнать продавца?

— Да что вы! Они же все одинаковые, узкоглазые, малорослые.

Следователь кивнул, будто соглашаясь с ним, и Самарский почувствовал себя более уверенным. Но — не надолго.

— Вот, пожалуйста, прослушайте, — сказал следователь и нажал на кнопку стоящего рядом с ним диктофона.

Сначала что-то зашипело, потом раздались длинные гудки, а затем Самарский с ужасом узнал свой голос: «Да, слушаю!.. Говорите же!» «Артур, слушай внимательно! — ответил какой-то странный голос, искаженный компьютером. — Мне только что звонила Ирина. В нашу наличку попали меченые баксы. Ты должен срочно, за одну ночь, проверить под лупой каждую купюру...» «Но этого не может быть! — это уже голос Самарского. — Я лично...» «Найди среди них меченые и будь готовым вывезти их по третьему варианту в Амстердам! — безостановочно звенел компьютерный голос. — Завтра я передам тебе письмо с подробной инструкцией...»

У Самарского пот выступил на лбу. Следователь положил перед ним два листа и пояснил:

— Это постановление о прослушивании ваших телефонных разговоров, а это — протокол расшифровки.

«Попался... попался...» — снова закружилось в голове Самарского. Он сразу вспомнил этот телефонный разговор, если, конечно, его можно было назвать разговором. Звонил главбух, имевший привычку записывать свои сообщения на компьютер и искажать свой голос до неузнаваемости... Самарский читал текст постановления и никак не мог понять, что в нем написано. «Если начали прослушивать, значит, кто-то настучал ментам про меченые баксы... кто-то заложил нас... — думал он, вытирая платком лицо. — Но кто это мог сделать? Кто-то раскусил Гончарову на встрече с одноклассниками и донес в органы...»

А следовательно все так же молча курил и не сводил своих рысьих глаз с мокрого лица Самарского.

Кровь на его губах уже подсохла, превратившись в черствые корочки, но, когда он сплевывал, слюна была красной и тягучей. Белкин лежал на чердаке сарая, на пыльном, почти утратившем свой прежний аромат сене, и сжимал в руках ружье. Патрон со свинцовым жаканом уже сидел в стволе. Пружина была сжата. Боек нацелился на капсюль. Через маленькое треугольное окошко, завешенное тюлем из пыли и паутины, он смотрел на освещенный лунным светом двор. Рядом с беседкой темнела медвежья туша. У распахнутых настежь ворот лежал труп Земцова. «Сколько он уже здесь лежит? Третьи сутки?»

Ему казалось, что с того момента, как они приехали в охотничий приют, прошло, по крайней мере, не меньше недели. Трудно было разложить события по порядку. Где был день, а где была ночь? Что сейчас — поздний вечер или раннее утро? Кто вокруг — друзья или враги? И неужели их всех когда-то объединяла любовь и дружба?

Он уже успел разогнуть ржавые гвозди на штакетнике, снять треугольное стеклышко и выставить наружу ствол ружья. Холодный воздух свистел в треугольной амбразуре. Белое голубиное перо, застрявшее в углу прорези, трепыхалось на сквозняке. Сколько прошло времени, как он залез на чердак? Час? Два часа? Или сутки? Чепуха, не имеет значения. Он будет лежать здесь и ждать до тех пор, пока не получит утоления кровью.

Никакого волнения, никакой дрожи в руках. Он уже все твердо решил, уже смирился с будущим, которое сам себе уготовил. Все равно отступить некуда, мосты сожжены: пистолет, который лежит на буфете под тряпкой, уже определил его судьбу. Он нарочно оставил на нем свои отпечатки пальцев. Пусть так будет.

Скрипнула дверь, кто-то вышел из дома. Белкин вытянул шею и посмотрел через отверстие на двор. Она! Накинув на плечи шубу, неторопливо идет к кухне. Он остановил дыхание, опустил палец на спусковой крючок,

подвел мушку к ее голове и начал плавно давить на курок. «За Земцова, за Пирогова, за Людку...» Еще мгновение, и пламя швырнет тяжелый жакан в затылок Ирине, и она ничком повалится на снег.

— Не надо играть в киллера, Федя! — вдруг услышал он за своей спиной страшно знакомый голос, резко привстал, обернулся, но смог различить лишь черный силуэт.

— Кто это? — спросил он неживым голосом, щуря глаза.

— Твой судья... Пойдем, поможешь мне праздничный стол накрыть.

Белкин торопливо сунул руку в карман, вынул зажигалку, высек пламя и поднял его над головой.

Он подумал, что сошел с ума.

Глава 53

— Человек — все равно, что рыба, — говорил Кирилл. — Заглатывает наживку и не знает, что уже на крючке.

Они медленно ехали по улицам поселка. Вера, открыв бар, изучала его содержимое.

— Так его еще надо заставить схватить наживку... Хочешь мартини?

— Нет человека, который бы не держал наживку во рту, — возразил Кирилл. — Главное, разглядеть в ней крючок, а потом нащупать лесочку, и по ней добраться до удочки, а оттуда уже — на бережочек. И тащить.

— Ты умеешь так делать?

— Сейчас посмотрим, — ответил Кирилл, останавливая машину у продуктового магазина.

— Не думаю, что Вешний настолько глуп, чтобы оставить свой адрес какой-то малознакомой продавщице, — с сомнением покачала она головой.

Они приблизились к окну магазина, посмотрели через стекло на прилавки, а затем друг на друга.

— Не она, — уверенно сказала Вера.

— К сожалению, не она, — подтвердил Кирилл. — Видимо, это ее сменщица.

— Подождем до завтра?

— Зачем? Сыграем на ее зависти и стремлении насолить сменщице.

— С чего ты взял, что она ей завидует?

— Прилавки у них один? Условия работы одни? А Вешний почему-то достался первой, а не второй. Несправедливо!

— Конечно, несправедливо! А что мы ей скажем?

— Придумаем по дороге, — ответил Кирилл, открывая тяжелую дверь магазина на ржавой пружине.

Круглолицая продавщица памятником стояла за прилавком. Перед ней лежал хлебный лоток, в котором ничего не было, кроме картонной таблички с надписью «Весь хлеб свежий, руками не лапать!»

— Иди сюда! Не плачь! — подозвал Кирилл отставшую Веру, притянул ее за руку и подтолкнул к прилавку. — Здравствуйте! — поздоровался он с продавщицей. — Это жена Андрея. Мы его уже второй день разыскиваем. Только вы можете нам помочь.

— Какого еще Андрея? — неожиданно тонким голосом спросила продавщица, не выказывая при этом ни малейшего интереса.

— Как? Разве вы его не знаете? Высокий, кучерявый блондин. По нашим данным, он вчера встречался с вашей коллегой.

— С какой еще коллегой?

— Которая стояла за этим прилавком вчера, — пояснил Кирилл.

Несколько секунд в голове продавщицы шла переработка информации. Наконец ее глаза ожили — продавщица увидела в ближайшей перспективе возможность тонко нагадить сменщице. Она перевела взгляд на Веру, оценивающе посмотрела на нее и скривила губы:

— Так вы... э-э-э... жена?

— Жена, — полным трагизма голосом ответила Вера.

— Ага, — кивнула продавщица, не слишком стараясь справиться с губами, которые расползались в нехорошей улыбке. — Есть у меня ее домашний адресок, есть, конечно... Очень может быть, что вы найдете у нее своего мужа. Очень может быть... Адресок я вам дам, но с одним условием: обо мне — ни слова. Вы меня не видели, в магазин не заходили.

— Если бы люди не желали зла своему ближнему, — философски изрек Кирилл, выходя из магазина, — мы бы потерялись на этой земле... Нам нужно купить ленту скотча. У меня была, но кончилась. Я ведь не знал, что она здесь так хорошо пойдет. Рассчитывал лишь разок замотать морду медведю, чтобы челюсть не отвисала, а здесь оказалось столько морд! Охота на медведя, придется признать, накрылась медным тазом. Остается довольствоваться охотой на людей. Но это почти одно и то же. Я пришел к мысли, что разница только в моральном аспекте.

— Ты хочешь сказать, что охотиться на человека безнравственно?

— Ошибаешься, — ответил Кирилл, разворачиваясь в обратном направлении — дом, где жила продавщица, находился недалеко от «вышки». — Безнравственно убивать зверей, потому как они не могут быть плохими. А человек бывает настолько переполнен пороками, что впору выдавать лицензии на отстрел негодяев.

Вера смотрела на него с испугом и интересом.

— А теперь давай поговорим о деле, — сказал Кирилл, провожая взглядом ослепительно красивую горнолыжницу в оранжевом комбинезоне и с аква-мариновыми «альпинами» на плече. — Ты хорошо представляешь, насколько опасен Вешний?

— Хорошо, — ответила Вера странным тоном и отвернулась.

Кирилл так и не понял, отчего в ее голосе появился холодок. У него даже мысли не было, что Вера уже вправе ревновать.

Он не стал близко подъезжать к дому, свернул с дороги на обширную галечную отмель, засоренную плавунами, и заглушил двигатель. Несколько минут они молча сидели, глядя на шумную реку, покрытую белыми бурунами.

— Скорее всего, его здесь нет, — сказал Кирилл, не желая напрасно обнадеживать девушку. — Но продавщица может признаться, когда он у нее был, когда и куда ушел. Мне она вряд ли что скажет. А тебе, если хорошо сыграть ревность и возбудить бабскую солидарность, может выдать многое. Ты сможешь сыграть ревнивую жену?

— Запросто, — серьезно ответила Вера.

Они вышли из машины и, балансируя на качающихся булыжниках, двинулись по пляжу.

— Ни за что не заходи внутрь, — предупредил Кирилл. — И постарайся заболтать хозяйку. Если вдруг увидишь его — сразу разворачивайся и беги к машине.

Забор, сложенный из крупной гальки, опоясывал небольшой двор и одноэтажный блочный дом, здорово смахивающий на магазин. В почве, напичканной камнями, ничего не росло, кроме ранней травы, зато хозяйка дома отвела душу на дешевом строительном материале. Из речной гальки была выложена летняя кухня с крытым мангалом и жаровней, беседка с тростниковым зонтиком, альпийская горка и даже собачья будка. Свирепый пес, проверяя цепь на прочность, начал драть голосовые связки, едва Вера зашла во двор.

Кирилл тем временем перемахнул через забор с тыльной стороны, где шумел спадающий с горы ручей. Прижимаясь спиной к стене, он дошел до угла, откуда мог наблюдать за Верой. Девушка поднялась на крыльцо и постучала в дверь. Потом ударила по ней кулаком. Кирилл прижался к стене ухом, надеясь что-нибудь услышать. Шторы на окнах даже не шевельнулись. Никто в доме не подавал признаков жизни, кроме пса.

Вера развела руками и погрузилась. Но только она хотела сказать, что крючок оказался ржавым, а леска порвана, как за дверью раздался металлический звук, дверь приоткрылась, и показалась нечесаная голова опухшей от сна молодой женщины. Кириллу пришлось приложить макси-

мум воображения, чтобы узнать в ней продавщицу, с которой любезничал Вешний.

Вера, отступив на шаг, подбоченила руки и посмотрела на продавщицу, как на дешевый товар с вьетнамского рынка.

— М-да, — произнесла она многозначительно. — Мой дорогой остался верен своим вкусам. Десять лет одно и то же. Ни кожи, ни рожи...

Ничего не понимающая продавщица часто моргала, морщилась и зябко поводила плечами.

— Что вам надо? — с раздражением спросила она.

— Ты знаешь, — весело произнесла Вера, поправляя волосы на плечах, — я вспомнила один анекдот. Я жена, мне положено, а вот ты ради чего с ним мучаешься?

— Послушайте, — настороженно проговорила продавщица, — вы уверены, что пришли по адресу?

— Да ладно тебе!.. Скажи честно, что он пообещал? Что женится на тебе, да? Возьмет в жены такую вот красавицу, что без слез смотреть невозможно? Ты на себя в зеркало последний раз давно смотрела? Или предпочитаешь смотреться в лужи?

— Может, мне вызвать полицию? — на всякий случай спросила продавщица.

— Вызывай. Пусть менты потешатся. Наверное, им не часто приходится видеть, как жена из чужой постели своего мужа вытаскивает... Ты хорошо его кормила? Он у меня хоть и худой, но пожрать любит. Особенно за чужой счет.

— Все, что вы говорите, конечно, очень смешно, — не растерялась продавщица, — но я все-таки не понимаю, о чем вы?

— Сейчас поймешь, — пообещала Вера.

Кирилл уже собрался пролезть в окошко, как вдруг услышал хлопок. Он кинулся к крыльцу и остолбенел: дверь в дом была закрыта, ни Веры, ни продавщицы на крыльце не было. «Сама зашла, — промелькнула в голове мысль, — или ее туда затащили?»

Он развернулся и снова побежал за угол, запрыгнул на подоконник и головой вперед нырнул в окошко. Приземлился на мокрый кафельный пол, чувствительно ударившись спиной о раковину умывальника. Вскочил на ноги, вытащил из-за пояса пистолет и приоткрыл дверь. Кажется, его проникновение в дом прошло никем не замеченным.

От прихожей его отделяла открытая настежь дверь, оттуда раздавались голоса.

— Ладно, хватит пургу нести, — говорил Вешний. — Рассказывай, кто тебя сюда прислал?

— Ошибочка вышла, — отвечала Вера. — Думала, что вы мой муж, а оказалось, что чужой...

Кирилл выглянул из-за косяка. Вешний, одетый только в спортивные брюки, упирался в стену широко расставленными руками. Между ним и стеной стояла Вера с малиновыми щеками. Продавщица, прижимая руки к груди, подпирала собой входную дверь.

— Давай все сначала и по-хорошему, — на удивление миролюбиво произнес Вешний. — Кто тебя сюда прислал?

Кирилл быстро оценил обстановку. Оружия у него нет. Никаких колющих и режущих предметов поблизости не заметно. Главное, чтобы он не успел схватить Веру за горло.

— Я ее сюда прислал, — сказал Кирилл, выйдя из-за косяка. Он встал на пороге и направил пистолет в лоб Вешнему.

Продавщица взвизгнула и почему-то стала оседать на пол. Вешний повернул голову, и в этот момент Вера сильно оттолкнула его от себя и кинулась к Кириллу.

— Батюшки! — протянул Вешний, едва удержавшись на ногах. — Кирилл Вацура! С пистолетом! Кирюха, дорогой, неужели это мы с тобой привязывали майского жука над головой исторички?

— К стене, и руки за голову! — выкрикнул Кирилл и выстрелил в потолок. Оглушительный звук ударил по ушам. Продавщица снова завизжала. Вешний, побледнев, что-то пробормотал и, нехотя повернувшись лицом к стене, уперся в нее руками.

Кирилл передал пистолет Вере, а сам принялся туго стягивать скотчем руки Вешнего.

— Надеюсь, по старой памяти ты не причинишь мне физических и моральных страданий? — спросил Вешний.

— У тебя насморка нет? — спросил Кирилл.

— Что? При чем здесь насморк?

Не отвечая, Кирилл схватил Вешнего за кудрявые волосы, запрокинул его голову назад и наклеил ему на рот кусок липкой ленты. Вешний замычал, пытаясь что-то сказать, но Кирилл уже перевел внимание на продавщицу:

— Наденьте на него что-нибудь.

Та по стеночке выскочила из прихожей и через минуту вернулась со свитером, который торопливо натянула на Вешнего. Пустые рукава Кирилл связал на его груди, потом осмотрел со всех сторон и удовлетворенно кивнул.

— Успокойтесь, — сказал он продавщице, которая дрожащими руками натягивала на ноги любовника носки и была близка к нервному обмороку. — Этот человек — убийца, и мы пришли сюда, чтобы сдать его полиции.

Надо было видеть, какими глазами женщина посмотрела на Вешнего! Тот промычал, отрицательно покачал головой и шумно выдохнул воздух через ноздри.

Вера подогнала машину к дому. Кирилл вывел Вешнего, толкнул его на заднее сиденье, заставил лечь и перетянул скотчем его ноги.

— Порядок, — сказал он, садясь за руль, и повернулся к Вере: — Ну что? В полицию?

— Я думаю, что именно туда, — согласилась Вера. — Если мы привезем его в охотничий приют, Ирина сделает все возможное, чтобы его прикончить и снова кинуть тень на брата.

Вешний что-то промычал.

— Не хочет в полицию, — по-своему понял его Кирилл и, взявшись за рычаг передач, тронул машину с места.

За очередным поворотом неожиданно показался полицейский «жигуль», стоящий на обочине. Не успел Кирилл сбавить скорость, как на проезжую часть выскочил постовой и начал часто махать палкой.

— Только этого нам еще не хватало, — пробормотал Кирилл, включая правый поворотник и прижимаясь к обочине.

Постовой перестал махать, глядя под ноги, неторопливо пошел к машине и склонился над окном, стекло которого Кирилл предусмотрительно опустил.

— Документы, — сказал он спокойно, кинув пристальный взгляд на Веру. — И капот откройте.

Кирилл вышел из машины, поднял крышку капота и протянул ему права и регистрационное свидетельство на свой автомобиль «крайслер». Он сам не мог понять, зачем это сделал. Лучше бы сразу признался, что «лексус» чужой.

Полицейский долго изучал документы, несколько раз поднимая взгляд, чтобы сличить лицо Кирилла с фотографией, затем посмотрел на регистрационное свидетельство, но никаких вопросов не задал. Молча вернул документы, обошел машину и, наконец, обратил внимание на лежащего на заднем сиденье Вешнего.

— А что это с ним? Пьяный?

— Нет, — ответил Кирилл, не в силах больше подыгрывать глупой игре. — Это убийца, которого я везу в полицию. Его фамилия Вешний. Два дня назад в охотничьем приюте он убил своего бывшего одноклассника Земцова.

— Убил Земцова?.. — покачал головой полицейский. — Уже совсем проходу не дают эти убийцы! Вконец обнаглели! Эти убийства у нас уже вот где сидят! — Он вздохнул и провел ребром ладони по горлу.

Кирилл смотрел на него, как на сумасшедшего.

— В каком смысле, сидят... — произнес он и судорожно сглотнул. — Так что мне теперь с ним делать?

— А я откуда знаю? — пожал плечами поставой. — Вы его взяли, связали, вы и разбирайтесь с ним... А вообще-то вот что я вам посоветую: возвращайтесь в свой охотничий приют и сидите там. Нечего самодеятельностью заниматься! Тоже мне, Шерлок Холмс нашелся... — Он повернулся и неторопливо помахивая палкой, пошел к своему «жигуленку».

— Ты что-нибудь понимаешь? — обратился Кирилл к Вере, провожая взглядом полицейского. — Что с ними случилось? Дурдом какой-то... В полицию ехать нет смысла, — добавил он, трогаясь с места. — Поехали в охотничий приют. Говоря протокольным языком — на место преступления. И уже оттуда вызовем нормальных сыскарей. Только этого, — посмотрел он на Вешнего, который молча вращал зрачками, — этого придется беречь, как зеницу ока, чтобы Ирина его не расчленила... Так что живи пока, Андрюха!

Глава 54

Анатоль, с легкостью согласившись проводить Ирину до «Ковчега», оказался невыносимо словоохотливым. Только они вышли за ворота и направились по просеке, как Ирина пожалела, что прибегла к его услугам. Не замолкая ни на секунду, он с восторгом рассказывал все ту же историю, как ему позвонил Курга и потребовал двести тысяч долларов, а он, обладая дальновидностью стратега, отпечатал на цветном ксероксе фальшивки, фирменно запаял их в полиэтилен, сложил в рюкзачок пятилетнего сына и уже рано утром был на «вышке».

«Больной какой-то! — думала о нем Ирина. — Жена сохнет в прострации, ожидая расплаты за убийство Пирогова, а он радуется, что удалось сэкономить на Курге».

Она не привыкла молча носить в себе раздражение и уже готова была осадить Анатоля какой-нибудь резкой фразой («Не могли бы вы помолчать, у меня страшно болит голова!»), как вдруг он сам замолчал и остановился, глядя вперед.

По просеке, переваливаясь на подтаявших снежных ухабах, двигался «лексус». Забрызганный грязью, с помятой дверью, он мало был похож на ту машину, в которой Ирина привыкла ездить.

— Полиция, что ли? — произнесла она. — Или... или это мой такой красивый?

Она узнала машину, когда смогла отчетливо разглядеть номерные знаки, и подумала: «Вот и хорошо. До поселка можно будет доехать. А там,

конечно, придется нанять такси». У нее и мысли не было, чтобы на такой грязной и битой машине ехать до самого Краснодара.

— Спасибо, дальше я сама, — сказала она Анатолю, желая поскорее избавиться от него, но он, кивнув, опустил сумку на снег и продолжал рассказывать, какой опасности подвергся, когда скидывал девушке в красном комбинезоне рюкзачок с фальшивыми долларами.

Машина тем временем остановилась рядом с ними. Из нее вышел Вацура, из открывшейся противоположной дверцы появилась Вера.

«Вот как? — удивленно подумала Ирина. — Они до сих пор не в полиции?» — а вслух едко спросила:

— Ну, и как вам моя машина?

— Ничего, — ответил Кирилл, захлопывая дверцу.

— А мне не понравилась, — сказала Вера, состроив недовольную гримасу.

— Это почему же? — с улыбкой поинтересовалась Ирина.

— Слишком узкая. Наш пассажир на заднем сиденье не вмещается. Ему тесно, и он все время сучит коленями. А это знаете как неприятно!

Ирина посмотрела на Кирилла, затем снова на Веру, открыла двери машины и, заглянув в салон, проговорила:

— Так это тебе здесь тесно? Мне очень жаль. Очень... Но не переживай. На тюремных нарах ты точно уместисься.

— Тебе дать зажигалку? — спросил ее Кирилл.

— Что?! Зачем?

— Чтобы ты сожгла признание Курги.

— Вацура, — зло взглянула на него Ирина, — напомни-ка мне: ты и в школе был таким самоуверенным? Или же просто кокетничаешь перед своей очередной подружкой?

— Кокетничает! — подтвердила Вера. — Когда мы ехали сюда, он говорил: сейчас ты увидишь настоящее шоу под названием «Разоблачение зарвавшейся дряни».

Кирилл с удивлением глянул на Веру. С ней происходило что-то невообразимое: губы девушки дрожали, глаза горели мстительным огнем. Она была похожа на боксера, готовящегося в последнем раунде добить своего противника.

Ирина не смогла скрыть, что слова девушки ее задели.

— Вы рано начали веселиться, — сказала она. — Самое смешное наступит тогда, когда на вас наденут наручники.

Она вовремя успела повернуться к Вере спиной: в нее полетел снежок, а затем раздался разгневанный возглас:

— Воровка! Убийца!

Кирилл не без труда затолкал Веру в машину, сел сам и загнал «лексус» во двор, на почтительном расстоянии объехав труп Земцова.

— Ты не горячись, — предупредил он девушку, лицо которой полыхало, словно после бани, — лучше последи за Вешним, иначе Ирина перережет ему горло.

— Не успеет, — легковесно ответила Вера.

Вешний, то ли в знак согласия с Кириллом, то ли возражая ему, замычал и задергался.

Белкин, сидящий в беседке, спокойно наблюдал за машиной. Он грыз семечки, которые методично вынимал из кармана пуховика, и сплевывал шелуху во все стороны. На его лице отразилось удивление, когда из машины вышел Кирилл, но он не поприветствовал его и не пошел навстречу. Ирина тем временем, шагая по ноздреватому снегу, нервно разговаривала по мобильнику с дежурным по отделению полиции:

— ...вы хорошо поняли, что я вам сказала? Я не знаю, где он болтался и что делал, но машина изуродована до неузнаваемости! Кроме того, бесследно исчез мой водитель, и я склонна предположить самое худшее... При чем здесь ГИБДД? Здесь сплошная уголовщина, вы понимаете меня? Может, с вами по-английски изъясняться?.. — Она в сердцах сплюнула и швырнула мобильник в раскрытый саквояж. — С ума все посходили! Вообще не хотят работать!

— Здорово, — подошел Кирилл к Белкину, протягивая руку.

Тот отреагировал на появление Вацуры так, словно они расстались только что и при весьма заурядных обстоятельствах:

— Здорово. Семечек хочешь?

— Люда где?

— Спит.

— А эти двое здесь?

— Кто?

Кирилл видел — Белкин ведет себя не вполне нормально.

— Что-нибудь случилось? — уточнил он.

— Да как тебе сказать, дружище... Сказать, что что-то случилось — значит, не сказать ничего.

Ирина участила шаги и, зайдя в дом, в ярости захлопнула за собой дверь. Громко стуча каблуками, прошла мимо дивана, на котором лежала Люда, и стала подниматься по лестнице.

— Ты еще не опухла от сна? — кинула она, хотя видела, что Люда не спит, ее глаза открыты.

Зайдя в комнату, в которой провела последние часы, Ирина заперла дверь на ключ, швырнула саквояж на кровать и стала нервно ходить от

двери к окну и обратно. «Почему Самарский не позвонил? Все сроки вышли. Ждать уже нет смысла...»

Она извлекла из саквояжа ноутбук, села за стол, запустила загрузку, через Интернет вышла на электронную почту и проверила поступления в свой электронный ящик... О! Всего два часа назад пришло письмо от главбуха. Короткое, всего полстранички, но прочитать сходу невозможно — письмо закодировано... Ее сердце бешено колотилось. Руки шарили по карманам шубы в поисках сигареты... Где же этот чертов дешифратор? Почему все так долго загружается?

Ноутбук тихо трещал, шуршал своим электронным мозгом. Ожидая, пока машина расшифрует текст, Ирина встала из-за стола и снова начала ходить по комнате. Вешний — урод, дегенерат! Как он мог позволить Вацуре найти себя, связать, как веник, и привезти сюда?! Он ведь собирался сбежать куда-то в Крым... Ну да! Говорил: «Пиши на ялтинский главпочтамт». Какого черта он до сих пор околачивался в поселке?

Она подошла к саквояжу, вынула записную книжку, оттуда — сложенное вчетверо признание Курги и поднесла к нему пламя зажигалки. Держала перед глазами маленький факел и скрипела зубами от досады.

Ноутбук тихо пискнул, объявляя об окончании дешифровки. Ирина подошла, склонилась перед экраном. «Ирина Юрьевна! Без всякого сомнения, именно по чьей-то наводке Самарский был задержан в Шереметьеве. На втором допросе он раскололся и стал давать показания против вас, мол, это деньги «Титаника», которые вы приказали ему нелегально вывезти за границу. С ордером на обыск в офис нагрянула целая банда ОМОНа. Унесли сервер с базой данных и всю документацию. Все, о чем вы писали мне, я успел сделать, и теперь следователь получит полное и достаточное доказательство того, что меченые купюры принадлежат лично Самарскому и получены они им три года назад в «Титанике» в качестве процента от своего вклада. Ему грозит до пяти лет за контрабанду. Не беспокойтесь, у следователя нет никаких оснований подозревать вас. Проблема мне видится в другом: откуда произошла утечка информации? Кто «настучал» о долларах в органы? Будьте внимательны к тем, кто сейчас рядом с вами. Интуиция подсказывает мне, что это сделал кто-то из тех, кто вас в данное время окружает. Герман».

Ирина выпрямилась и кинула окурок в пепельницу. Усмешка, более похожая на гримасу, исказила ее лицо. Интуиция, видите ли, подсказывает ему! Да она уже давно знает, что «настучал» Земцов! Если бы не была уверена, то не отправила бы Самарского в Амстердам. Только на один вопрос у нее нет ответа: когда и как Земцов успел сообщить в органы? Ведь он все время был у нее на глазах! Он не мог позвонить, потому что у него не было мобильного, не мог отправить письмо, потому что у него не было голубя,

не мог послать в поселок курьера, потому что никто из присутствующих в охотничьем приюте не выходил за частокол... Никто. Может, Земцов успел перед смертью рассказать о меченых баксах кому-нибудь из одноклассников, и эта тварь донесла полиции? Но кто это мог сделать? Вешний? Убил Земцова и сам же пошел в поселок доносить на Ирину? Нелепо. Все равно, что рубить сук, на котором сидишь.

Кто еще был в поселке? Вацура со своей рыжей пигалицей? Но они не встречались с Земцовым до его смерти и никак не могли узнать про баксы.

Курга? Да, он мог подслушать разговоры в гостиной. Но совершенно исключено, что он догадался о каких-то метках на деньгах и передал эту информацию Вере.

Она снова нервно заходила по комнате. Не может такого быть, чтобы кто-то оказался хитрее и умнее ее! Она неуязвима! Она просчитывает ситуацию на несколько ходов вперед! Никто и никогда не возьмет Ирину Гончарову за горло!

Схватив под мышку саквояж, Ирина быстро вышла из комнаты. Плюнула на дверь, за которой лежал труп Пирогова, и спустилась по лестнице. В комнате никого не было, и она вышла во двор.

Эти жалкие людишки, эти неудачники, эти пьяницы и зануды, страдающие манией величия, сбились в кучку между машиной и беседкой, словно овцы на жаре. «Зеленоликая» Люда сидела на стуле, который глубоко ушел в снег под ее тяжестью. Анатолий держал стакан, оттопырив мизинец, и маленькими глотками смаковал мартини. Белкин наполнял рюмки джином и придумывал тост. Все ясно! Они уже добрались до автомобильного бара! Вера сидела на капоте, подставив лицо солнечным лучам. Вацура, широко расставив ноги, стоял перед медвежьей тушей и смотрел на огромную когтистую лапу. Задняя дверь «лексуса» была открыта настежь, и из салона торчали две ноги Вешнего в носках, перевязанные липкой лентой.

Теряя от ярости самообладание, Ирина подошла к Белкину, выхватила у него из рук бутылку и выкрикнула:

— Не надо воровать, Белкин! Чтобы выпить, сначала надо заработать! Когда же ты поймешь это, дегенерат! Вас это тоже касается, хитрый вы наш! — обратилась она к Анатолию. — Поставьте мартини туда, где взяли! За все в жизни надо платить. И не фальшивыми долларами, за которые ваша жена могла запросто головы лишиться!

Анатолий, покраснев, начал бормотать что-то бессвязное и торопливо искать место, куда бы поставить злосчастную бутылку мартини.

Ирина повернулась к Вере и процедила сквозь зубы:

— Своим костлявым крупом, девушка, вы можете продавить капот. — Потом повернулась к Кириллу и язвительным тоном проговорила: — Мне

жалко тебя, Вацура. Ради случайной знакомой ты начал копать мне яму: полез под пули, угнал машину, устроил какой-то дурацкий допрос на почте. Столько усилий, столько суеты. И все только для того, чтобы обрести власть надо мной и покорить сердце своей юной подружки... Все даром, милый мой. Куда проще было бы, если бы ты подошел ко мне и сказал: «Ириша, мы с тобой почти родные люди, мы знаем друг друга уже двадцать пять лет. И мне так хочется узнать всю правду!» — Она замолчала, посмотрела на торчащие из машины ноги и продолжила: — Я бы тебе тогда честно призналась: да, никакого ограбления «Титаника» не было, я оставила все деньги вкладчиков у себя, я наказала их за тупость и жадность. Вот такая я жестокая. Но не больше, чем золотая рыбка из сказки Пушкина... Но тут появился Земцов! Великий сыщик! Все приехали сюда, чтобы попить водки на халяву, а он — чтобы взять меня за жабры. Он меня смертельно испугал... Но Сережа не рассчитал свои силы. Он думал, что меня можно обидеть безнаказанно. Я, конечно, могла приказать своим людям, чтобы они утопили его в туалете, но мне было интереснее купить с потрохами Андрюшу Вешнего. Вы не поверите, какое это удовольствие — покупать человека! Особое удовольствие — покупать за копейки, за пустые слова, за обещание. Знаете, милые мои, за пятнадцать лет ничего не изменилось. В школе Вешнего можно было купить за жвачку, а теперь — за должность в моей фирме. Я ему сказала: «Это только дураки работают, вкалывают с утра до вечера, гнут спину, а настоящий бизнесмен сидит в белой рубашечке за черненьким столиком, ходит на презентации, трахает секретарш и крутит рулетку в казино. А деньги сами сыплются сверху из дырявых карманов глупых вкладчиков». И этот debil мне поверил! Он так захотел этой сладкой жизни, что согласился убить Земцова.

— Что вы все притихли? — окинула всех взглядом Ирина. — Ушам своим поверить не можете? Наверное, ликуете в душе? Думаете, вот, наконец, Гончарова попалась, теперь ее посадят с конфискацией, и не будет у нее ни дома, ни дачи, на машины... Ошибаетесь! Никто и никогда не докажет, что мои слова — правда. Вешний не сможет доказать, что это я попросила его убить Земцова. Вацура не сможет доказать, что его подружку держали взаперти по моему приказу. Даже хитрюга Анатолий никогда не докажет, что у него вымогал деньги вовсе не Курга, а мой водитель Леша, и, естественно, по моему приказу. Да-да, милая, — обратилась она к Вере, — твой братец здесь вовсе ни при чем. Но никто не сможет это доказать.

И что же мы, в конце концов, имеем? Вешнего будут судить за убийство, совершенное из корыстных побуждений — ведь он вытащил из кармана трупа конверт с деньгами. Ему «светит» пожизненное заключение. Люда пойдет по этой же статье, полагаю, шесть лет ей обеспечено. Вацура

со всем своим оптимизмом правдоискателя попадает, как минимум, под две статьи: за убийство моего сотрудника и угон автомобиля. Вере придется мотать срок за своего брата, как соучастнице, — а это, если не ошибаюсь, десять лет. Вам, Анатолю, тоже придется отвечать перед судом за изготовление поддельных денег... Кого я еще не облагодетельствовала? Ой, нашего трезвенника чуть не забыла! — повернулась она к улыбающемуся Белкину. — Если не ошибаюсь, то ты, мой милый, давал подписку о невыезде? Ведь тебе шьют дело о пьяной драке, я права?.. Ну, это мелочи, даже если учесть, что за нарушение подписки тебя сразу же упрячут за решетку... Вот такой расклад, с точки зрения дипломированного юриста.

И тут Белкин удивил всех — он вдруг решительно повернулся и быстрыми шагами направился к труп, накрытому накидкой.

— Что он хочет делать? — воскликнул Анатолю.

— Идиот! — брезгливо поморщилась Ирина. — Свинья везде грязь найдет.

Все замерли, глядя на Белкина. Тот, зажимая нос, приблизился к труп, взялся за край накидки и сильным рывком сорвал ее.

Ирина, Анатолю и Люда одновременно издали возглас ужаса. Труп лежал на спине, раскинув ноги и руки в стороны, а из воротника кожаной куртки торчала омерзительная баранья голова.

Глава 55

Кирилл подошел к Белкину, который все еще держал накидку в руках, склонился, посмотрел на тело и ударил по нему ногой. Нижняя часть легко отвалилась, только ботинки остались лежать на месте, и все увидели, что это всего лишь джинсы, туго набитые соломой. Белкин, повторяя движение Кирилла, пнул ногой по куртке, и из нее тоже вывалилась солома. Только баранья голова оказалась настоящей. Она завалилась набок, и гнутые рога воткнулись в рыхлый снег.

— Что это значит? — спросил Кирилл.

— Хрен его знает, — безразличным голосом ответил Белкин и посмотрел по сторонам, словно искал кого-нибудь, кто бы подсказал ему правильный ответ.

Подошли Ирина и Анатолю. С брезгливостью и настороженностью глядя на разбросанные среди пучков соломы джинсы, куртку и ботинки Земцова, Ирина произнесла:

— Нехорошая шутка... Хотела бы я знать, куда подевался труп.

— Может, его медведь... того... — предположил Анатолю.

— По-вашему, медведь сначала раздел труп, сожрал его, а одежду набил соломой? Да еще баранью голову зачем-то приставил? — с презрением посмотрела она на него.

— А баранья голова тут при чем? — пожал плечами Анатолий.

— Это одежда Земцова? — спросил Кирилл, вроде бы ни к кому конкретно не обращаясь, но вопрос мог быть адресован только Ирине.

— Да, — подтвердила она. — Это его куртка. И ботинки его... Не Курга ли так скверно пошутил?

Вера моментально оказалась рядом.

— Если вы не можете найти разумное объяснение тому, что случилось, — отчетливо проговорила она, исподлобья глядя на Ирину, — то не надо все валить на Кургу. Ему больше делать нечего было, кроме как заниматься вашими трупами.

— А был ли вообще труп? — вслух подумал Кирилл.

— А как же! — воскликнула Ирина. — Мы его все видели! А Вешний его обыскивал. Совершенно мертвое тело, вся голова в крови...

— А накрыл его тряпкой тоже Вешний?

— Вот этого я не знаю, — пожалала она плечами.

— По-моему, — с язвительной насмешкой произнесла Вера, обращаясь к ней, — вы несколько погорячились, когда отвалили Вешнему пожизненное заключение. И с заказчицы убийства теперь взятки гладки. Нет трупа — нет и преступления, не так ли, госпожа юрист?

— Мне трудно с тобой разговаривать, — ответила Ирина, повернувшись к Вере вполборота. — Твое веселье — это признак недостатка ума, и меня это обезоруживает.

— Но при чем здесь баранья голова? — пробормотал Анатолий. — И вообще, мне не понятно, почему вы сейчас ломаете голову? Разве вы должны этим заниматься? И зачем, спрашивается, вы пинали ее ногами? Это очень неосмотрительно, потому что может привести к нежелательным последствиям.

— Кто бы говорил о последствиях! — махнула на него Ирина. — А вы думали о последствиях, когда вместо настоящих передали фальшивые доллары? Вы подумали о том, что вашу жену за фальшивые доллары могут убить?

Анатолий втянул губы, его подбородок покрылся морщинками и задрожал.

— Я человек принципа! — с вызовом ответил он. — И никогда не пойду на поводу у преступника! Платить деньги даже за жизнь жены — значит, подыгрывать уголовникам, толкать их на новые преступления. Меня не в чем обвинить!

— Потрясающе! — произнесла Ирина, внимательно глядя на него. — Если бы у меня был такой муж, я бы удавилась.

— А если бы у меня была такая жена, как вы, — торопливо спасал свою честь Анатолий, — то я бы, пожалуй, заплатил бандитам, чтобы они подержали вас подольше.

Люда как-то странно смотрела на мужа. Казалось, она не узнает его и сомневается: он ли это?

— Давай его развяжем, — сказала Вера Кириллу и кивнула на машину, откуда по-прежнему торчали две ноги в носках. — Мне уже его жалко. Он совсем замерз.

Кирилл заглянул в салон. Вешний посмотрел на него умоляющим взглядом и что-то промышчал. Его била крупная дрожь. Когда Кирилл стащил с него свитер, заменявший смирительную рубашку, и перерезал на запястьях ленту, он застонал от боли и медленно поднес непослушные руки к лицу.

Рядом с машиной тотчас оказалась Ирина.

— Ты куда дел труп Земцова, верблюды?! —

— Что? — слабым голосом спросил Вешний, прижимая к груди скомканный свитер. На его лице с розовым отпечатком ленты отразилось страдание. — Не брал я ваши трупы! Оставьте меня в покое! Я хочу в тюрьму!

Он сел по-турецки и стал массировать ступни. Ирина поняла, что никакого вразумительного объяснения от Вешнего в ближайшее время не добьется, быстро подошла к пожарному щиту, сняла с него багор и стала терзать острым крюком одежду Земцова. Она потрошила ее с таким остервенением, словно надеялась вытряхнуть из джинсов и куртки вместе с соломой хотя бы часть тела. Ей очень были нужны доказательства смерти Земцова.

Никто не обратил внимания на то, что уже несколько минут рядом с ними нет Белкина, поэтому для всех стало неожиданностью, когда он появился из-за угла дома — с той стороны, где был вход.

— Эй! Идите сюда! — позвал он и лениво махнул рукой.

— Что еще? — пробормотала Ирина, с прищуром глядя на Белкина, словно пыталась отгадать, какой еще сюрприз свалился им на голову. — Что-то я уже устала... Всему есть предел...

— Там что-то случилось! — объявил Анатолий. — Надо пойти и посмотреть.

Вера, увлеченная развитием событий, которые пока играли в ее пользу, первой устремилась к Белкину. Кирилл, не желая оставлять Вешнего одного, снова склонился над дверью машины и опустил руку несчастному «киллеру» на плечо:

— Пойдем.

— Да как я пойду босиком? — захныкал тот, выкручивая ступню, словно промокшую тапочку.

— Сядешь у камина и положишь ноги на решетку, — хмыкнул Кирилл.

Когда он вместе с Вешним подошел к двери дома, то увидел, что внутрь никто зайти не рискует, все толпятся на крыльце и, приоткрыв дверь, с суеверным страхом смотрят внутрь.

— Это уже слишком! — вдруг воскликнула Ирина.

— Все это сыр из мышеловки, — поставленным голосом предупредил Анатолий. — Во избежание больших неприятностей не рекомендую прикасаться к чему-либо. Туда вообще лучше не заходить.

— Как это не заходить? — немедленно возразил Вешний, который босым стоял на обледеневшем крыльце, переминаясь с ноги на ногу. Он еще не успел заглянуть внутрь дома. — Прикажете мне умирать смертью храбрых?

— Хочешь, я дам тебе свои рукавицы? — предложила Люда. — Надень их как носки...

— Я хочу сунуть ноги в угли! — простонал Вешний. — Пустите же меня!

Никто не стал препятствовать его желанию просочиться в дом, и Вешний, дотянувшись до ручки, дернул ее на себя. Только тогда Кирилл смог увидеть, что так всех поразило.

Через дверь прихожей была видна часть гостиной. По-видимому, там были наглухо задернуты шторы, и дневной свет почти не проникал в помещение. Обеденный стол, на котором уже давно не было ничего, кроме хлебных крошек, был застелен кроваво-красной скатертью и сервирован. По его периметру на красных салфетках лежали одноразовые пластиковые тарелочки, вилки и ножи, посередине возвышались узкие и тонкие бутылки с вином. Потрескивая, обливаясь парафином как потом, в медном канделябре горели три красные свечи.

Кирилл готов был увидеть труп, два трупа... Кучу трупов, черт подери, но только не это! Он обернулся и посмотрел на Белкина:

— Кто это сделал?

— А хрен его знает! — пожал тот плечами.

— Ты заходил туда?

— Зачем?

Кирилл посмотрел на толпящихся в дверях людей. Все ждали, что он еще скажет.

— М-да... Однако пока ничего плохого не происходит. Даже увлекает...

Он хотел зайти первым, но Вешний оказался проворнее и юркнул в прихожую. Охая, прошел по ковровой дорожке к камину, плюхнулся на пуфик и, протянув ноги к тлеющим углям, простонал:

— О-о-о, как хорошо!

Кирилл нащупал на стене выключатель, щелкнул, но люстра не зажглась.

— Очень остроумно, — произнесла Ирина, медленно обходя стол и рассматривая тарелки с закусками.

Люда, кидая настороженные взгляды то на лестницу, то на дупло, из которого когда-то вещал Курга, приблизилась к дивану, на котором провела последние сутки, и села. Ее лицо, по которому скользили блики свечного пламени, уже не выглядело опустошенным и неживым. Казалось, она вдруг поняла скрытый смысл всего происходящего.

Анатолий же не спешил перешагнуть порог гостиной. Он стоял в прихожей, опираясь плечом о дверной косяк, и ковырял в зубах спичкой.

— Обратите внимание на черный юмор хозяина стола, — проговорила Ирина, показывая рукой на тарелки, и стала называть блюда: — Красная икра, красная рыба, корейская морковь — тоже красная, красное вино, красные яблоки, помидоры, вареные раки...

— Хорошо, если это юмор, — отозвался из прихожей Анатолий. — А если это отличительный признак сумасшедшего маньяка?

Вера толкнула Кирилла в бок и глазами показала на скатерть. Он склонил голову, провел по скатерти рукой, чтобы не ошибиться, и, нащупав шелуху от семечек, громко спросил:

— Где Белкин?

— Здесь я, — откуда-то из темноты донесся голос Федора.

— Где?.. Да раздвиньте же кто-нибудь шторы!

— Да не пугай так! — проворчала Ирина и откинула в сторону край шторы. Солнечный свет узкой лентой поделил комнату надвое и упал на Белкина, который сидел в кресле у дальней стены и торопливо прятал между ног бутылку вина.

— Ты здесь уже был до нас? — спросил его Кирилл.

— Да я ж уже говорил...

— Не ври, Федя! Ты здесь успел намусорить.

— Это я мимоходом сплунул. Да что вы на меня все уставились? Не я, не я стол накрыл!

— Конечно, — согласилась Ирина, отпуская штору. В комнате снова стало сумрачно. — Было бы очень странно, если бы у тебя хватило денег и мужества угостить нас вином... — Она подозрительно оглядывала присутствующих. Ее взгляд остановился на лице Кирилла: — Может быть, хватит накручивать ужастики? Все очень оригинально, мы оценили. Приглашай к столу, наливай...

— Мне не хочется тебя огорчать, Ира, — ответил Кирилл, — но ты обращаешься не по адресу.

— А кто еще, кроме тебя и твоей подруги, мог привезти сюда столько бутылок и еды? Только вы пользовались машиной!

— Послушайте! — вдруг перебил ее Анатолий, решивший все же войти в комнату. — А где моя жена?

Глава 56

Люда на ощупь шла по коридору. Лампы, которые освещали его, не горели, а пламя зажигалки от движения воздуха все время гасло. Она гладила ладонью стену и медленно приближалась к двери комнаты, в которой лежал убитый ею Пирогов.

«Господи! — мысленно молилась она. — Останови этот кошмар! Сделай так, чтобы весь этот ужас оказался сном... Прости меня, я много пила, мало спала, я измотала свои нервы, переживая, что обманула мужа... Пусть наступит окончательное пробуждение, и я увижу живого Земцова, живого Пирогова и любящего мужа. Я ведь никого не убивала, все это лишь плод больного воображения... Сделай так, чтобы этот дурной сон закончился. Я же вижу — ты освобождаешь меня от этой пытки. Нет убитого Земцова, в комнате накрыт стол, горят свечи... Сейчас я открою дверь и увижу, что комната пуста, кровати застелены, и никакого трупа. Ведь так будет, правда, Господи? Я знаю, я верю, что так будет!..»

Ее рука наткнулась на ручку двери. Холодея, Люда медленно надавила на нее и потянула на себя. Дверь со скрипом открылась. Она ступила на порог, сделала шаг в крошечной темноте и наступила на что-то мягкое. «Нет-нет, это, наверное, подушка!..» Руки ее дрожали и не слушались, ей никак не удавалось вытащить из джинсов зажигалку... Но вот, наконец, она в ее руке. Сейчас она высечет пламя и увидит, что в комнате нет никакого трупа...

Вспыхнул огонек, и Люда увидела свою огромную уродливую тень на стене. Медленно, не дыша, она опустила глаза и посмотрела под ноги... Сердце остановилось в ее груди. На полу лежал Пирогов... Нет, никакого сна не было. Все было наяву. Она убила его. Она выстрелила в него из «Макарова» и попала в грудь... Но только почему... почему он лежит в другой позе и не там, куда упал? Она отчетливо помнит — он свалился головой вниз, а ноги остались на кровати. Сейчас же он лежал на спине — ногами к двери... «Господи, почему ты так жесток ко мне? Помоги мне, умоляю! Я теряю себя! Я уже не понимаю, где я...»

Она повернулась, чувствуя, что вопль ужаса уже рвется из ее груди, и в тот момент, когда была готова кинуться к выходу, чья-то рука закрыла ей рот, и она услышала насмешливый шепот:

— Ты пришла сюда за вторым поцелуем?

Казалось, по ее нервам будто полоснули лезвием бритвы. Мгновенно лишившись чувств, Люда навзничь рухнула на кровать.

— Я не понимаю, чего вы психуете? — с убийственным равнодушием произнес Белкин. — Какая вам разница, кто накрыл стол? В любом случае, хлеб да соль — знак добрых намерений. А потому предлагаю не мусорить мозги, а выпить. И спокойно во всем разобраться.

— Отличная идея! — поддержал его Вешний. Он продолжал отогревать ноги над углями. Кажется, в комнате уже пахло паленым.

Белкин поднялся с кресла, подошел к столу и потянулся за бутылкой кроваво-красного французского вина. По причине того, что он уже изрядно «заложил за воротник», его движение оказалось не вполне точным, и Белкин локтем задел канделябр. Тот упал на стол, окунув горящие фитили в блюдо с красной икрой. Комната погрузилась в полный мрак.

— Черт тебя подери, алкаш! — вспыхнула Ирина. Кажется, капли горячего парафина попали ей на платье. — У кого-нибудь есть спички?.. Дайте же свет!

— Сейчас! — откуда-то издали отозвался Анатоль. — Я открою входную дверь.

Похоже, он решил на всякий случай выйти на улицу.

Кирилл, вытянув руки вперед, пошел к окнам, задел стул, опрокинул его и сдавленно выругался — стул упал ему на ногу.

— Только дурак может поверить, что Федя погасил свечи случайно, — произнесла из темноты Вера.

Никто не ответил ей, не возразил и не поддержал. Кирилл, наконец, добрался до окна, крепко ухватил плотную портьеру и, не церемонясь, с силой дернул ее на себя, срывая вместе с карнизом.

Все, кто окружал стол, одновременно прикрыли глаза руками, спасаясь от ослепительно яркого солнечного света, и потому не сразу увидели сидящего на диване... Земцова.

Ирине стало плохо. Она схватилась за сердце и медленно опустилась на стул. Анатоль, который видел Земцова впервые, крутил своей тяжеловесной головой и, не желая быть обделенным в информации, повторял как попугай: «Это кто? Кто это? Это кто такой?» Вера тоже впервые видела сидящего на диване рослого человека, но догадалась, что это и есть тот самый Земцов, чей труп бесследно исчез со двора. Белкин с невероятным хладнокровием водрузил канделябр на прежнее место и, заодно прихватив бутылку с вином, легкой походкой вернулся к своему креслу. Лишь Вешний вообще никак не отреагировал на воскрешение Земцова. Он по-прежнему сидел перед камином, кряхтел от удовольствия и радостно шевелил оттаявшими пальцами ног.

Никто не мог найти в себе силы первым заговорить с Земцовым. Понимая, что все ждут от него объяснений столь неожиданного воскрешения, он поднялся с дивана и, поскрипывая новыми кроссовками, подошел к столу. Его гладко выбритое, расслабленное лицо было озарено сознанием особой значимости события и своего центрального места в нем.

— Не ждали? Извините, что я заранее не предупредил о своем возвращении. Это только испортило бы продуманный сценарий. А финал нашей встречи мне представлялся именно таким.

Он взялся за бутылку и принялся наполнять пластиковые стаканчики, которые стояли кучкой на краю стола. От этого занятия его отвлекло нервное поведение Анатоля, по-прежнему пребывающего в полном неведении. Поставив бутылку, Земцов поднял голову, с интересом взглянул на Анатоля и протянул ему руку:

— С вами, кажется, мы еще не знакомы... Земцов.

Довольный тем, что личность, вызвавшая общий шок, сама обратила на него внимание, Анатолий быстро подошел к нему, сердечно пожал его руку и проговорил:

— Анатолий... Здравия желаю!

Земцов наполнил стаканчики, взмахнул над столом рукой, словно очерчивая невидимый круг, и предложил:

— Первый тост — за встречу!

Но никто не шелохнулся, не потянулся за вином. Его это несколько не смутило. Он усмехнулся, покачал головой и, взяв в руки два стакана, пошел вдоль стола. Сначала остановился рядом с Вешним, протянул ему стаканчик и потрепал по кудрявой голове.

— Ну что, убийца? Попался? Ловко тебя Вацура скрутил! Как барана, да?

Вешний лишь молча пожал плечами. Земцов двинулся дальше и подошел к Ирине. Она сидела на стуле и упорно избегала смотреть ему в глаза.

— Ку-ку! — протянул он ей стаканчик. — Сие есть кровь моя... Что ж ты даже не посмотришь на меня, а?

— Уйди, — сквозь зубы процедила Ирина, — мне дурно!

— Отчего ж так? Я тебе зла не желал. Не я тебя, а ты меня приговорила к смерти...

— Ой, не надо! — взмолилась она и взялась за виски. — От тебя мертвечиной разит!

Земцов вернулся на свое место. Один из невостребованных стаканчиков он поставил на середину стола и накрыл его красной салфеткой:

— А это Пирогову, умершему насильственной смертью... — Выдержал секундную паузу, как бы мысленно желая покойнику, чтоб земля была пухом, и, вспомнив, кого еще здесь нет, добавил: — А Люда пока отдыхает

наверху. С ней случился обморок... — Затем поднял свой стаканчик и посмотрел на присутствующих, своей неподвижностью напоминающих статистов в балете, и объявил: — За финал! Финал — это главное, что есть в жизни, только он определяет ценность и значимость всего, что было до этого сделано...

— Земцов! — вдруг перебил его Кирилл. — Ты напоминаешь цирковую обезьяну, которая гримасничает и под фонограмму шевелит губами. Разве не видишь, что всех от тебя тошнит!

— Возможно, — ничуть не смутился тот. — А знаешь, почему? Потому что пришел судный час, и всем вам стало страшно. Вы нервничаете. Вам хочется поскорее услышать, что я вам скажу.

— В который раз убеждаюсь, — громко проговорила Ирина, обращаясь к Кириллу, — что человек с возрастом не меняется. Помнишь, как Земцов в школе червонцы у всех на глазах сжигал? А как публично от медали отказался? Теперь вот воскрешение, стол в красных тонах... Все те же дешевые эффекты!

— Не дает сказать! — вздохнул Земцов и, даже не пригубив стаканчик, поставил его на стол. — Торопится заговорить зубы «Совести класса»... Кирилл, ты помнишь, как учителя тебя называли «Совестью класса»? Странно, что ты не на моей стороне. Злишься, говоришь гадости. Тебе хочется быть солидарным с Ириной? Почему? Она сейчас вся наполнена злобой, как змея, которой дверью прищемили хвост. Привыкла плясать на теле мертвого льва...

— Это ты, что ли, лев? — перебила его Ирина и презрительно хмыкнула: — Клоун! Причем, бездарный, способный только на плоские шутки. То больным на голову прикинется, то мертвым. Испортил людям настроение и еще ждет аплодисментов.

— Ирина Юрьевна, — улыбнулся в ответ Земцов, — чтобы прикрыть вам рот, я вынужден перевести разговор в официальное русло. Представляюсь: майор полиции Земцов Сергей Игоревич, старший оперуполномоченный уголовного розыска, руководитель спецоперации. Предупреждаю: местные органы поставлены в известность о работе нашей следственно-оперативной группы и несут дежурство в особом режиме. Все выезды из ущелья перекрыты. Охотничий приют окружен группой омоновцев. В случае неподчинения моим требованиям ОМОН имеет право открыть огонь на поражение.

— Ох, ох, ох! — воскликнула Ирина, хлопнула в ладоши и закатила вверх глаза. — Какие страсти!

— Напрасно ты так себя ведешь, — вставил неожиданно реплику Вешний.

— А ты вообще заткнись, иуда! — отпарировала Ирина.

— Я имею право надеть на тебя наручники! — пригрозил Земцов.

— Да пошел ты со своим правом! Ты — покойник! Еще надо доказать, что ты на самом деле Земцов, а не самозванец!

Анатолий хмыкнул и поднес к улыбающемуся рту ложку с красной икрой. Вера, устав стоять, придвинула к столу табурет и села. Пошевелила пальчиками, выбирая закуску по душе, и ухватила жирную членистую шейку рака.

— Ну, знаете, — произнес Земцов. — С вами невозможно нормально разговаривать!

— А ты попробуй говорить нормально, — вполне доброжелательно посоветовал Кирилл. — Не корчи из себя мессию, а объясни толком, зачем нужен был весь этот идиотский спектакль?

Земцов помолчал, должно быть, взвешивая, насколько он правомочен рассказать всю правду, затем кивнул и, сев на диван, с которого начал свое воскрешение, сказал:

— Хорошо. Хотя я не имею права раскрывать детали всей операции, думаю, что вреда от этого уже не будет. Все улики и вещественные доказательства против Ирины мною уже собраны. Осталось лишь оформить дело и передать его в суд.

В это время скрипнули ступени лестницы. Все обернулись и увидели Люду, которая медленно, очень медленно спускалась в гостиную. Посреди лестницы она остановилась, села на ступеньку и пробормотала себе под нос:

— Он мертв.

— Кто? — нахмурился Земцов.

— Пирогов...

Земцов вздохнул, посмотрел на стаканчик, накрытый красной салфеткой, и тихо произнес:

— Увы, увы...

Глава 57

— В отличие от всех вас, — начал Земцов, — я приехал сюда не как одноклассник, а как должностное лицо. Мне очень жаль, что так было угодно судьбе. Клянусь, не по своей воле я взялся за это дело... Да, не по своей... Я был настроен очень пессимистично, так как до меня добрый десяток сыскарей обломал зубы об этот «Титаник». Я не знал, с чего начать расследование. И тут мне помог случай.

— Какое долгое вступление! — не выдержала Ирина. — Пожалуйста, короче! Суть!

— А суть вот в чем. Когда мы сели в сани и Курга повез нас сюда, я поглубже закопался в сено, чтобы было теплее, и вдруг случайно наткнулся рукой на винтовку... Заподозрив неладное, я решил, на всякий случай, обезопасить всех вас от нашествия каких-нибудь криминальных типов и, как только мы въехали на территорию, незаметно запер ворота на замок, который висел на дверной петле, а ключ спрятал.

— Ни вижу никакой логики! — опять вмешалась Ирина, обращаясь почему-то к Кириллу. — Ты не знаешь, какая связь между охотничьей берданкой и какими-то придуманными криминальными типами? К тому же зачем надо было запирали ворота незаметно от нас?

— Чтобы не наводить паники, уважаемая Ирина Юрьевна! — отчеканил Земцов.

— Если мне не изменяет память, — покачала она головой, — ворота оказались запертыми сразу же после того, как Вешний кому-то сказал... кажется, тебе, Кирилл... он сказал, что ждет прихода какой-то девицы... Не так ли, Андрюша?.. Именно после этого, как выяснилось, Земцов втихаря запер ворота. Милые мои, да вывод напрашивается сам собой: он запер ворота вовсе не потому, что заботился о нашей безопасности, а для того, чтобы никто ему не помешал ломать об меня зубы. Чтобы я не сбежала! И еще по одной причине... — многозначительно взглянула она на Земцова.

Тот, восприняв ее взгляд как издевательство, с силой опустил бутылку на стол и воскликнул:

— Вот что! Хватит! Не хочешь слушать меня — будешь говорить сама. Но под протокол! Здесь я тебя обвиняю, а не наоборот! А знаешь, что тебя сгубило? — Лицо его скривилось в презрительной гримасе. — Твоя неистребимая привычка подчеркивать свое лидерство! Твое безудержное хвастовство! Твое стремление постоянно напоминать о своем положении! Я скажу — этого еще никто не знает! — потряс он кулаком над головой. — Чтобы унижить меня, такого бедного майора, она подсунула мне в карман конверт с долларами. Не знаю точно, зачем она это сделала. Может, хотела, чтобы я расплатился за наше проживание, а может, дала мне аванс на предстоящую ночь...

— Ублюдох! — тихо процедила Ирина. Пластиковый стаканчик треснул в ее пальцах, и красное вино брызнуло во все стороны.

— Называй меня, как хочешь, — это не исказит истину. Этими долларами в конверте ты выдала сама себя! Сама себя загнала в ловушку! Я рассмотрел их под лупой и нашел метки, сделанные экономической контрразведкой ФСБ. Эти доллары тебе подсунули под видом вклада три года назад. Но ты утверждала, что всю наличку унесли взломщики. Так откуда у тебя взялись эти доллары? Выходит, ни взлома, ни грабежа не было. Обыкновенное мошенничество! Но нескольких меченых купюр было недостаточно,

чтобы предъявить тебе обвинение. Мне нужна была санкция на обыск твоего офиса, на прослушивание телефонных переговоров твоих сотрудников. И при этом я не имел права спугнуть тебя. Курга, как ни странно, невольно помогал мне, заставляя тебя выложить большую сумму наличных долларов. Вдобавок, он держал тебя взаперти, не позволяя вернуться в Краснодар. Мне надо было под каким-то предлогом исчезнуть на сутки. Но как я мог это сделать под прицелом Курги? И тут на меня свалилась удача... — Земцов перевел взгляд на Вешнего: — Я думаю, что ты расскажешь об этом «убийстве» лучше меня.

Рассказчик из Вешнего был никудышный. Он говорил в пол, не поднимая головы, причем речь его была торопливой и невнятной. Но все слушали его, затаив дыхание.

— Ирина предложила мне работу у нее в офисе. Я сначала думал, что она это сделала бескорыстно, по старой дружбе... Черта с два! После того как Серега устроил эту игру с баксами, предлагая найти отличия, Ирина подошла ко мне и сказала, что я должен «замочить» Земцова, и пообещала мне большие бабки... Но я ж не козел, чтобы соглашаться на такое дело, — бубнил Вешний. — И решил подойти к Сереге и предупредить его, что над ним сгущаются тучи. Я подумал так: если я откажусь, она обязательно уговорит Пирогова. Или Белкина.

— А с чего ты взял, что она смогла бы меня уговорить? — возмутился из своего угла Белкин. — Я не продаюсь, между прочим...

— В общем, у Сереги родилась идея, — продолжал Вешний. — Он сказал, чтобы я согласился, а мы все сымитируем. Чтобы получилось правдоподобно, мы использовали вишневое варенье и монтировку. Он отдал мне конверт с деньгами — вроде как я его убил и ограбил. В полиэтиленовом пакете я вынес во двор вишневое варенье и вымазал им Серегину голову, залил снег кровяными помоями, которые нашел на кухне. Короче, в темноте очень было похоже на смертельную рану. Договорились, что обыскивать его буду я, чтобы никто другой случайно не услышал биения сердца. Ну, я его обыскал и, естественно, нашел пистолет. Что касается пистолета, то мы были уверены, что его обязательно прикарманит Ирина. В этом случае у Сереги появился бы лишний повод для ее задержания. Но вышла осечка. Насколько я теперь понимаю, пистолет успела взять Люда... — Он, наконец, поднял голову, с выражением вины посмотрел на Люду и продолжил: — После того как мы это все разыграли, Земцов перебежал в сарай, переоделся, а джинсы и куртку набил соломой. Это чучело и лежало под накидкой до сегодняшнего дня. Я, тем временем, вернулся в дом и дал знать Ирине, что выполнил ее просьбу. И чтобы все выглядело правдоподобно, стал показывать, что очень переживаю, что мне нужно алиби. И она меня «утетила», сказала,

что Земцова спишем на Кургу, и меня, мол, тоже спишем. Я сначала не понял, что она задумала. А потом мне ее идея понравилась: я должен был удрать ночью, спуститься в поселок и уехать куда-нибудь далеко. А наутро Ирина должна была внушить всем, что Курга и меня убил.

— И где же ты болтался эти дни? — напомнил о себе Белкин.

— В поселке, — ответил Вешний. — Серега мне сказал: спрячься у какой-нибудь вдовушки и не высовывайся, пока я сам не дам знать.

— Видите, как интересно получилось? — опять заговорил Земцов. — И мне, и Ирише было выгодно, чтобы Вешний исчез на некоторое время. Таким образом, Андрюша с успехом работал на два фронта... Ах, если бы знали, как интересно было подслушивать ваши разговоры обо мне! Удивительное чувство испытываешь, поверьте мне! Вы волнуетесь, переживаете, говорите обо мне в прошедшем времени, а я стою в сарае, прижавшись ухом к стене, и скупые слезы роняю...

— Можно задать вам один вопрос? — перебила его Вера.

— Пожалуйста! — кивнул Земцов. — Пока можно.

— А ключ от ворот все время оставался у вас?

— Ключ? Да, конечно! Он и сейчас при мне. Правда, необходимость в нем отпала — вы же сорвали замок на воротах.

Повинуясь какому-то чутью, Вера повернула голову и встретила взгляд Ирины. Они смотрели друг на друга так, словно знали то, что для всех остальных еще было тайной.

— Вот же сволочь, да? — с чувством произнесла Ирина.

Глава 58

— Наверное, вас интересует, что я успел сделать в Краснодаре, пока вы здесь крестились на мое чучело с бараньей головой? — снова продолжил Земцов. — Докладываю. Мне удалось зафиксировать телефонный разговор одного из сотрудников фирмы Ирины Юрьевны. Его фамилия Самарский.

Он тотчас взглянул на Ирину, будучи совершенно уверенным, что та сейчас начнет падать со стула на пол. Но она, просияв, воскликнула:

— Правда?! Как интересно! Это такой бабник, такой гуляка! Сто долларов бы не пожалела, чтобы узнать, о чем он говорил.

— Я скажу тебе, причем совершенно бесплатно. Некий гражданин — личность его почти установлена — приказал Самарскому взять в именном сейфе банка «Державный» крупную сумму долларов и нелегально перевезти их в Амстердам.

— Как прозаично! — вздохнула Ирина, а про себя подумала: «Врет и не краснеет. Личность моего главбуха никто и никогда по голосу не определит. Во-первых, он всегда звонит из телефонов-автоматов, а во-вторых, сначала надиктовывает сообщение на компьютер и изменяет голос до неузнаваемости, а уже потом прокручивает его в телефонную трубку...»

— Так вот, — продолжил свой рассказ Земцов. — Самарский очень умело упаковал доллары в портфель с двойной стенкой, купил билет и направился в Шереметьево. На таможне он был задержан, а несколькими часами позже допрошен у следователя в моем присутствии... Как ты думаешь, что этот Самарский сказал?

— Что он инопланетянин и прилетел к нам с миссией дружбы! — выпалила Ирина.

— Нет, не угадала. Он сказал, что эти деньги принадлежат твоей фирме, что ты приказала ему вывезти их за границу и «отмыть».

— Как отмыть? — ахнула Ирина. — Они же намокнут!

Земцов с силой врезал кулаком по столу:

— Хватит корчить из себя идиотку! Под суд пойдешь по четырем уголовным статьям! Будешь веселиться, хлебая тюремную баланду!

— Что ж это за четыре статьи такие, миленький? — жалобным голосом спросила Ирина, теребя платье на груди.

Земцов выкинул вперед ладонь и стал загибать пальцы:

— Мошенничество — раз! Лжепредпринимательство — два! Контрабанда — три! И фиктивное банкротство — четыре! По совокупности, двадцать пять лет отхватишь! Гнилой старухой на свободу выйдешь. Вот тогда снова всем классом встретимся и посмеемся вволю.

— А можно мне еще пятнадцать годков за убийство, миленький? По благу отстегни, а? И тогда я тебя собственными руками придушу.

— А ведь я могу эти словечки оформить как угрозу убийством, — скрипнув зубами, предупредил Земцов. — И тогда твои шутки большими слезками обернутся. Я и сам люблю юмор, но ценю и понимаю его, если человек шутит вовремя. И в этой связи не могу понять, чему ты так радуешься?

— О какой радости ты говоришь, милый! — всхлипнула Ирина. — Мне впору с головы до ног слезами залиться! Ты же еще не все знаешь. Например, о том, что в моем офисе был произведен обыск.

— Ну и что?

— А то, что тебе надо снова прикинуться покойничком и срочно выехать в Краснодар. Видишь ли, с Самарским осечка вышла. Не знаю, что вы там с ним на допросе делали, но он меня, безгрешную, незаслуженно очернил... — Лицо Ирины вдруг стало жестоким и спокойным. — Короче, Земцов, твой следователь не смог доказать мою причастность к меченым

долларам. Обломался он! Документы, которые твои шавки нашли у меня в офисе, свидетельствуют о том, что эти доллары принадлежат Самарскому, что получил он их три года назад. И знаешь, где? В пункте приема акций «Титаника», на совершенно законных основаниях: он снял весь свой вклад, включая проценты. И пару дней назад по собственной воле решил вывезти их за границу. Это его проблемы, Земцов. Мы не проверяли, были метки на поступающих к нам купюрах или нет. Что принимали, тем и расплачивались с вкладчиками. Экономическая контрразведка подсунула нам бяку, а мы этой же бякой рассчитались с народом... Ну что, съел?

— Как же ты легко топишь своих сотрудников, Гончарова! Столько человеческих судеб... — покачал головой Земцов.

Кирилла даже передернуло от этих слов.

— Земцов, ты же не судьбы жалеешь. Тебе жалко новые звезды, которые ты, наверное, уже примерял к погонам.

— Дурак ты, Вацура! Ты знаешь, кого выгораживаешь? Преступницу! Уголовный элемент! Воровку, обокравшую тысячи людей! — скривился Земцов и обвел всех возмущенным взглядом: — Вы что, с ума все сошли? Перестали воспринимать происходящее? Перепились тут, что ли? Или обезумели, вспоминая детство? Встряхните своими мозгами! Детство прошло! Мы стали другими и уже по-другому должны относиться друг к другу! Невозможно вернуться во вчерашний день.

Он вытянул руку, показывая на Ирину:

— Это уже не та пухленькая девочка, которая своим умением быстро решать задачки восторгала учителей. Это черная личность, которую следует изолировать от общества.

Затем повернулся к лестнице и показал пальцем на Люду:

— И это уже не та нежная, легкоранимая девочка, которая плакала на уроках литературы, жалея придуманную Катюшу Маслову. Она не пожалела живого человека и выстрелила ему в сердце.

После чего кивнул на Белкина, который, словно желая спрятать глаза, прильнул губами к горлышку бутылки и в такой позе застыл:

— И это уже не тот ласковый одуванчик, который сочинял стихи и читал их девочкам. Тем, кто не в курсе, скажу: на Белкина заведено уголовное дело, он дал подписку о невыезде, но, как видите, нарушил ее. И за это будет наказан.

Взгляд Земцова упал на кудрявую голову Вешнего:

— А ты, дамский угодник и мелкий спекулянт, вообще никогда не был святым. Никто не задумался, почему именно ему Гончарова поручила убить меня? Что это, как не внутренняя готовность к тяжкому преступлению?.. Ну и... и, наконец, Вацура. Совесть класса! Ты, дружок, уже давно не совесть.

Ты променял ее на смазливую девицу. Надеюсь, ты понимал, что твой благородный порыв есть не что иное, как содействие преступнице, укрывательство преступления? Теперь готовься за это благородство отвечать.

Земцов замолчал, довольный своей речью, после которой уже не было смысла еще что-либо говорить.

— Себя забыл, — нарушил тишину Кирилл.

— Что? Себя?.. А вот я мало изменился, что правда, то правда. По-прежнему не люблю уступать. По-прежнему злопамятен. Никто и никогда не сможет меня унижить, купить, навязать мне свою волю... Словом, если что-то еще осталось от нашего прошлого, то это я. — отрубил Земцов, словно ставя окончательную точку.

Глава 59

Вера раздвинула шторы. Солнце уже клонилось к закату, и света в гостиной не хватало.

— Который сейчас час? — спросила она у Ирины.

— Почти шесть.

— Замечательно! Она, должно быть, уже дома. Одолжите мне, пожалуйста, свой телефончик.

— Ради бога!.. Вот здесь сначала наберешь номер, а потом нажмешь на эту кнопку.

— Вот на эту зелененькую, да?

Они разговаривали как подруги, но это почему-то никого не удивляло. Вера приложила трубку к уху и стала прохаживаться по комнате.

— Алло! Это Надежда Васильевна? Добрый вечер! Это Вера вас беспокоит... Вы на меня не обижаетесь?.. Не за что, да?.. Надежда Васильевна, а можно вас попросить об одной услуге? Вы не могли бы срочно приехать в охотничий приют? Очень надо, родненькая моя! Возьмите такси, по просеке можно запросто проехать. Я оплачу любую сумму... Вот и ладушки, договорились...

— Кого ты сюда пригласила? И почему без разрешения? — подозрительно посмотрел на нее Земцов.

— Это мой адвокат, — улыбнувшись, ответила Вера. — Я ведь имею право на защиту?

— Грамотные все стали, — проворчал он, качая головой. — Куда ни плюнь — в юриста попадешь. — Тем не менее, его что-то насторожило, и он добавил уже протокольным голосом: — До прибытия следователя я проведу неотложные следственные действия. Кое-кого из вас я должен допросить.

Сказав это, Земцов кивнул Вере и указал пальцем на стул. Она послушно села, и «допрос» начался:

— Ваши имя и фамилия?

— До прибытия моего адвоката, — улыбаясь, ответила Вера, — на ваши вопросы я отвечать не буду. При желании вы можете поговорить с моим доверенным лицом. — Она изящно повернула голову и посмотрела на Кирилла.

— Давай! — кивнул Кирилл. — Я вместо нее буду отвечать.

Земцов начал покусывать губы. Его пальцы невольно принялись рвать салфетку на куски и скручивать обрывки.

— Ладно! — Он усилием воли успокоил себя и повернулся к Анатолю: — Возьмите лист бумаги и записывайте все, что он будет говорить!

Тот мигмом исполнил приказ.

— Пугаешь, — усмехнулся Кирилл. — Протокол не так составляется.

— Здесь я ставлю условия, а не ты! — с силой стукнул по столу Земцов. — Отвечать по существу дела! При каких обстоятельствах познакомился с этой гражданкой?

Кирилл посмотрел на Веру, задумался и ответил:

— Она мне понравилась.

— Когда вступил с ней в преступный сговор?

— В такой сговор не вступал.

— По своей воле или по ее просьбе помогал ей получить деньги от Анатоля?

— Какие деньги? — нахмурился Кирилл. — Ни Вера, ни я никаких денег не видели. Просто ей на голову случайно упал детский рюкзачок. Она его подобрала и хотела отвезти администратору канатной дороги. Но по пути на нее напали грабители.

— Что-о-о? — протянул Анатолий, оторвавшись от письма. — Как это, случайно упал на голову? Да она палки крестом поставила! Это был условный сигнал!

— Каждый начинающий лыжник регулярно то палки, то лыжи крестом ставит. Ну и что? Сбрасывать им за это рюкзаки на головы, а потом обвинять в преступлении?

— Хватит болтать! — набычившись, посмотрел на Кирилла Земцов. — Крутишься, как уж на сковородке, думаешь, что неуязвим. Ее брат — преступник, он вымогал деньги у Анатоля. А Вера была посредницей между ними!

— Еще надо доказать, что ее брат вымогал деньги у Анатоля, — возразил Вацура и, повернувшись к Анатолю, спросил: — Скажите, пожалуйста, вы уверены, что вам звонил именно Курга?

— Конечно, — ответил тот. — Он мне сам представился Кургой.

— А кто еще? — замахал руками Земцов. — Подумай, пошевели мозгами! Кто еще мог звонить, если Люда была в заложниках у Курги, и выкуп за нее мог требовать только он?

— Это не есть факт, — вдруг вмешалась Ирина и поднялась со стула. Стуча каблуками, она подошла к столу, опустила на него ладони и повторила: — Это не есть факт. Позвонить этому страховому агенту, — кивнула она на Анатоля, — мог любой мужчина, который знал, что его жена находится в заложницах. Например, мой водитель.

— Кто? — переспросил Земцов и поморщился: — При чем здесь твой водитель?

— А притом, что это я ему приказала позвонить по служебному телефону Анатоля, назваться Кургой и потребовать двести тысяч баксов.

— Что? — не поверил своим ушам Анатоля. — Так это вы?.. Какая, однако, подлость!

Вера тоже с удивлением смотрела на Ирину. Она никак не ожидала, что Ирина вдруг сама признается в этом Земцову.

— Ерунда! — отмахнулся Земцов. — Ты выгораживаешь Веру, пытаешься свалить вину на мертвого человека. Известный прием. Ничего у тебя не выйдет, не старайся!

— А это можно доказать, — вкрадчиво произнесла Ирина и открыла саквояж. — Вот телефон моего водителя. В его памяти остались десять последних исходящих номеров... — Она подняла голову и взглянула на лестницу: — Люда, милая, ты можешь спуститься к нам?

Заинтригованные, к Ирине подошли не только Люда, которую все уже давно перестали воспринимать, но также Белкин и Вешний. По другую сторону стола остались лишь Земцов и составляющий протокол Анатоля.

— Пожалуйста, вспомни, тебе не приходилось звонить с этого телефона? — спросила Ирина, протягивая трубку Люде.

Та взяла трубку, посмотрела на нее. Ее сухие губы шевельнулись:

— Да... Я звонила мужу.

— А теперь пролистай память и найди номер, по которому ты звонила... Вот на эту кнопку нажимай!

Земцов снова принялся мелко рвать салфетку. Люда несмело нажала на клавишу. Мобильник пискнул. Нажала еще раз, потом еще.

— Вот, — ответила она, возвращая трубку Ирине. — Я звонила по этому номеру.

— Ты звонила один раз?

Люда кивнула.

— Обрати внимание, — произнесла Ирина, придвигая мобильник Земцову, — что в памяти, тем не менее, зафиксировалось два звонка.

— Ну и что?

— А то, что после Люды по этому же номеру звонил мой водитель.

— А разве в памяти записано, что звонил именно водитель? А может быть, это сделала ты? Или Вацура? Или Вера?

— А в чем проблема? — подал голос Белкин и, привлекая внимание Анатоля, корпящего над протоколом, постучал пластмассовой вилкой по бутылке. — Эй, архивариус! В котором часу вам звонил вымогатель?

— Вечером, — тут же ответил Анатолий. — В восемнадцать часов сорок шесть минут.

Белкин перевел взгляд на Земцова:

— Теперь ты, как опер, обязан послать запрос в телефонную компанию, и тебе пришлют распечатку всех исходящих звонков. По-моему, там обязательно указывается время каждого звонка. Если выяснится, что второй звонок был произведен в восемнадцать сорок шесть, тогда начинай разбираться, кто в это время мог звонить. Я, например, помню точно, что в этот вечер Курга сидел в своей конуре и никак не мог позвонить с мобильного водителя.

— Слышал, Земцов? — обрадовано произнесла Ирина. — Мой водитель в это время был в гостинице «Ковчег». И его наверняка видела администратор. Тебе обязательно надо ее допросить. А у тебя, оказывается, светлая голова! — добавила она, глядя Белкина по макушке. — С меня бутылка «Молодежного».

— Его «светлую голову» скоро обреют «под ноль»! — отрезал Земцов. — Сядь! Руки на стол! — А когда тот подчинился, пригрозил ему: — Вот тебя я точно упрячу за решетку! Лично попрошу следователя, чтобы он все твое поганое нутро вывернул! Наверное, ты еще не в курсе, что Аскарков, которому ты в пьяной драке нанес телесные повреждения, скончался в больнице! Не в курсе?

Белкин побледнел, пожал плечами, дернул головой.

— И теперь твои действия будут квалифицироваться как умышленное убийство, совершенное из хулиганских побуждений! От восьми до двадцати лет лишения свободы! Понял?! Думаешь, я шуточки с тобой шутить буду?

— Да не убивал я этого Аскаркова, — приглушенным голосом произнес Белкин.

— Ты был пьян, как свинья! Нажрался до беспамятства, потому ничего не помнишь! А у следователя есть показания свидетелей! Все утверждают, что ты бил Аскаркова ногами по голове!

— Да там все свидетели были пьяные и ничего не могут помнить! — попытался возразить Белкин, но Земцов оборвал его:

— Молчать! Руки на стол, я сказал!.. Вот только так с вами можно разговаривать...

Он перевел дух, вытер лоб салфеткой и швырнул ее в тарелку с красной икрой.

Глава 60

Потом место Белкина заняла Люда. Постукивая пальцами по столу, Земцов некоторое время пристально смотрел ей в глаза, а затем сказал:

— Мне искренне жаль, что у тебя так получилось с Пироговым. Но такова судьба. Она играет с нами... — Он глубоко вздохнул и вдруг, неуловимо сняв с себя маску сострадания и вновь становясь опером Земцовым, отчеканил: — Фамилия, имя, отчество, год рождения...

— Хлебникова Людмила Владимировна. Тысяча девятьсот шестьдесят девятого года рождения...

— Семейное положение, — произнес Земцов и тут же чертыхнулся: — Тьфу, черт возьми! Совсем уже извилины в клубок свернулись! Давай сама и по порядку. Все, как было!

— Я была в комнате, — тихим голосом заговорила Люда. — Он вошел... Мне показалось, что он...

— Хорошо, — остановил ее Земцов, понимая, что она слишком взволнована и не может вразумительно рассказать об убийстве. — Я лучше буду задавать тебе вопросы. Как оказался у тебя пистолет?

— Я его взяла у тебя... Точнее, у твоего трупа...

— М-да, — почесал затылок Земцов. — Давай дальше. Пирогов зашел, тебе что-то показалось... Ну?

— И я выстрелила...

— А что тебе показалось? Что это чудо-юдо трехглавое?

Люда молчала. Она смотрела на мужа, который строчил протокол, и глаза ее были полны слез.

— Ну, будет тебе ерундой заниматься! — вдруг громко проговорил Белкин, широкими шагами подошел к Люде и взял ее за плечо: — Освободи место!

— Уйди! — зарычал на него Земцов. — Ты мне пока не нужен.

— Да тут вот в чем дело, — начал объяснять Белкин. — Пирогова-то убил я! Все буквально опешили от этого заявления.

— То есть, как это — ты? — пробормотал Земцов.

Анатоль перестал писать и устался на Белкина. Кирилл тронул за руку Веру:

— Что он несет?

Ирина иронично усмехнулась и, не снимая усмешки с лица, занялась пилочкой для ногтей. Вешний покрутил пальцем у виска.

— Да, я убил Пирогова, — твердо повторил Белкин.

— Слушай, иди отсюда пока что... — отмахнулся Земцов.

— Но это правда, — настаивал на своем Белкин.

Люда подняла голову и широко раскрытыми глазами, полными недоумения, посмотрела на Белкина:

— Ты что говоришь?

— Люда была в состоянии аффекта и действительно мало что помнит, — сказал Белкин и на секунду обернулся, чтобы увидеть, как на его слова реагируют за его спиной.

Земцов молчал, комкая салфетку. Анатолий положил ручку на протокол и посмотрел на жену такими глазами, словно впервые увидел ее.

— Дело было так, — стал объяснять Белкин. — Пирогов вошел к ней и попытался ее изнасиловать. Люда просто стесняется об этом сказать... Она, естественно, закричала. Тут я врываюсь в комнату, вижу Пирогова, так сказать, спину, хватаю его за волосы... Можно, на тебе покажу? — Не дожидаясь согласия, он крепко ухватил Земцова за чуб и с силой рванул на себя.

— Э-э, поаккуратнее! — крикнул Земцов, оттолкнув Белкина от себя. У него даже слезы выступили на глазах. — Не обязательно было так сильно дергать!

— Извини, — ответил Белкин. — В общем, я оттаскиваю Пирогова назад, он разворачивается ко мне лицом, пытается меня ударить, и в этот момент я всаживаю ему в грудь пулю.

— Федя, — прошептала Люда, и на ее лице появилось какое-то подобие улыбки. — Что ты говоришь? Зачем ты это делаешь? Это же неправда! Пистолет был у меня!

— Что скажешь? — спросил Земцов, пристально глядя на Белкина.

— Не знаю, какой пистолет был у Люды, — ответил он, — а тот, который Вешний у тебя из-за пазухи вытащил, я прикарманил... Братцы, я правду говорю! Какой мне смысл врать?

На мгновение в гостиной повисла тишина.

— Вот что, толерантность, — пригрозил Земцов, — хватит мне лапшу на уши вешать!

— Да какую лапшу? — взмолился Белкин. — Вот же, блин горелый! Говоришь людям правду — никто не верит. Ну, отдай пистолет на экспертизу — вон он, на буфете под тряпочкой лежит, — и пусть снимут отпечатки пальцев. Проведи со мной следственный эксперимент... Ты труп видел? Ви-

дел, в какой позе он лежит? Да разве мог он так упасть, если бы стреляла Люда, которая в этот момент лежала на койке?

— Да! — вспомнила Люда и взволнованно произнесла: — Труп, в самом деле, лежал не так, как сейчас!

— Ты отдаешь себе отчет в том, — устало проговорил Земцов, — что сам себе копаешь могилу?

— Я ж говорю: что мое — то мое, — с покорностью согласился Белкин.

Не глядя, Земцов протянул руку в сторону, схватил с протокольной стопки чистый лист бумаги и припечатал его к столу перед Белкиным:

— Ладно... Садись и пиши. Все пиши! Во всех подробностях!! — Затем обвел взглядом молчаливую группу: — Свидетели есть? Кто видел, как это произошло?

— Я свидетель, — сказала вдруг Ирина, на губах ее дрожала усмешка.

— Так, — торопливо произнес Земцов и навалился грудью на стол. — Рассказывай. Как это было?

— Как это было? — эхом отозвалась она. — Я видела, как наверх сначала поднялась Люда. Потом поднялся Пирогов... А потом... я услышала крики... Да, были крики, были очень, очень страшные крики...

— А Белкин где был? — перебил ее Земцов.

— Белкин? Белкин тоже туда поднялся... Точнее, он туда побежал, как на пожар.

— У него в руке был пистолет?

— М-м-м... не обратила внимания.

— Дальше, дальше! — нетерпеливо воскликнул Земцов.

— Потом я услышала выстрел. А через минуту на лестнице появилась Люда и сказала мне...

— Что? Что она тебе сказала?! — крикнул Земцов. Казалось, еще минута — и он просто ляжет на стол, раздавливая животом икру и раков.

Ирина переводила взгляд с Люды на Земцова... Самая красивая и самый красивый сидели напротив нее. Нет, не прав Земцов — они не стали другими. Все то же. Человек с годами не меняется, он просто пытается выглядеть в соответствии с возрастом и положением... Да, она стала богаче. Но разве это изменило ее? Разве Земцов теперь принадлежит ей?.. Эх, отдала бы все свои деньги, чтобы стать Людой — пусть постаревшей, пусть с мужем-идиотом, да еще и с убийством Пирогова, но с такими искренними слезами, от которых мужчины дуреют, и даже совсем спившиеся простаки совершают подвиги... Она прикрыла ладонью глаза; смотреть на Белкина было выше ее сил... Федька, Федька! Послушный и ласковый, как теленок. Для тебя пятнадцать лет — как один день. И ты все так же одинок в своем пустынном классе...

— Так что же она тебе сказала? — уже с ненавистью повторил вопрос Земцов.

Ирина тряхнула головой, подняла лицо и произнесла:

— Она сказала... Она сказала: «Белкин застрелил Пирогова».

Роняя стул, из-за стола вскочил Анатолий и, расставив руки в стороны, кинулся к Люде:

— Родная моя! Я знал, я верил, что так будет! Ты не представляешь, как я счастлив!

Он попытался ее обнять, но она продолжала сидеть, и ему было неудобно. Тогда Анатолий рухнул перед ней на колени, но Люда с нескрываемым отвращением оттолкнула его от себя и прошептала:

— Уйди... Уйди, пожалуйста! Я тебя ненавижу!

Земцов тем временем продолжал терзать своим взглядом посеревшее лицо Ирины.

— Подписывай протокол, — едва разжимая губы, процедил он и придвинул ей лист бумаги.

Глава 61

Вера вышла встречать Надежду Васильевну во двор и стояла у ворот уже больше часа. Анатолий, по собственной инициативе, переписывал протоколы начисто, в двух экземплярах, при этом был очень старателен и прилежен. Земцов в одиночку пил и в клочья рвал салфетки.

— Где Вера? — буркнул он, исподлобья глянув на Кирилла.

— Гуляет, — односложно ответил Вацура, проверяя, насколько легко скользит в пазах помповый затвор. — Жду еще полчаса, — предупредил он. — Если адвокат не появится, то я сам буду ее адвокатом.

Дождавшись, когда Земцов будет готов обратить на него внимание, Анатолий придвинул к нему наполовину исписанный лист и, тыкая в него ручкой, спросил:

— Вот тут я написал какую-то аббревиатуру «С.О.Г.», а что это значит, забыл. Вы не могли бы...

— Следственно-оперативная группа, — ответил Земцов, смял лист и, не глядя, швырнул его в камин. — Выпей со мной!

— То есть... — пробормотал Анатолий, глядя, как огонь быстро пожирает плод его кропотливого труда. — Ничего, я перепишу заново...

— Выпей! — повторил Земцов и протянул Анатолию стаканчик.

— Я бы с радостью! — улыбнулся Анатолий, показывая красивые зубы и пряча руки за спину. — Но дело в том, что я вообще не пью. Совсем. Ни капли. Никогда!

— Тогда пошел вон! — скривился, как от зубной боли, Земцов и вдруг, ударив кулаком по столу, крикнул, ни к кому конкретно не обращаясь: — Где эта адвокатша?! Сколько я могу ждать?!

И в этот момент на его поясе запиликал мобильный телефон. Путаясь в краях спортивной куртки, Земцов сорвал трубку с поясного ремня и прижал ее к уху:

— Да! Кто?.. Адвокатша?.. Пропусти!

Не успел он навесить мобильник на пояс, как тот опять запиликал. Чертыхаясь, Земцов снова приложил его к уху и рявкнул в трубку:

— Ну, какого черта?! Я же сказал... — Тут его голос резко поубавился в громкости, спина ссутулилась, голова стала погружаться в плечи, а лицо мгновенно приняло виноватое выражение. — Товарищ полковник! Виноват, я...

Это звонил его начальник, следователь Новиков.

— Земцов, всякие действия в отношении Гончаровой прекратить! — донеслось из трубки.

— Как? — пробормотал он. — Так я почти уже...

— Слушай, что я тебе говорю... Мы опять прокололись. Доказать, что Гончарова скрывала у себя деньги вкладчиков, не удалось. У нее такая документация, что комар носа не подточит... Поторопился ты, Земцов, наломал дров. Надо было предвидеть, что у Гончаровой по десять козырных тузов в колоде... Знаешь, какой счет за материальные убытки фирмачи нам выставили? Приедешь — узнаешь...

Это был апокалипсис. Земцову показалось, что он за минуту уменьшился в росте и стал таким же, каким был при жизни Пирогов. Эта мысль оказалась настолько навязчивой, что он машинально открыл дверь комнаты, в которой лежал труп Пирогова, и зашел туда. Некоторое время тупо смотрел на распростертое на полу тело, потом ударом ноги вышиб дверь и с грохотом вывалился в коридор, истошно крича:

— Все! Я больше не намерен ждать! Где Вера? Сюда ее! Я надену на нее наручники! Я выведу ее на чистую воду!

Ему казалось, что все происходит во сне — он кричит и не слышит собственного голоса. И все, кто находился в гостиной, его не слышали — как замороженные смотрели на Люду и молчали. А она стояла на стуле перед буфетом и протирала платком пистолет — быстро, ловко, что-то напевая. Так старательная горничная протирает от пыли графин и стаканы в гостиничном номере. Не придерешься.

Белкин же спал и ничего не видел.

Глава 62

— Погоди, дай отдышаться, — сказала Надежда Васильевна, зайдя во двор. — Такие приключения уже не для моего возраста... Что ж ты, деточка, так меня пугаешь?

Маленькая, кругленькая, как колобок, она все норовила поймать Веру за руку, то ли опасаясь потеряться в незнакомом дворе, то ли поскользнуться на мокром льду.

— Медведи у вас тут... Ой, боже ж мой! — бормотала она, развязывая на ходу платок. — Ты знаешь, сколько таксист запросил?

— А где же такси? — спросила Вера, медленно двигаясь по тропе.

— Там стоит! — махнула рукой на темный лес Надежда Васильевна. — Эти... с автоматами... не пустили. Меня пустили, а машину нет... Так что ж с тобой приключилось?.. Ой, деточка, как же ты меня напугала! Ты ж мне не сказала, что выселяешься. Я думала, что вы с братом до конца сезона поживете у меня. Ни «до свидания», ни «спасибо» — как испарились. А тут еще парень с ружьем ко мне в комнату ввалился: «Нас нет и не будет!»... Я даже не знала, что думать. Может, обиделись на меня. Или денег я слишком много запросила...

— Надежда Васильевна, пожалуйста, извините меня. Ни на что мы не обиделись, просто так сложились обстоятельства.

— Если надумаешь — возвращайся, — примирительно сказала женщина. — Хоть одна, хоть с братом, хоть с этим... который с ружьем. Твоя комната свободна, я ее пока никому не сдала... Ой, забыла тебе сказать! Ты только меня, старуху, не ругай, если я что не так сделала!

— Что, Надежда Васильевна?

— Ты только позвонила, чтобы я сюда приехала, как в дом постучали. Открываю — а там целая компания молодых людей. Лыжники. Один такой симпатичный про тебя стал спрашивать. Мол, я знаю, что Вера здесь живет, она моя невеста, и я, дескать, ее разыскиваю. Женей он назвался. А я сдуру взяла и сболтнула, что ты сейчас в охотничьем приюте проживаешь...

— Та-ак, — покачав головой, протянула Вера. — Мне только его сейчас не хватает.

— Ох! — простонала Надежда Васильевна и схватилась за сердце. — Зря я сказала, да? Чувствовала ведь: не надо, не надо! Да разве язык за зубами удержишь?

— Может, дорогу не найдет, — со слабой надеждой произнесла Вера. — Да шут с ним! Дело в другом... — Она взяла женщину под руку и повела по тропе к дому. — Помните, как-то к брату приходил мужчина. Я в это время

на работе была. Вы мне потом сами рассказывали, что он с братом очень громко разговаривал.

— Ну да! Помню, конечно. Память у меня еще, слава богу...

— Вы смогли бы узнать этого человека?

— А почему бы и нет? Здоровый такой, мордастый. Голос грубый, громкий...

— Замечательно! — прервала ее Вера. — Идемте в дом. Вы немножко посидите в прихожей, а потом я вас приглашу. Хорошо?

Когда Вера появилась в гостиной, Ирина вяло переругивалась с Земцовым. Точнее, она тихо и спокойно о чем-то спрашивала его, а Земцов нервно огрызнулся.

— Вот ты — мент, — говорила Ирина, не отрывая взгляда от журнальной страницы, — ты же должен дать вразумительное объяснение этому феномену...

— Тебе я ничего не должен! — выкрикнул Земцов. — Вопросы здесь задаю я!

— Никто не оспаривает твоего исключительного права, но прояснение этого вопроса облегчило бы взаимопонимание. — Ирина была само спокойствие. — Мы тут сидим третьи сутки, ждем приезда Войтенко, а он, оказывается, уже несколько лет сидит в тюрьме! И, естественно, никаких писем откатать на принтере не мог.

— В самом деле, Серега, — поддакнул Вешний. — Ерунда какая-то получается. Проясни ситуацию. Кто же вызвал нас всех сюда?

— Что ты сияешь, как медный самовар? — перекинул Земцов свой гнев на Вешнего. — Еще надо разобраться, откуда у нее такие сведения! Вы хотите делать выводы на основе непроверенных данных. Кто лично видел Войтенко в тюрьме? Кто, я спрашиваю?!

— Для того чтобы его там увидеть, — ответила Ирина, — надо, как минимум, попасть в тюрьму.

— А при чем здесь я? При чем? — ревел Земцов.

— При том, что это ты действовал от имени Войтенко. Ты сочинил пригласительные, ты прислал их Пирогову, а он уже разослал их каждому из нас.

— Ты что несешь?! — зашелся в гневе Земцов. — На кой хрен мне это надо было?!

— Если позволите, то я постараюсь объяснить вам, на кой хрен вам это надо было, — вмешалась Вера, стряхивавшая веником с кроссовок комки мокрого снега. — К ответу на этот вопрос меня подтолкнул один случай.

— Ну? — презрительно уставился на нее Земцов. — Давай, чирикай! Даю три минуты. Потом поедem в следственный изолятор, там продолжишь.

— Я успею, — пообещала Вера. — Не далее, как позавчера, террорист Курга поставил мне, своей сообщнице, задачу: преступным способом получить и доставить ему деньги, упакованные в детский рюкзачок...

— Хватит юродствовать, кукла! — вымученно осклабился Земцов. — Говори нормально!

— Дабы обеспечить полное выполнение своих преступных замыслов, — не обращая внимания на оскорбительную реплику, продолжала Вера, — террорист Курга сказал мне следующее... Цитирую по памяти: «Я предупрежу — ворота к твоему приходу будут открыты».

— А кого, — невольно вырвалось у Анатоля, — кого он хотел предупредить?

— Наверное, того, у кого был ключ от ворот, — пояснила Вера.

— Слушать преступницу — себе в убыток, — проворчал Земцов. Глаза его были беспокойны. — Я тоже могу сказать, что случайно подслушал разговор этой девицы и ее братца, где они обсуждали план убийства всех, кто находился в этом доме! И вы все обязаны будете поверить мне, потому что сейчас верите ей!

— Елки-палки, Земцов! — воскликнул Вешний. — Выходит, это ты заставил Кургу разыграть весь этот дурацкий спектакль с захватом заложников, с вымогательством денег?.. Мать моя женщина! Кто бы мог подумать, что ты, Земцов, такой свин!

— Молчать! — рявкнул Земцов, но в его голосе уже не было прежней жесткости. — Вас что — на пол всех уложить? Мордами вниз! Хотите почувствовать, что такое ОМОН?

— Эй, друзья, друзья! — попытался спасти положение Анатолий. — Это нехорошо! Все проблемы надо решать интеллигентно. По-моему, вы из-за личной обиды пытаетесь оскорбить Сергея Игоревича.

— Да! — подбоченив руки, громко сказала Вера. — Да! У меня личная обида на Сергея Игоревича! Можно сказать, кровная месть! И он знает об этом, и потому так нервничает, потому рвет салфетку и мусорит вокруг себя. Я такой же мусор уже как-то выметала у себя дома. Такие крученые бумажки ни с чем не спутаешь, и я точно знаю: вы были у нас дома и говорили с моим братом задолго до приезда сюда ваших одноклассников.

— Ха-ха-ха! — скривился Земцов. — Только, ради бога, не говорите про это криминалистам, иначе вас поднимут на смех. Мусор, который вы где-то когда-то подметали, свидетельствует только о вашей нечистоплотности, а не о том, что я был у вас дома.

— А по тебе, Земцов, видно, что ты испугался, — заметила Ирина. — С чего бы это? Мы же не сыщики, не пытаем тебя под протокол. Мы всего лишь твои бывшие одноклассники.

Вера подняла лицо, глядя на потолок полными слез глазами.

— Подонок, — прошептала она, втягивая носом воздух. — Убийца! Ни-чтожество...

— Давай, давай, — усмехаясь, произнес Земцов. — Слезы мы уже ви-дели, их цену мы знаем.

Вера кинулась к двери, ведущей в прихожую, распахнула ее и ввела за руку Надежду Васильевну.

— Здравствуйте, — робко поздоровалась женщина, не ожидавшая та-кого скопления людей и столь пристального внимания к себе.

— Вы кого-нибудь знаете из этих людей? — спросила Вера, вытирая глаза платком.

— Очная ставка, — констатировал Земцов. — Режут по живому и не щадят...

— Да, — кивнула женщина, с опаской глядя на Земцова. — Вот этого мужчину я видела. Он несколько раз приходил ко мне домой... То есть к Ва-не, к твоему брату.

— Это было давно?

— Примерно недели две назад...

— Я потрясен! — объявил Земцов и налил себе вина. Он уже не лицеме-рил. Он, наконец, сказал правду.

— Спасибо, Надежда Васильевна, — кивнула Вера. — Идемте, я вас про-вожу.

И они вышли из дома во двор. В гостиной стало тихо. Земцов неподвиж-но сидел за столом и смотрел в стаканчик с вином.

— Кирилл! — вдруг позвал он. — Ты работал частным детективом и дол-жен понимать меня. Ты согласен с тем, что цель оправдывает средства?

— Нет, — ответил Кирилл.

— Даже Кирилл не понимает, — развел руками Земцов и перевел взгляд на Анатоля: — Ну, борзописец? Накалякал доносы? Дай сюда!

Он притянул к себе пачку бумаги и стал просматривать записи. Просмо-трит один лист, скомкает и бросит его в камин. Просмотрит другой — бро-сит, просмотрит третий — бросит...

— Что вы от меня хотите? — не отрываясь от своего занятия, прогово-рил он глухим голосом. — Да, в уголовном розыске цель оправдывает средства. Я устроил Курге досрочное освобождение из зоны, и он пообещал, что будет работать на меня. Я организовал вечер встречи выпускни-ков, подстроил отсутствие мест в «Ковчеге», переезд в этот охотничий при-ют. Удобное место! Кругом лес, частокол и дикие медведи. И ты, Ирина, полностью в моих руках. Я пошел ва-банк. Я должен, я обязан был вытрях-нуть из тебя деньги вкладчиков... Молчи, Ира, молчи! Не надо ничего гово-

рить. Я знаю, что они у тебя. И об этом знают все, кто сейчас здесь. Пусть твое преступление останется на твоей совести. Очень сожалею, но я не в силах привлечь тебя к ответственности — ты оказалась сильнее меня. Вдобавок, Курга меня подвел. Он не справился с ролью террориста. Сломался, когда надо было проявить волю... К тому же, я не доверял ему до конца. Курга мог в любую минуту проболтаться о нашем с ним сговоре. И потому я не поставил его в известность, когда мы с Вешним сымитировали мое убийство. Как и следовало ожидать, Курга все принял за чистую монету. Он решил, что теперь никогда и никому не сумеет доказать, что захват заложников был всего лишь инсценировкой, придуманной майором Земцовым, что это специальная операция... Плюс ко всему, Ириша подлила масла в огонь, мастерски повесив на несчастного Кургу «двойное убийство». И он сломался окончательно...

Земцов попытался встать из-за стола, но его вдруг повело в сторону, и он снова опустился на стул, потянув на себя край скатерти. Бутылка упала, вино стало толчками выплескиваться на стол.

— Эй, народ! — хриплым голосом крикнул он, хватая бутылку. — Почему никто не ест и не пьет? Я ж для вас старался! — и, запрокинув голову, стал пить прямо из горлышка. Опустошив бутылку, поставил ее под стол, вытер красные губы ладонью и произнес: — Окружили, затравили, как волка... Никто не пожалеет. А ведь раньше вы все меня любили. Я знаю, все девчонки были от меня без ума!.. Не надо лгать, притворяться — чувства не проходят.

Земцов повернулся и посмотрел на Ирину, которая по-прежнему сидела на диване.

— Ириша! Ты знаешь... Я был не прав тогда. Я все помню, и у меня до сих пор вот тут болит. — Он скривился и стал массировать грудь. — Да, я хотел унижить тебя, это правда. Знаешь, высокий рост и красивая физиономия не гарантируют отсутствие комплексов. Я очень комплексовал, и мне как воздух надо было кого-то унижать, над кем-то смеяться... Вы все правы — я идиот, скотина, подонок!.. Ириша! Ну, подними же глаза! Ты ведь простишь меня?

— Господи! — прошептала Ирина. — Когда же все это кончится?

Она отложила журнал, поднялась с дивана и вышла в прихожую. Земцов с досадой чмокнул губами:

— Упорхнула птичка...

Он снова попытался встать из-за стола, и на этот раз ему это удалось. Дотянулся до нетронутой бутылки, отхлебнул и, опираясь о стол, подошел к Люде.

— Ты же любила меня, малыш. Помнишь, любила? А сейчас?.. Думаешь, я не знаю, что это ты убила Пирогова? А? За дурачка меня держим?..

А Федька — герой! Рыцарь! Я бы так не смог — сие есть факт. Так радуйся, Людусик! Пляши! И твой писарь пусть пляшет...

Кирилл взял его за ворот и оттащил от Люды.

— Ты пьян, — сказал он. — Будет лучше, если ты сядешь.

— Вот! — вдруг заорал Земцов. — Наконец-то нашелся человек, который хочет ударить меня по роже! Ну же! Давай, Кирюха! Вмажь! У тебя классные бицепсы и кулаки!

Кирилл смотрел на Земцова с жалостью, как смотрят на очень больных и несчастных людей.

— И тебе станет легче?

— Не знаю, — ответил Земцов, сел, кинул руки на стол и уронил на них голову.

Он слышал, как все одевались и выходили из дома, и через пару минут остался в гостиной один.

Глава 63

Земцов стоял у окна и, прячась за шторой, смотрел на то, что происходило в беседке. Он не мог понять своих одноклассников. Что это с ними? Веселятся, как дети, будто ничего не произошло. Белкин где-то раздобыл бутылку водки и выстроил на скамейке ряд пластиковых стаканчиков. Ирина предложила тост: «Давайте же, наконец, выпьем за наш класс!» Люда рассказывала Белкину что-то смешное, наверное, анекдот. Оба заразительно смеялись. Вешний любезничал с Верой, пока Вацура показывал ружье Анатолю. Анатолий с опаской взял ружье, взвесил его в руках и прицелился в луну...

Земцов отошел от окна и приблизился к столу. Какой омерзительный спектакль! Они нарочно встали напротив окон, чтобы он видел их неестественное веселье. Прыгают, обезьяны, на теле мертвого льва, верещат, швыряются бананами.

Он стал массировать грудь. Над желудком разрасталась какая-то пустота, казалось, она затягивает сердце. Трудно дышать... Может, это у него от голода или от нервного истощения? Сколько уже суток он не позволяет себе ни на секунду расслабиться? Сколько он спал за это время? Считанные часы. И пьет много. Надо ударить по тормозам, взять себя в руки и довести дело до конца... Сейчас, сейчас. Он немного отдохнет, посидит у камина, выкинет из головы всякие глупые мысли, сожжет их в огне и снова станет сильным, уверенным в себе человеком. Он должен им стать. Должен, хотя это уже невозможно...

Музыка? Откуда там музыка? Где они взяли магнитофон?.. Земцов прислушался, повернул голову. «Солнечный остров скрылся в туман...» Ну, вот еще! Прямо-таки выпускной бал устроили! Того гляди, Люда сейчас пригласит его на танец. Он, конечно, согласится — Ира ведь не спускает с него глаз, она страшно ревнует.

Надо идти к ним, надо торопиться, иначе Ирка сейчас сядет в свой «лексус» и уедет. И он уже никак не сможет ее задержать. Надо идти, пока играет эта песня.

Земцов кинулся к двери, приоткрыл ее, выглянул наружу. Лучше, конечно, чтобы до поры до времени они его не видели. Сейчас вот обойдет дом с тыльной стороны, где темно и немного жутковато, и пусть они подумают, что он пришел к ним из леса...

Он выглянул из-за угла, посмотрел на беседку, наполненную подвижными и шумными теньями. Его трясло от страха перед ними, потому что они все ненавидели его, они все хотели его смерти.

«Надо взять себя в руки», — еще раз подумал Земцов, но уже машинально пошел к забору и свернул в узкий проход, ограниченный глухой стеной дома. Здесь его никто не мог увидеть.

Глава 64

«Она все время ловит мой взгляд, будто хочет что-то спросить, но не может решиться, — думал Кирилл, глядя на Веру. — И у меня такое чувство, будто я чего-то не сделал, не принял какого-то важного для себя решения».

Переносной магнитофон, который Белкин нашел на антресоли в прихожей, из последних сил крутил ленту. Качество звука было ужасным: музыка плавала, динамики хрипели, в пропыленных недрах магнитофона что-то все время трещало. Но никто не жаловался и не просил Белкина убавить звук: тишина была бы вообще невыносимой.

— Не забыть бы вернуть тебе безрукавку, — сказала Вера.

— Разве мы уже расстаемся? — спросил Кирилл.

— А разве нет?

Кирилл промолчал. Он не знал, расстанутся они или нет. Это, как ни странно, зависело не только от них.

— Ты мне напишешь? — вырвалось у нее, и она тотчас опустила глаза.

— Зачем писать? — пожал плечами Кирилл. — Я тебе позвоню. Так проще и быстрее.

Она кивнула, с трудом сдерживая слезы. Он все сказал. И нет смысла объяснять ему, что у нее не только телефона, у нее дома своего нет.

— Ну? — спросил Кирилл, касаясь ее подбородка и приподнимая лицо. — Что ты загрустила?

«Я как чувствовала, — думала Вера. — Как чувствовала, что этим кончится. Говорила же себе: Верка, держи сердце на тормозах, не влюбись в него, не впускай в душу... Да где там! Вот теперь объясняй, почему загрустила».

— Вот, — сказал он, протягивая девушке черный картонный квадратик. — Тут мои телефоны, факс и адрес в Интернете.

Она взяла, улыбнувшись, кивнула головой, и предательская слеза скатилась по ее щеке. Но он, кажется, не заметил — его отвлек Белкин. Как, в самом деле, просто! Адрес в Интернете! Да она толком не знает, что это такое и как Кирилла в этом Интернете искать. Можно, конечно, позвонить по телефону. Но что она скажет? «Здравствуй, это я, Вера... Которую вытащил из подвала в Эсто-Садке...» И слушать, как он, комкая слова, будет изображать радость, как начнет извиняться и оправдываться, что у него совсем нет времени, и пусть она еще как-нибудь, при случае, позвонит, и, дай бог, они свидятся...

— Вера! — громко, чтобы перекричать музыку, крикнула Ирина. — К тебе пришли!

Вот и все... Вера посмотрела на Кирилла. Он удивленно вскинул брови, мол, что это за фокусы, кто мог прийти к тебе?

Она медленно повернулась лицом к воротам. Явился — не запыхавшись, бежит по талому снегу, спотыкается, руки расставил в стороны. А где ж ты был раньше? Сволочь, конечно, но другого жениха нет и, по всей вероятности, не предвидится...

— Верка!!

Во двор забежал парень в горнолыжном костюме, перешел на шаг, быстро приблизился к Вере, крепко обнял ее и принялся неистово целовать ее лицо.

— Милая моя, любимая... — бормотал он. — Прости, прости меня! Я когда узнал, что с тобой случилось, совсем голову потерял... Не могу жить без тебя...

Ирина покосилась на Кирилла — как он реагирует на столь пикантную сцену? Белкин, плеснув в пластиковый стаканчик водки, постучал по плечу парня и сказал:

— Эй, мужик! Выпей с нами, а то не только голову потеряешь!

— Да, да! — обрадовано ответил парень, отрываясь от Веры. — С радостью! Я, можно сказать, наконец-то нашел свое счастье. Ну, за мою Верочку! — и вылил водку себе в рот.

— А что, вы давно знакомы с Верой? — спросила Ирина.

— Давно, — признался парень. — Уже три года... Вы знаете, судьба так коварно нас разлучила... Э-э-э, да что там говорить! Да, Верунчик? Теперь мы никогда не расстанемся!

— Да, — покачала головой Ирина. — Это, конечно, очень радостное событие... А вас, простите, как зовут?

— Евгений... Да можно просто Женька! — великодушно разрешил парень.

— А вам не кажется, Женька, что Верочка от радости дара речи лишилась?

— Это ничего! — с оптимизмом ответил он и встряхнул девушку. — После того, что мы пережили, нам уже ничего не страшно. Да, Верунчик?

Верунчик молчала и, повернув голову, смотрела на Кирилла. А он оценивающе смотрел на парня.

— Так это и есть...

— Да, — ответила она, не позволив ему задать вопрос до конца. А мысленно умоляла: «Ну, скажи! Скажи: останься! Всего одно слово — и этот Женя уйдет отсюда немедленно... Пожалуйста, умоляю, скажи!»

Но тут между ней и Кириллом встал Вешний. Поднимая над головой стаканчик, он предложил тост за то, чтобы отныне встречаться ежегодно, но только в бронжилетах. Потом Кирилла еще дальше оттеснил Белкин. Он пробивался в середину круга, чтобы его все услышали:

— Эх, братцы! А помните, как мы... — Но рев, несущийся из старого магнитофона, заглушил его слова.

Два больших специалиста — Анатолий и Женя, в десятый раз чокаясь и перекрикивая друг друга, спорили на темы любви и верности. Ирина убеждала Веру в том, как важно для молодой женщины принимать только взвешенные и продуманные решения. И лишь Люда с Кириллом, не найдя, чем заняться, молча сидели на скамейке.

Прошел час. Магнитофон слабел, музыка становилась тише, и можно было разговаривать, не повышая голоса. Но по привычке все продолжали кричать, о чем-то споря, что-то обсуждая и вспоминая. Может, потому никто сразу не обратил внимания на рослого человека в легкой куртке и кепке, который подошел к беседке в сопровождении двух вооруженных омоновцев.

— Я следователь по особо важным делам Новиков, — представился незнакомец. — Прошу всех зайти в дом.

Эйфория закончилась. Реальность, от которой повзрослевший класс стремительно уносил ноги, неожиданно встала на их пути.

— А можно узнать, в связи с чем мы должны зайти в дом? — певуче растягивая слова, спросила Ирина. Она была пьяна и потому очень не хотела возвращаться в душный, до чертиков надоевший дом.

— Можно, — спокойно ответил следователь. — Полчаса назад выстрелом из пистолета был убит старший оперуполномоченный Земцов. Очень сожалею, но вы все попадаете под подозрение.

Глава 65

Группа, уставшая от постоянного шока, почти с безразличием отнеслась к этой новости, как если бы следователь объявил об убийстве какого-то террориста в какой-нибудь далекой стране. Кирилл при этих словах машинально опустил руку на затвор ружья, которое лежало рядом на скамейке. Вера подумала, что сама судьба не хочет разлучать ее с Кириллом — начнется расследование, допросы, и никого за пределы охотничьего приюта не выпустят. Люда то ли тягостно, то ли с облегчением вздохнула. Вешний почему-то огляделся, словно хотел лично увидеть труп Земцова. Ирина схватилась за голову, села на скамейку и тихо проговорила:

— Все. Я больше не могу. Еще раз этого я не переживу...

А Белкин вообще запутался в пространстве и времени:

— Что значит, полчаса назад? — удивленно произнес он. — Ведь уже три дня прошло, как его прибили... Тьфу, черт! Братцы, кажется, у меня крыша поехала!

Новиков занял торцевую комнату на втором этаже, куда начал вызывать на допрос. Он был спокоен и вежлив, и вопросы его были просты и конкретны. По этим вопросам можно было сделать вывод, что Земцова убили из пистолета «Макарова», пуля снесла ему половину черепа, но пистолета на месте преступления не оказалось, а убийство произошло в самый разгар веселья в беседке.

Ирина вызвалась на допрос первой — она собиралась немедленно ехать домой, утром ей нужно было быть у себя в офисе. Когда Новиков спросил ее, отлучалась ли она куда-нибудь из беседки, Ирина подтвердила и объяснила это тем, что выпила слишком много чая, а потом еще и водки, и терпеть не было уже никаких сил. Следователь, кивая, внимательно слушал ее, потом взял с нее подписку о невыезде и отпустил.

Когда она вышла от следователя, Белкин тотчас же сравнил это со школьными экзаменами, на которые Ирина обычно шла первой, а выходила неизменно с улыбкой. Все рассмеялись — сравнение оказалось на редкость точным.

— Какой билет попался? — спросил ее Вешний.

Ирина ответила, что ей всегда попадались «счастливые», и этот раз не стал исключением. Она расцеловала всех, попросила за все прощения

и пошла к машине. Анатолий и Женя увязались, было, проводить ее, но их из дома не выпустили омоновцы.

Кирилл сказал следователю, что на несколько минут уходил в сарай, чтобы найти ветошь для чистки ружья. Вера призналась, что в разгар веселья ходила на кухню и искала какую-нибудь закуску, потому что пить водку без закуски невозможно. Люда вспомнила, что прогуливалась вдоль забора, потому что у нее неожиданно разболелась голова. Белкин без утайки рассказал о том, что за сараем он как-то припрятал на «черный день» пару бутылок водки; само собой разумеется, что ему пришлось несколько раз посещать свой тайник, чтобы поддерживать веселье одноклассников на должном уровне. Лишь один Вешний не смог вразумительно ответить следователю, для какой цели покидал беседку, тем не менее, он дал подписку и также был отпущен восвояси.

Несмотря на позднее время, никто не остался ночевать в охотничьем приюте. Анатолий с Людой уехали в поселок на УАЗе вместе с омоновцами. Женя повел Веру через лес к домику, в котором его друзья снимали комнаты. Кирилл вместе с Вешним по просеке добрались до гостиницы «Ковчег», где в холле администратора дождались утра. Белкин провел ночь в изоляторе временного содержания, откуда на следующий день его перевезли в Краснодарский СИЗО.

Трупы Курги, Пирогова и Земцова на рассвете погрузили в спецмашину с оцинкованным фургоном без окон. Но она не проехала и пятидесяти метров, как забуксовала в рыхлом подтаявшем снегу. Новикову пришлось вызвать тягач. По дороге в спецмашину погрузили еще три тела, найденные егерями в лесу.

Убитым медведем распорядилось местное охотничье хозяйство. Из его шкуры сделали экспонат для местного природоведческого музея.

Встреча выпускников закончилась.

Эпилог

Небо бледнело, звезды гасли, на газон школьного двора опустился туман. В актовом зале затихла музыка. Члены родительского комитета принялись убирать со столов. Измученные учителя с красными глазами с трудом поднимались из-за столов. Лаборант-физик сматывал электропровода, упаковывал в коробки колонки и усилители. Военрук, отвечающий за порядок и дисциплину в школе, проверял все незапертые классы и туалеты.

Выпускники, толкаясь в узких дверях, спешили на улицу.

— Быстрее! — кричал Вешний. — На рассвет опоздаем!

В толчее он щипал девчонок, они неестественно сердились и лупили его увядшими букетами, которые забыли взять с собой учителя. Белкин, отыскивая в толпе своих, нашептывал:

— Собираемся за теплицей!.. За теплицей... Только незаметно, чтобы Раиса не застучала!

Раиса, классный руководитель, застучала.

— Никому не расходиться! — слабым голосом умоляла она, но ее уже никто не боялся, не слушался, она уже была чужим человеком.

— Побежали! — скомандовал Кирилл, и весь класс с топотом, свистом и хохотом понесся по пустынной улице в парк.

Раиса бегать не могла, она безнадежно отставала от молодых. Когда расстояние между ней и классом стало непреодолимым, женщина остановилась рядом с цветущим каштаном, посмотрела вслед белым платьям и темным пиджакам и побрела домой спать.

В парке было сыро. Пронзительно пахло сочной зеленью и цветами. Мокрая, упругая трава достигала пояса. Девочки сняли босоножки и приподняли мокрые подошвы своих платьев. Мальчики закурили и стали вразнобой петь.

Они пришли на обрыв, откуда можно было увидеть восход солнца. Они заранее приметили это место и припрятали в кустах трехлитровую банку с вином.

Солнце зарождалось где-то далеко, в голубом тумане, который плотно закрывал горизонт. Никто не знал, когда же солнце взойдет. Пили по очереди, отхлебывая прямо из банки. Вино проливалось на платья и костюмы, но это только забавляло. Белкин изображал Казбича: подняв Люду на руки, он с рычанием носился по поляне. Кирилл целовался с Валею, с которой сидел за одной партой, — через год она умрет от лейкемии. Но тогда он этого не знал и наивно думал, что вот так легко и незаметно нашел себе жену. Вешний, вывернув пиджак наизнанку, стоял на пне и читал монолог Гамлета. Ира сидела на бревне, подпирая подбородок ладонями, и смотрела на алеющий восход. Земцов пытался раскурить отцовскую трубку, привезенную из Лондона, — он считал, что эта трубка делает его похожим на Шерлока Холмса. Пирогов собирал хворост для костра.

Потом они кружились хороводом вокруг банки с остатками вина на дне. Белкин держал за руку Люду, Люда — Кирилла, Кирилл — Пирогова, Пирогов — Земцова, Земцов — Валею, а Валя — Иру. Все задыхались от хохота, все казались безумно счастливыми, и потому, должно быть, пропустили восход.

Сырое солнце медленно поднималось из тумана, открывая земле новый день. Молодые люди продолжали носиться вокруг пустой банки по мокрой

свистящей траве. Они скинули с себя скучное школьное прошлое и жили уже будущим. Все клялись, что обязательно встретятся через год в этом же месте и в этом же составе, и все искренне думали, что так оно и будет — ведь будущее было светлым и чистым, как июньское утро, и его можно было предсказать. Они будут встречаться каждый год, где бы ни жили и кем бы ни стали. Они до конца своих дней будут помнить и любить друг друга. Помнить и любить...

А спустя пятнадцать лет Белкин взял на себя убийство Пирогова. Следствие тянулось медленно, убедительных доказательств не хватало, и прокурор дважды возвращал дело на дополнительное расследование.

С остальных, кто давал следователю Новикову подписку о невыезде, все подозрения были сняты. Дело об убийстве старшего оперуполномоченного Земцова было закрыто в связи с отсутствием состава преступления. Утром, после бессонной ночи, Новиков нашел пистолет «Макарова» на ветке сосны, растущей за частоколом. К рукоятке, петлей, был привязан большой кусок резинового жгута. Следственный эксперимент подтвердил его предварительный вывод: Земцов накинул резиновую петлю на частокол, натянул жгут и выстрелил себе в висок. Пистолет вырвался из его ослабевшей руки и, словно был запущен из пращи, перелетел через частокол, увлекая за собой жгут...

Оформляя свои выводы, Новиков очень призрачно объяснил причину столь странного способа ухода из жизни. Он ссылался на физическое и психическое переутомление оперативного работника, на чувство обиды, неудовлетворенности, что вынудило его покончить с собой, но при этом он кинул тень на одноклассников, сымитировав убийство.

Когда Кириллу удалось взять в архиве материалы по этому делу и посмотреть их, он сразу понял, что все выводы Новикова шиты белыми нитками. Этот человек просто не знал Земцова. Никогда, ни при каких обстоятельствах Земцов не покончил бы с собой. Он слишком любил себя, чтобы уйти из жизни раньше тех, кого презирал. Новиков этого не знал. Не знал он также и об удивительно хитром и расчетливом уме Ирины. Только она могла придумать эту уловку: заранее привязать жгут к пистолету и выстрелить в Земцова в тот момент, когда во дворе грохотала музыка. Потом она, по-видимому, вложила пистолет в руку мертвеца, чтобы на нем остались его отпечатки, и, накинув резиновую петлю на пику частокола, зашвырнула пистолет, словно из рогатки, на ближайшее дерево. Она была уверена, что «Макаров» рано или поздно найдут, и тогда в самоубийстве Земцова никто не будет сомневаться.

Видимо, она очень хотела убедить одноклассников, что в Земцове, как и в ней самой, все-таки проснулась совесть.

А сама Ирина погибла в ту же ночь, когда выехала на «лексусе» из охотничьего приюта. На самом опасном участке трассы ее машина выбила ограждение и с тридцатиметровой высоты свалилась в пропасть. Она умерла мгновенно. Эксперты обнаружили в ее крови большой процент алкоголя. Но вряд ли можно было говорить с полной уверенностью, что это был несчастный случай.

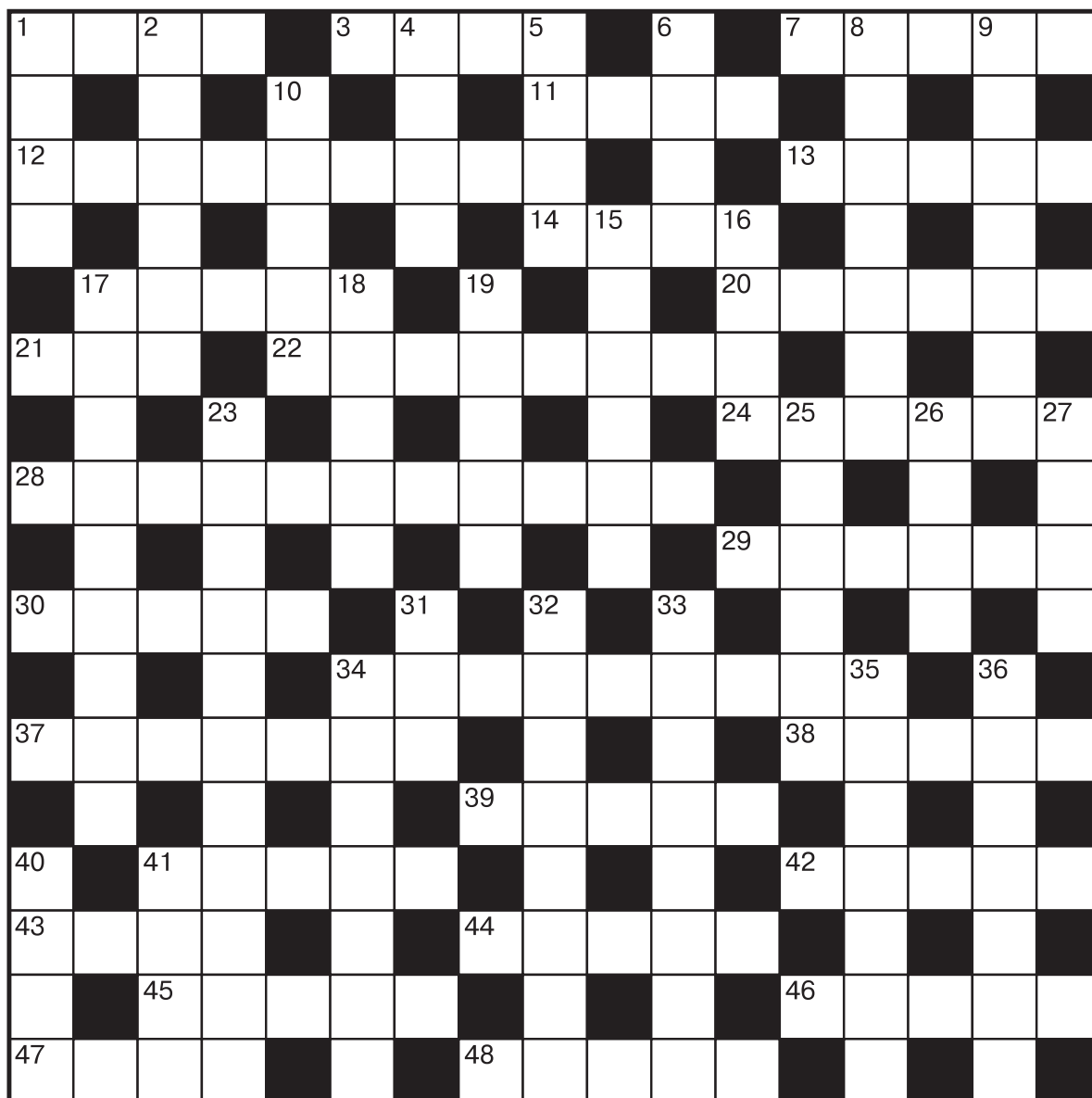
Вера не позвонила Кириллу. Он вскоре затосковал по ней, стал ее искать, даже в Эсто-Садок приехал, но Надежда Васильевна ничем не смогла ему помочь. Так ни с чем Кирилл и вернулся домой.

Год спустя тридцать седьмая средняя школа Краснодара организовала бал встречи выпускников, но из 10 «Б» выпуска восемьдесят пятого года пришел только Вешний с новой женой, продавщицей из маленького горнолыжного поселка.

Люда разошлась с Анатолом и уехала с матерью в Израиль...

Все это когда-то произойдет. А пока девчонки в мокрых от утренней росы платьях и босоногие парни в костюмах кружат хоровод вокруг банки с вином и ждут появления светила... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Самый беспристрастный судья» итогов диеты. **3.** Рабыня, которая поет. **7.** «Когда встречаются два хищника, нет того, кто не боится. Они оба боятся! Но, кто первым покажет ..., того первым и убьют». **11.** Скоропостижная партия. **12.** Первый американский ... построили в Чикаго для страховой компании в 1883 году. **13.** Областной

центр с памятником княгине Ольге. **14.** Какой футбольный клуб самый титулованный в Нидерландах? **17.** Кого заколола Шарлотта Корде, чтобы остановить волну террора? **20.** Паб на русский лад. **21.** Песня «на гребне популярности». **22.** Какой наш полуостров знаменит крабами и красной икрой? **24.** Сказочный «огнемет». **28.** Земля вокруг Потсдама.

29. Кто оправляет бриллианты в золото? **30.** Внешний, но не признак. **34.** Тяп-ляпщик. **37.** Однажды на фестивале в Латвии за заслуги в области кино Пьеру Ришару вручили «большой черный ...», сделанный итальянским ювелиром. **38.** Лосось, чья икра славится своей горчинкой. **39.** Время пробуждения от зимней спячки у медведя. **41.** Собачье рандеву. **42.** Какое ископаемое, по прогнозам многих ученых, закончится быстрее, чем нефть? **43.** «Стрельба в ухо» как диагноз. **44.** «Профессиональный кодекс чести». **45.** «Два меча в одни ... не входят». **46.** Какой граф «одолжил» свою фамилию породе рысаков? **47.** Кто стал первым применять лицензионные соглашения в модельном бизнесе? **48.** «Спортивное начало».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Что самое подвижное в вертолете? **2.** Товарищ по несчастью. **4.** Фетиш завсегдатая казино. **5.** С каким квартетом СССР рассчитывался нефтью за песни? **6.** Стезя братьев Запашных. **8.** Междусобойчик у молодежи. **9.** Масля-

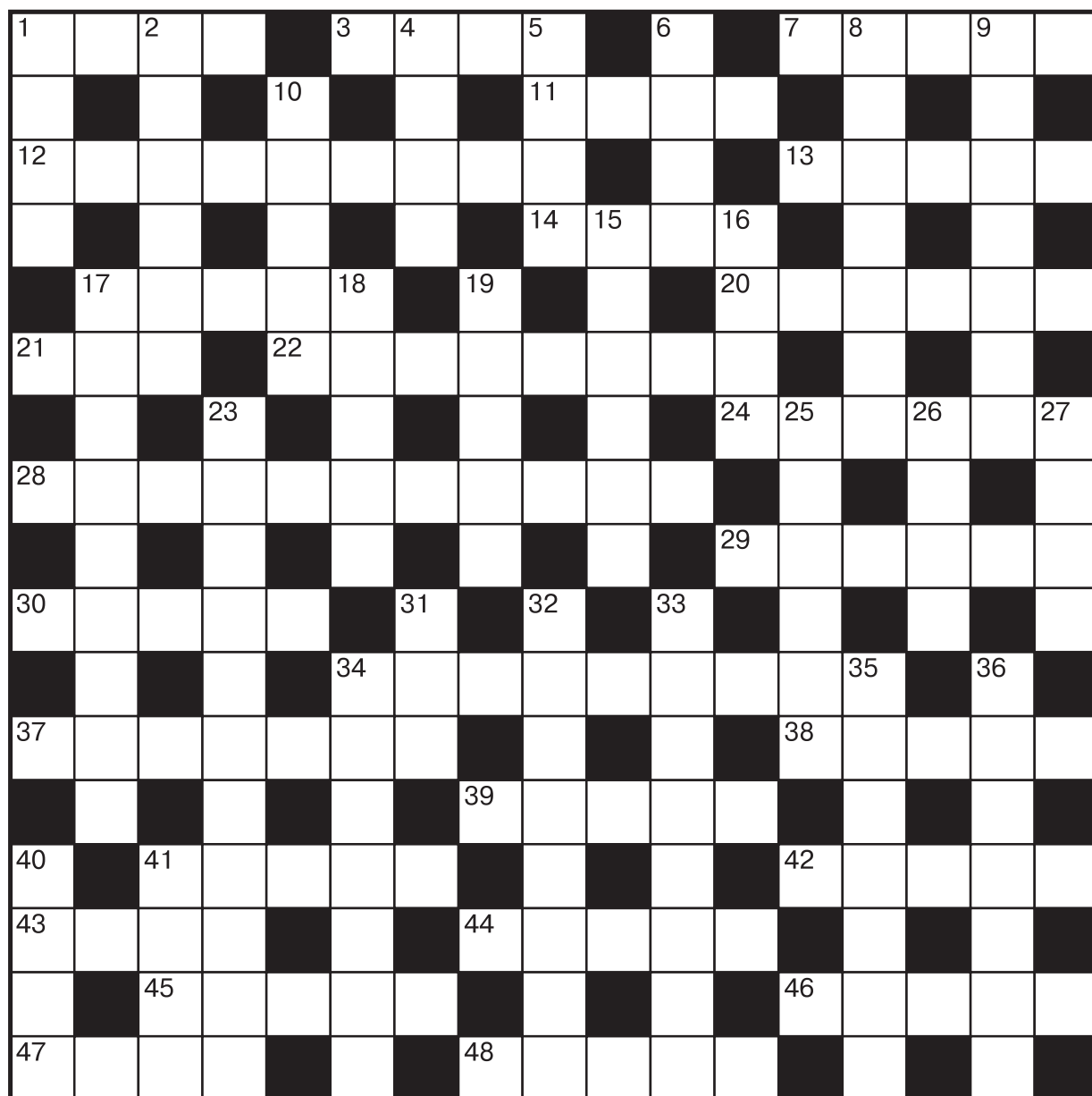
ная груша под креветки. **10.** Как звали отца Аркадия Райкина? **15.** Желтый жемчуг Прибалтики. **16.** Пике в экономике. **17.** «Короткие заметки» на полях Интернета. **18.** Фантастический роман «... с драконами» от Джорджа Мартина. **19.** Овладение знаниями. **23.** Фантастическое «оружие», «растворяющее» врага в потоке излучения. **25.** Служитель в синагоге. **26.** Юбка шотландского значения. **27.** Героиня Татьяны Дорониной из фильма «Три тополя на Плющихе». **31.** «Гарнир» к бубликам. **32.** Школьная «путевка в жизнь». **33.** Кто из журналистов стремится попасть в эпицентр событий? **34.** Какую олимпийскую гимнастку сыграла Кристина Асмус в спортивной драме «Чемпионы: Быстрее. Выше. Сильнее»? **35.** Туристы часто путают Австрию с Австралией, а потому в этой европейской стране популярен слоган «В Австрии ... нет!» **36.** Из-за чего голливудская красотка Шейлин Вудли в подростковом возрасте носила корсет? **40.** Кто сыграл культового археолога Индиану Джонса? **41.** Что советует взять сомелье?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Будда. **9.** Успех. **10.** Водолаз. **11.** Базилик. **12.** Триплан. **13.** Пьеса. **14.** Бегемот. **15.** Счастье. **18.** Шипка. **19.** Волк. **21.** Банан. **23.** Плен. **25.** Анаконда. **26.** Кипиш. **27.** Узел. **29.** Петух. **32.** Городок. **34.** Салат. **36.** Габен. **37.** Детская. **38.** Створ. **39.** Пицца. **40.** Арлекин. **41.** Прага. **42.** «Варяг».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Встреча. **2.** Веспасиан. **4.** Уран. **5.** Движение. **6.** Бок. **7.** «Вольт». **8.** «Фауст». **10.** Видеоконференция. **11.** Бальзамирование. **13.** Пол. **16.** «Боинг». **17.** Экран. **20.** Спрут. **21.** Берег. **22.** Уксус. **24.** Пирог. **28.** Лобстер. **30.** Халтура. **31.** Каторга. **33.** Капица. **35.** Зебра.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Шахматный Паганини». **3.** Кодовое название операции по устранению Льва Троцкого. **7.** Китайский «суаньпань». **11.** Немка, мать русского философа Александра Герцена. **12.** Стрельба из укрытия в пейнтболе. **13.** Киргизский национальный напиток. **14.** Английская фирма, выпускавшая в годы Второй мировой вой-

ны бомбардировщики «Ланкастер» и «Линкольн». **17.** Огнедышащий великан, убитый Гераклом. **20.** «Громкий» намаз. **21.** Кровожадный Ниш из «Заколдованной Эллы». **22.** Аббат в литературных врагах Вольтера. **24.** Властитель горных индийцев, который покорился Александру Великому, чем и расширил свои владения с легкой руки полководца.

28. Какая итальянка одевала Марлен Дитрих с Мишель Морган?
29. Зерновой хлеб в Древней Руси.
30. Любимый пес Сергея Рахманинова.
34. Мексиканская пивная.
37. Самый распространенный день рождения в мире.
38. Водяной фазанчик из рисовых зарослей.
39. Ящерица с синим языком.
41. Самый «древний» стиль плавания.
42. Молочный теленок.
43. Таджикская лапша.
44. Какой самолет внес определенную сумятицу в версии гибели Адольфа Гитлера?
45. Барбекю в Латинской Америке.
46. Самая семейная богиня римлян.
47. Главный поэт немецкого Возрождения.
48. Небольшой дворец у османов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какой французский психиатр предложил термин «алкогольное мышление»? **2.** Дикобраз из Индонезии. **4.** Мажорный аспект в астрологии. **5.** «Демоническое начало» у Даниила Андреева. **6.** Судно викингов. **8.** Дерево Амазонии, чей порошок идет на приготовление напитка, возбуждающего эротические фантазии. **9.** Древнерусская стрела. **10.** Мудрый гид, ко-

торый ведет нас за руку сквозь хаос фактов. **15.** Легендарный метрдотель, чья смерть описана в шуточной поэме «Гастрономия» Жозефа Бершу. **16.** Первая звуковая картина Ленфильма. **17.** Макароны «монетки» из Лигурии. **18.** Куда шел Юлий Цезарь, когда его закололи? **19.** Под каким прозвищем попал в мемуары Айседоры Дункан первый ее любовник — венгерский актер Оскар Бережи? **23.** Велогонка по горной трассе. **25.** Какая книга сменила «Энеиду» Вергилия для гаданий? **26.** Главный компонент первых европейских чернил. **27.** Что князь Владимир Серпуховской поменял на Углич? **31.** Портативный компьютер на сленге. **32.** Вход на площадь святого Марка в Венеции со стороны набережной. **33.** Любимые сандалии Жаклин Кеннеди. **34.** Коробочка для искупительной жертвы у древних христиан. **35.** Какого итальянского поэта «народ причислил к лику святых»? **36.** Как древние римляне называли корабельную мачту? **40.** Налог с военной добычи в пользу халифа. **41.** Художник в ближайших друзьях Пабло Пикассо.

Ответы на эрудит, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Таран. **9.** Лаура. **10.** Бодибар. **11.** Парашют. **12.** Эльберт. **13.** Кутас. **14.** Монгкон. **15.** Афанаты. **18.** Тиаре. **19.** Плов. **21.** Модал. **23.** Буан. **25.** Арнарсон. **26.** Скотт. **27.** Диос. **29.** Бухис. **32.** Геоглиф. **34.** Шатле. **36.** Менео. **37.** Чирioле. **38.** Марти. **39.** Фолль. **40.** Допьяза. **41.** Экарт. **42.** Чапра.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Цайлифо. **2.** Брабансон. **4.** Агат. **5.** Анаволий. **6.** Кот. **7.** Бифун. **8.** Бабаи. **10.** «Бюргербраукеллер». **11.** Протоалкоголизм. **13.** Ком. **16.** Фляст. **17.** Эванс. **20.** «Ябеда». **21.** Магог. **22.** Гашиш. **24.** Отчим. **28.** «Севилья». **30.** Салакка. **31.** Алатырь. **33.** Федора. **35.** «Бизон».

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2019 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2019 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Дорогие читатели!

Когда в нашей жизни что-то случается неприятное, мы обычно ссылаемся на невезение, рок или судьбу и никогда не задумываемся над тем, что та же «судьба» порой посылает нам в помощь определенные знаки, которые надо только разглядеть и понять.

Нам интересно, а были ли у вас такие ситуации, когда некий «знак свыше» помог вам найти правильное решение или что-то изменить в вашей жизни в лучшую сторону. Вот мы и решили в 2018 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Знаки судьбы».**

Ждем ваших интересных историй!

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:

tomasmena@mail.ru до 20 ноября 2018 года.

Не забудьте указать свой возраст и профессию.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2019-го. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

